

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.
Humanitates

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities Research.
Humanitates

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

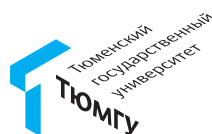
Том 12. № 2 (46)

2026

Vol. 12. No. 2 (46)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
Е. В. Маринова, Н. Новгород, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Д. М. Нечипорук, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрещенных, Тюмень, Россия
А. М. Плотникова, Екатеринбург, Россия
А. В. Скочин, Тюмень, Россия
О. В. Трофимова, Тюмень, Россия
Н. С. Чижов, Тюмень, Россия
С. Н. Щербич, Тюмень, Россия

Ответственные секретари

Технический секретарь
Ю. Н. Степанова, Тюмень, Россия
Ответственный за выпуск
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Ответственный за рецензирование
Е. В. Новокрещенных, Тюмень, Россия

Редакционный совет

А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюни, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanitates@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia
E. V. Marinova, N. Novgorod, Russia
A. A. Medvedev, Tyumen, Russia
D. M. Nechiporuk, Tyumen, Russia
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia
A. M. Plotnikova, Yekaterinburg, Russia
A. V. Skochin, Tyumen, Russia
O. V. Trofimova, Tyumen, Russia
N. S. Chizhov, Tyumen, Russia
S. N. Tscherbich, Tyumen, Russia

Executive secretaries

Technical secretary
Yu. N. Stepanova, Tyumen, Russia
Issue executive
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
Review executive
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia
N. N. Belozerovala, Tyumen, Russia
T. V. Victorov, Strasbourg, France
D. F. Virdis, Cagliari, Italy
T. Wunsch, Passau, Germany
S. Garton, Aston, UK
N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia
A. G. Yemanov, Tyumen, Russia
O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia
S. A. Komarov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia
Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia
N. V. Labunets, Tyumen, Russia
P. Marillaud, Toulouse, France
A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia
N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia
S. S. Pashin, Tyumen, Russia
M. Sabbatini, Pisa, Italy
T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia
E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland
R. Czaja, Toruń, Poland
E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

Published, edited and printed by

For article submission

The journal is distributed

University of Tyumen

UTMN-Press
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

vestnik-humanitates@utmn.ru
No publication charges

Accessed at <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
Subscription to Russian Post catalogue (No. ПА252)

Содержание

Языкознание

- 6 Комбинированный анализ: использование инструментов больших языковых моделей для лингвистического исследования
Белозёрова Н. Н., Габриэлян А. В., Воронков М. А., Зименс П. А.
- 22 Семантика эмоционем философского эссе Альбера Камю «Бунтующий человек»
Тулупов В. С.

Литературоведение

- 38 Петербургско-московский Фауст: две жизни Якова Брюса в зеркалах русской поэзии
Зверева Т. В., Марков А. В.
- 55 *Девственная лазурь и молоко сивиллы*: рождение стиха в поэтическом представлении С. Малларме и И. Анненского
Соколов Р. Е., Ганин М. В.
- 72 «Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова «Школа для дураков»
Данилина Г. И., Гринякина К. А.
- 91 Пьеса Чехова «Дядя Ваня» в архетипической оптике
Шилов В. С., Комаров С. А.

История

- 103 Товарные палатки приказа Тайных дел в Российском государстве во второй половине XVII в.
Варенцова Л. Ю.
- 122 Новые сюжеты и акторы коммеморативных практик в постсоветском Кургане (1991–2021 гг.)
Авдеенко А. А.
- 143 Сотрудничество КНР и стран Центральной Азии в области сохранения культурного наследия в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь»
Суфиянова Г. Р., Пальчикова А. Г., Саитова А. А.

Contents

Linguistics

- 6 Augmented analysis: Using large language model tools for linguistic research
Belozeroва N. N., Gabrielyan A. V., Voronkov M. A., Zimens P. A.
- 22 Semantics of emotives in Albert Camus' philosophical essay "The Rebel"
Tulupov V. S.

Literature studies

- 38 The St. Petersburg – Moscow Faust: Two lives of Jacob Bruce
in the mirrors of Russian poetry
Zvereva T. V., Markov A. V.
- 55 *Pure Azure* and *the Sibyl's milk*: The birth of a poem in the poetic imagination
of Stéphane Mallarmé and Innokenty Annensky
Sokolov R. E., Ganin M. V.
- 72 "Don't correct me, I'm not wrong":
The error code in Sasha Sokolov's "A School for Fools"
Danilina G. I., Grinyakina K. A.
- 91 Chekhov's play "Uncle Vanya" in archetypal lens
Shilov V. S., Komarov S. A.

History

- 103 Goods Chambers of the Secret Affairs Order in the Russian state in the second half
of the 17th century
Varentsova L. Yu.
- 122 New subjects and actors of commemorative practices
in post-Soviet Kurgan (1991–2021)
Avdeenko A. L.
- 143 Cooperation between China and Central Asian countries in the field of cultural heritage
preservation in the context of the "One Belt, One Road" initiative
Sufiyanova G. R., Palchikova A. G., Saitova A. A.

Комбинированный анализ: использование инструментов больших языковых моделей для лингвистического исследования

Наталья Николаевна Белозёрова[✉], Анна Валерьевна Габриэлян[✉],
Михаил Александрович Воронков[✉], Полина Александровна Зименс[✉]

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакты для переписки: n.n.belozeroval@utmn.ru[✉], stud0000220942@study.utmn.ru[✉],
stud0000263093@study.utmn.ru[✉], stud0000262142@study.utmn.ru[✉]

Аннотация. В статье анализируются предварительные результаты апробации «внутримодельных» инструментов генеративного искусственного интеллекта для первичной обработки языковых и дискурсивных единиц в рамках дисциплины «Языковые модели» для студентов первого курса магистратуры по прикладной лингвистике. Для апробации привлекались как классические инструменты NLP, внедренные в практику в 1950–1970-х гг., так и инструменты трансформера (transformer), такие как механизм самовнимания (self-attention) и многоголового внимания (multi-head attention), а также построенные на правилах логики инструменты рассуждающих моделей, включающие граф знаний (knowledge graph) и логическую цепочку (chain-of-thought). При апробации формулировка наименований этих инструментов вводилась в текст запроса (prompt). Такие запросы использовались при валидации классических объяснительных лингвистических моделей — начиная с моделей знака и заканчивая деконструктивными построениями Жака Деррида — в ходе анализа ряда гетерогенных текстов. Анализ проводился в двух режимах: инструментальном и экспертном, — как последовательно, так и интегрированно, в зависимости от аналитических предпочтений студентов. При работе с инструментами NLP, трансформера и рассуждения использовались следующие языковые модели: DeepSeek R1, Perplexity AI, ChatGPT 4o, GigaChat и Mistral AI3. Анализ результатов генерации на запросы показал, что наиболее исчерпывающей оказалась «рассуждающая» модель DeepSeek R1, в которую встроены механизмы chain-of-thought (логическая цепочка) и knowledge graph (граф знаний). Все аналитические процедуры, ко-

которые были предприняты при использовании внутримодельных инструментов генеративных языковых моделей, по сути, представляют собой комбинированную обработку вербальных текстов (human verbal texts processing). Полученные результаты запросов, а также собственный экспертный анализ по параметрам классических объяснительных лингвистических моделей создали базу для последующих исследований языковых и дискурсивных единиц при минимальном проценте субъективизации результатов.

Ключевые слова: инструменты больших языковых моделей, интегрированный анализ, рассуждающая модель, трансформер, деконструкция

Цитирование: Белозёрова Н. Н., Габриэлян А. В., Воронков М. А., Зименс П. А. 2026. Комбинированный анализ: использование инструментов больших языковых моделей для лингвистического исследования // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 6–21. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-6-21>

Поступила 05.12.2025; одобрена 23.04.2026; принята 12.07.2026

Augmented analysis: Using large language model tools for linguistic research

Natalya N. Belozeroва[✉], Anna V. Gabrielyan[✉], Mikhail A. Voronkov[✉],
Polina A. Zimens[✉]

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: n.n.belozeroва@utmn.ru[✉], stud0000220942@study.utmn.ru[✉],
stud0000263093@study.utmn.ru[✉], stud0000262142@study.utmn.ru[✉]

Abstract. The article analyzes preliminary results of testing “intra-model” generative artificial intelligence tools for the primary processing of linguistic and discourse units during the “Language Models” course for first-year students of the Master’s program in Applied Linguistics. The testing utilized both classic NLP tools, introduced into practice in the 1950s–1970s, and transformer tools such as self-attention and multi-head attention, as well as rule-based reasoning model tools (knowledge graph, chain-of-thought). During testing, the names of these tools were entered into the query text (prompt). Such prompts were used to validate classic explanatory linguistic models, ranging from sign models to Jacques Derrida’s deconstruction, in the analysis of a range of heterogeneous texts. The analysis was conducted in two modes: instrumental and expert, both sequentially and in an integrated manner,

depending on the students' analytical preferences. The following language models were used when working with NLP, transformer, and reasoning tools: DeepSeek R1, Perplexity AI, ChatGPT 4o, GigaChat, and Mistral AI3. Analysis of the results revealed that the “reasoning” model DeepSeek R1, which incorporates chain-of-thought and knowledge graph mechanisms, proved to be the most comprehensive. All analytical procedures undertaken using the in-model tools of generative language models essentially represent combined human verbal text processing. The model results, as well as the authors' own expert analysis using the parameters of classical explanatory linguistic models, created a basis for subsequent research into linguistic and discourse units with a minimal percentage of subjectivization of the results.

Keywords: Large Language Model tools, integrated analysis, reasoning model, transformer, deconstruction

Citation: Belozerova, N. N., Gabrielyan, A. V., Voronkov, M. A., & Zimens, P. A. (2026). Augmented analysis: Using large language model tools for linguistic research. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 6–21. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-6-21>

Received Dec. 5, 2025; Reviewed Apr. 23, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Идея использовать непосредственно инструменты механизмов NLP и больших языковых моделей появилась в результате поисков способов валидации лингвистических моделей, которые могли бы максимально нивелировать субъективный фактор при аналитических процедурах. Кроме того, при неизбежном использовании студентами генеративного искусственного интеллекта важным представляется поиск механизма, который позволил бы уйти от нетворческого использования результатов статистико-вероятностной генерации. Третий момент, который заставил нас обратиться к внутримодельным инструментам, — это неизбежный для валидации возврат к правилам (rule-based tools), поскольку в основе всех внутримодельных драйверов лежат строгие математические формулы.

Лингвистические модели, которые валидировались при помощи инструментов больших языковых моделей, — это модели языкового знака Ч. Пирса, Ч. Морриса и Ф. де Соссюра; классификация кодов Д. Чэндлера; морфологическая дистрибуция, порождающая синтаксические модели; структурные, функциональные и семантические модели текста; модель семи стандартов текстуальности Р. де Богранда и В. Дресселя; модель де-конструктивного анализа Жака Деррида; коммуникативные и фреймовые построения.

Представим отобранные инструменты в виде табл. 1, в которую включается как предмет валидации, так и возможный запрос (prompt).

Основной целью стал поиск инструментов комплексной обработки текста как по внутривидовым параметрам, так и по семантическим компонентам, что помогло бы объективизировать множественность интерпретации.

Табл. 1. Инструменты ИИ для обработки лингвистических данных

Table 1. AI tools for linguistic data processing

	Инструмент ИИ	Возможные языковые единицы	Промпт
I	NLP TOOLS		
1	Tokenization	Words/Sentences/Texts	What is a possible way to tokenize the word + W (...)?
2	Stemming/Lemmatization	Set of words	Can you demonstrate what words are liable for stemming and what words are liable only to lemmatization (and why)?
3	Parsing	Texts	Can you parse the following text (insert your text)?
4	Part of speech tagging (PoS)	Texts	Will you kindly perform PoS tagging of this text (insert your text)?
5	Sentiment Analysis	Text(s)	Will you kindly perform the Sentiment Analysis of these comments (INSERT COMMENTS)?
6	Text type definition	Text	Will you kindly define this text type (insert)?
II	TRANSFORMER TOOLS		
7/8/9	Attention /self-attention /multiheaded attention	Sentence/Text	Can you demonstrate how attention/self-attention/multi-headed attention works upon this sentence/text (insert your text or sentence)?
III	REASONING MODELS TOOLS		
10	Rule-based reasoning	Text	Can you demonstrate how rule-based reasoning works upon this text (insert your text)?
11	Chain-of-thought	Text	Can you outline the chain of thought of this text (insert)?
12	Knowledge graphs	Text	Will you construct knowledge graph (s) of this text (insert your text)?

Апробация проводилась в рамках курса «Языковые модели» для магистрантов по прикладной лингвистике. Курс преподается на английском языке с привлечением, при необходимости, русского языка. В ходе курса сами лингвистические модели детально разбирались во время лекций; на семинарах студентам предлагалось проверить объяснительный или генеративный потенциал этих моделей при использовании больших языковых моделей.

Обзор литературы

Книга Д. Чэндлера «Semiotics for Beginners» [Chandler Daniel <https://share.google/Md73S8LEmRIkvrPeB>] была выбрана в качестве пособия для студентов, поскольку в ней наиболее концентрированно представлены основные позиции и основная полемика касательно современных подходов к теории знака, кода, семиозиса, метафоры, жанра, а также интертекста. Кроме того, она доступна в электронном виде в очень удобном для использования интерфейсе, как на языке оригинала, так и в переводе.

Второй книгой, предложенной студентам для изучения, стала «Introduction to text linguistics» Р. де Богранда и В. Дресслера [De Beaugrande, Dressler, 1981], которая характеризуется как «seminal» (с высокой степенью цитируемости). Основным фокусом для изучения стали семантические типы текста (нарратив, описание, аргументация, инструкция и сравнение), а также семь стандартов текстуальности (когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность). Эти параметры были выбраны для «экспертного» анализа текстов, предварительно обработанных при помощи инструментов NLP.

При демонстрации моделью DeepSeek R1 того, каким образом работает механизм самовнимания трансформера (self-attention) на примере 23-го сонета Шекспира, мы проследили, что модель фиксирует практически все значения слов как зависящими от контекста, то есть «отложенными». Мы увидели в этом механизме своеобразную валидацию теории деконструктивизма Жака Деррида об отложенном значении. Другой инструмент, уже из рассуждающего сектора, — граф знаний (knowledge graph), архитектура которого базируется на оппозициях, привел к заключению о реализации дерридианского принципа одновременного сходства и различия (différance). Мы обратились к полемическим работам, которые классифицируются как «Searle/Derrida Debate» [Alfino, 1991, с. 143–152; Farrell, 1988, с. 53–64; Raffel, 2011, с. 277; Bornedal, 2020, с. 62–81; Kenaan, 2002, с. 117–133; Moati, 2014; Searle, 1969; Searle, 1977; Austin, 1975; Derrida, 1982, с. 307–330].

Эти дебаты никогда не были очными, а нашли воплощение в ряде публикаций. Триггером стали работы британского лингвиста и философа Дж. Остина «How to do things with words» (1960) и книга Дж. Сёрля «Speech Acts», в которых Деррида воспринял критически идею о паразитарности текста по отношению к устному высказыванию, об устойчивом значении слова в речевом акте и о идущем еще от древних греков традиционном логоцентризме, отводящем документированному высказыванию вторичную роль [«Signature Event Context» (1972) vs «Reiterating the Differences: A Reply to Derrida» (1977)]. Столкновение позиций американской аналитической школы и континентальной философии в какой-то степени нашло разрешение в архитектуре и функционировании больших языковых моделей, обученных на текстовых массивах, превращающих речь в текст и текст в речь при коммуникации. Фактически первичная обработка пользовательского запроса, включающая токенизацию, стемминг, лемматизацию, векторизацию, отражает позиции Джона Сёрля. Между тем все семантические операции трансформера по декодированию смысла и дальнейшему кодированию при генерации ответа идентичны процедурам деконструкции Жака Деррида.

Для достижения наших целей ключевой также представляется статья 2017 г. «Attention is all you need» [Vaswani et al., 2017], где описываются механизмы и инструменты трансформера, направленные на извлечение значения отдельного слова и смысла всего текста из контекста, то есть «отложенного значения», на основе совокупности таких параметров, как «query» (запрос), «key» (ключевой смысл), «value» (семантическая ценность). Для исследовательских целей были привлечены такие показавшие аналитическую эффективность инструменты, как самовнимание (self-attention) и многоголовое внимание (multi-head attention).

Методы и материалы

Комбинированный метод предлагается как в последовательном виде, так и в синтетическом. Так, при имплементации моделей знака и кодов эти модели рассматривались в ходе лекции; после, при изучении книги Д. Чэндлера «Semiotics for Beginners», студентам предлагалось дать запрос к LLMs — создать граф знаний (knowledge graph) глав «Sign» и «Codes» (например, см. рис. 1).

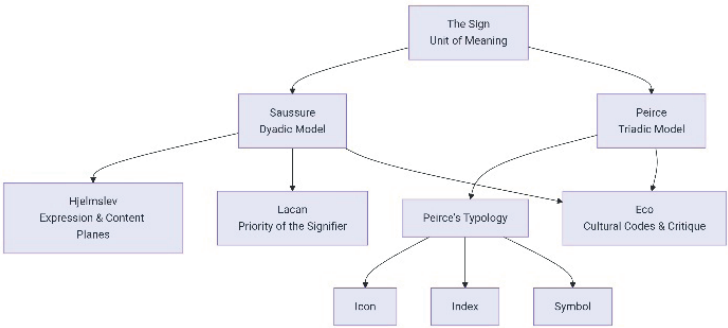

Рис. 1. Граф знаний заданных глав (DeepSeek R1, 25.10.2025)

Fig. 1. Knowledge graph of the given chapters (DeepSeek R1, 25.10.2025)

Затем предлагалось устно прокомментировать сгенерированный граф.

Следующим инструментом, который предлагалось опробовать, был chain-of-thought (логическая цепочка). Предварительно студенты познакомились с методами герменевтического анализа, такими как герменевтический круг [Гадамер, 1988; Хайдеггер, 1988] и семиотический квадрат [Греймас, 1976]. Для демонстрации семиотического и герменевтического анализа студентам было предложено познакомиться с главой «Множественность интерпретации» нашей монографии «Мир реальный и мир виртуальный» [Белозёрова, б.г.], где рассматривались отрывки из художественных произведений У. Шекспира, Ф. Тютчева, О. Мандельштама, К. Чапека и А. де Сент-Экзюпери с семиотических и герменевтических позиций. После этого было предложено использовать генеративные модели для построения логических цепочек (chain-of-thought). Характерно, что студенты предпочли визуализировать логические цепочки для дальнейшего «ручного» сопоставительного анализа.

При изучении лингвистических моделей текста студентам было направлено следующее задание на английском языке по первичной обработке 8 текстов, принадлежащих к разным функциональным стилям (сонет Шекспира № 4, преамбула Декларации прав человека, аннотация научной статьи «Attention Is All You Need», стихотворение Ш. Бодлера на французском языке, отрывок из очерка А. Чехова «Остров Сахалин», глава романа Д. Лоренса «Sons and Lovers», инструкция на русском языке по использованию микроволновой печи) с помощью инструментов NLP:

Ask models to produce a code for a preliminary text analysis including the following steps:

Step 1: define the type of the text (provide arguments).

Step 2: single out Named Entities.

Step 3: perform “parts of speech tagging”.

Step 4: perform “sentiment analysis of the text”.

Step 5: perform syntactic parsing of the text.

Step 6: present the quantitative results of the preliminary analysis in a table.

Implement a code you have obtained for the analysis of the texts (a file to follow below). If you fail to obtain a code, perform the analysis according to the 6 steps enumerated above.ⁱ

После этого было предложено провести экспертный анализ этих текстов по семи стандартам текстуальности (Р. де Богранд, В. Дресслер).

Далее, для того чтобы проверить, насколько полно деконструктивистский принцип «отложенного» значения слова, а также принцип одновременного сходства и различия (*différance*) реализуются при действии механизмов трансформера — self-attention (самовнимание), linear attention (линейное внимание) и multi-head attention (многоголовое внимание), — студентам после изучения ими основных позиций деконструктивистского анализа (историзм, метонимическая цепочка, одновременные сходство и различие, текстуальность) было предложено разработать свой алгоритм запроса к моделям для деконструктивистского анализа с привлечением генеративных моделей.

При выборе материалов исследования мы руководствовались семантической классификацией типов текста, предложенной Робертом де Бограндом и Вольфгангом Дресслером. Учитывая жанровую типологию, описанную в книге Дэниела Чэндлера, рассматривались языки, которыми владеют студенты (русский, английский, французский). Кроме

ⁱ Попросите модели создать код для предварительного анализа текста, включающий следующие этапы:

Шаг 1: определить тип текста (привести аргументы).

Шаг 2: выделить именованные сущности.

Шаг 3: выполнить «разметку частей речи».

Шаг 4: выполнить «анализ тональности текста».

Шаг 5: выполнить синтаксический разбор текста.

Шаг 6: представить количественные результаты предварительного анализа в таблице.

Реализуйте полученный код для анализа текстов (файл прилагается ниже). Если код не получен, выполните анализ в соответствии с 6 перечисленными выше этапами.

того, для определения логической цепочки (chain-of-thought) предлагались тексты, эксплицитно или имплицитно предполагающие множественность интерпретации, — гетерогенные тексты.

Результаты и обсуждение

В рамках автоматизированного анализа был создан Python-пайплайн, который самостоятельно справился с обработкой количественных характеристик текстовⁱ. С помощью библиотек spaCy, NLTK и TextBlob были автоматически извлечены и подсчитаны: общее количество слов и предложений, процент уникальных слов, количество именованных сущностей, средняя длина слов и предложений, а также тональность и субъективность для английских текстов. Этот этап полностью выполнялся кодом, который классифицировал тексты по формальным признакам (например, определил юридический документ по клише «whereas», а поэзию — по архаичным местоимениям), генерируя готовую таблицу с метриками без человеческого вмешательства.

Для качественного анализа по 7 стандартам текстуральности де Богранда возможностей автоматических инструментов оказалось недостаточно. Здесь потребовалось комбинированное использование Python-скриптов для первичной обработки и помощи большой языковой модели DeepSeek для экспертной интерпретации. DeepSeek использовался для семантического анализа, выявления интертекстуальных связей, оценки когерентности и интенциональности, что позволило перевести качественные характеристики текстов в стандартизированные баллы. Такой гибридный подход позволил создать комплексную оценку, где машинная обработка дополнилась глубоким контекстуальным анализом, недоступным для автоматических инструментов.

Пример:

Augmented Analysis (Комбинированный анализ): Сонет 144 Шекспира сквозь призму Деррида и трансформера (transformer)

Текст 1

144

Two loves I have of comfort and despair,
Which like two spirits do suggest me still:
The better angel is a man right fair,
The worser spirit a woman color'd ill.
To win me soon to hell, my female evil
Tempteth my better angel from my [side],
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.
And whether that my angel be turn'd fiend

ⁱ Подготовлено А. В. Габриэлян.

Suspect I may, yet not directly tell,
But being both from me, both to each friend,
I guess one angel in another's hell.
Yet this shall I ne'er know, but live in doubt,
Till my bad angel fire my good one out [Shakespeare, б. г., с. 1775].

В ходе исследования механизмы больших языковых моделей, в частности архитектуры трансформера (transformer), были применены для формализации и визуализации скрытых структур текста. На примере сонета Шекспира с помощью механизма self-attention (самовнимания) была вычислена попарная значимость всех слов в последовательности, что позволило выявить и ранжировать ключевые бинарные оппозиции (например, «comfort — despair», «saint — devil»). Затем на основе этих данных был построен граф связей, где узлы представляли концепты, а взвешенные рёбра — силу их семантических и нарративных отношений (см. рис. 2). Этот граф наглядно продемонстрировал нестабильность оппозиций и процессы их взаимного размывания, что было интерпретировано через концепт одновременного сходства и различия (différance) Жака Деррида.

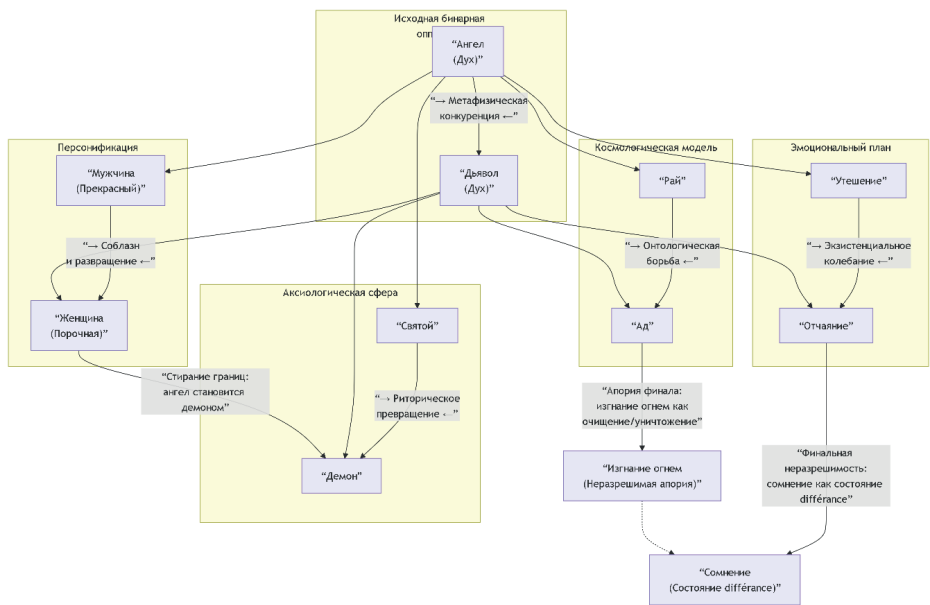

Рис. 2. Бинарные оппозиции 144-го сонета Шекспира (механизм самовнимания, self-attention tool; DeepSeek R1: 10.11.2025)
Fig. 2. Binary oppositions of Shakespeare's 144th Sonnet (self-attention tool; DeepSeek R1: 10/11/2025)

Данный анализ рассматривает структуру сонета не как статичную оппозицию добра и зла, а как динамическую систему, где значение ключевых элементов постоянно находится в процессе становления и смещения. Этот подход перекликается с философскими идеями Жака Деррида о природе смысла.

Граф наглядно демонстрирует, что изначально четкие противопоставления (свет/тьма, добро/зло) оказываются зыбкими. Ключевой точкой нестабильности является центральная фигура «лучшего ангела», чья сущность не зафиксирована. Его потенциальная метаморфоза из «друга» (friend) в «дьявола» (fiend), обыгранная в тексте, подрывает саму основу бинарной модели. Пунктирные линии на графе символизируют это активное размывание границ, где «женское зло» не просто противостоит «ангелу», но участвует в его трансформации, стирая грань между святым и грешным.

Значение ключевых образов не является самотождественным, а скорее «отсрочено» — оно зависит от их отношений с другими элементами и культурными контекстами. Фигуры сонета отсылают к более широким культурным кодам. В образе «женщины» просматриваются следы библейской Евы, а «мужчина прекрасного вида» отсылает к неоплатоническому идеалу. Таким образом, текст предстаёт как палимпсест, в котором проступают слои предыдущих текстов и представлений (средневековая мораль, ренессансный гуманизм). Смысл не сконцентрирован в одном элементе, а рассеян по метонимическим цепочкам. Левая колонка графа выстраивает цепь «Дух → Тело → Статус → Чувство → Место» (Ангел, Мужчина, Святой...), а правая — ее инверсию. Анализ одной такой цепочки, например, «*worser spirit* → *woman colour'd ill* → *female evil* → *devil* → *hell*», показывает, что ни один из этих элементов не содержит окончательного значения «зла». Каждое понятие является лишь частью (меронимом) более общей, но не сформулированной напрямую, смысловой сети.

Сходные результаты были получены при несколько ином подходе¹.

В целом, анализ можно разделить на две части. Первая — это работа с положениями Жака Деррида о деконструкции текста и различении (*différance*). Вторая — сравнение оригинального текста с переводом Модеста Чайковского. Для анализа была выбрана языковая модель DeepSeek, что обусловлено доступностью модели и простотой ее использования. В качестве материала исследования был выбран сонет Шекспира № 144.

Прежде чем обращаться к положениям, представленным Жаком Деррида, мы нашли пары ключевых оппозиций при помощи модели (через запрос «*find oppositions in the following sonnet*»). Затем, отобрав две пары — *purity* и *foul pride*, *angel* и *fiend*, — мы применили анализ при помощи концепта различения (через запросы «*apply the Différance concept to the notions “purity” and “foul pride” in line 8 in the sonnet*» // «*apply the Différance concept to the notions “angel” and “fiend” in line 8 in the sonnet*»). Получив результат, мы оформили его в виде графа знаний (через запрос «*present it in a knowledge graph*»). Таким же образом была проведена историческая деконструкция (через запрос «*apply Derrida's historical deconstruction to the words [нужная пара слов]*» и последующий «*present it in a knowledge graph*»). Заключительным этапом работы с по-

¹ Подготовлено М. А. Воронковым.

ложениями Деррида было использование метода самовнимания (через запрос «*apply the self-attention mechanism to the sentence beginning with “To win me soon to hell...”*»). Работу с текстом модель провела адекватно.

Для работы с переводом мы опирались на разработанный алгоритм анализа по трем переменным (принцип различения, историческая деконструкция и метод самовнимания) и, представив модели текст перевода за авторством Модеста Чайковского, сформулировали следующий запрос: «*compare the translation by Modest Tchaikovsky and the three aspects that were just covered*». Для различения и деконструкции модель представила результат в виде таблицы, а для метода самовнимания (self-attention) — в виде небольшого графика.

Такой анализ, фокусирующийся на динамике и нестабильности, позволяет увидеть в классическом произведении сложный механизм генерации значения, актуальный для современных подходов в анализе текстаⁱ. Далее, при анализе статьи «*Attention Is All You Need*», данная методология была расширена за счет применения multi-head attention. Для каждого из восьми текстов корпуса была проведена виртуальная экспериментальная процедура: мы моделировали, как разные «голова» внимания фокусируются на различных аспектах — синтаксическом, семантическом и стилистическом. Например, для стихотворения Бодлера «Гимн красоте» одна «голова» выделяла поэтические образы, другая — философские антиномии, а третья — риторические структуры. Это позволило декомпозировать текст на параллельные потоки признаков и построить для каждого жанра развернутую таблицу-паспорт, описывающую, какой тип внимания и какие связи (метонимические цепочки, причинно-следственные связи, категориальные запреты) являются доминирующими для его адекватного понимания моделью.

Инструменты больших языковых моделей, таких как DeepSeek, используются для углубленного анализа текстов через призму деконструкции и механизмов вниманияⁱⁱ. К примеру, демонстрируется, как с помощью самовнимания (self-attention) и многоголового внимания (multi-head attention) модели трансформера (transformer) выявляются и визуализируются бинарные оппозиции (например, «ангел/демон», «добро/зло») в сонете Шекспира. Эти механизмы позволяют построить графы связей между элементами текста, показывая не только их различия, но и динамику размывания границ между ними. Такой подход формализует идеи Жака Деррида о деконструкции текста и различии (*différance*), где значение не фиксировано, а возникает в процессе взаимодействия и отсрочки.

Кроме того, при анализе статьи «*Attention Is All You Need*» моделью подробно разбирается, как различные типы внимания (самовнимание, многоголовое, линейное, управляемое и скрытое) применяются к текстам разных жанров — от поэзии до юридических документов. Например, для поэтических текстов ключевым оказывается выявление метафор и ритмических структур, тогда как в научных и новостных текстах акцент делается на установление логических и причинно-следственных связей. Это позволяет

ⁱ Подготовлено А. В. Габриэлян.

ⁱⁱ Подготовлено А. В. Габриэлян.

не только анализировать тексты на семантическом уровне, но и категоризировать их, выделяя скрытые темы и структурные особенности, что подтверждает универсальность и гибкость инструментов больших языковых моделей в обработке естественного языка.

При работе с инструментами NLP, трансформера и рассуждения использовались следующие языковые модели: DeepSeek R1, Perplexity AI, ChatGPT 4o, GigaChat и Mistral AI¹.

Анализ результатов генерации на запросы показал, что наиболее исчерпывающей и аккуратной в плане отсутствия «галлюцинаций» оказалась «рассуждающая» модель DeepSeekR1, в которую встроены механизмы chain-of-thought (логическая цепочка) и knowledge graph (граф знаний). Несколько избыточная детализация при объяснении может потребовать дальнейшего информационного сжатия.

Модель Perplexity AI, аналогично «рассуждающей» модели, справляется с запросами как по составлению текста, так и по построению графика. В сравнении с генерацией DeepSeek R1, ее ответы отличаются лаконичностью с переадресацией на сетевые источники. Этот лаконизм можно было бы считать недостатком генерации, если бы не переадресация на источники, которую можно считать имплицитным приглашением к пользователю самому выступить экспертом. Отметим, что качество графов знания не уступает по структурированности произведённым моделью DeepSeek R1.

Российская модель GigaChat, а также французская Mistral AI3 в принципе справляются со всеми заданиями по аналитическому использованию инструментов; возникают лишь проблемы с форматом генерации. Зачастую вместо текста собственно графа в ответе появляются элементы кода, которые требуют расшифровки.

Модель ChatGPT 4o также справляется со всеми запросами, но поскольку она является проприетарной, пользовательский лимит быстро исчерпывается. В этой связи наиболее пригодной для аналитических процедур с языковыми единицами представляется DeepSeek R1.

Парадоксально, но взаимной валидации не поддаются морфологическая дистрибуция и токенизация. Токеном может быть и целое слово, и отдельные графемы (буквы), которые не отражают модифицирующие категории числа, падежа, рода, семантической основы. Так, DeepSeek R1 представляет тождественными по структуре английские слова kitten (singular) и children (plural). Первое невозможно разделить по морфемам, второе является трехморфемным (child-r-en — корень, основа родства и окончание множественного числа). Очевидно, что по своим функциям морфемы и токены не тождественны.

Заключение

Все аналитические процедуры, которые мы предприняли при использовании «внутри-модельных» инструментов генеративных языковых моделей, по сути, представляют собой комбинированную обработку вербальных текстов (human verbal texts processing). Полученные результаты запросов на обработку, а также собственный экспертный анализ

ⁱ

Подготовлено П. А. Зименс.

по параметрам классических объяснительных лингвистических моделей создали базу для последующего исследования языковых и дискурсивных единиц при минимальном проценте субъективизации результатов.

Работа студентов с инструментами больших языковых моделей показала, что при общем для всех заданий преподавателя по комбинированной обработке текстов феномен множественности интерпретации сохранился. Это обусловлено прежде всего выбором моделей, различной формулировкой запроса (prompt), а также зависимостью от аналитических компетенций и предпочтений студентов.

Использование внутримодельных инструментов при одновременной обработке гетерогенных текстов помогает студентам получить структурированное комплексное знание, которое при дальнейшем экспертном комментировании помогает усвоить достаточно сложные теории и вывести собственные алгоритмы исследования, построенные на комбинированном (augmented) подходе.

Парадоксально, но использование инструментов LLMs помогло доказать истинность как «логоцентричных» построений Остина и Сёрля, так и текстоцентризм и контекстную обусловленность смыслопорождения, следующие из деконструктивизма Жака Деррида. Очевиден верификационный потенциал больших языковых моделей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Белозёрова Н. Н. 2010. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы?: монография. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 252 с.
- Гадамер Х. 1988. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс. 704 с.
- Хайдеггер М. 2011. Время и бытие // Метафизика. № 1. С. 205–224. <https://www.intelros.ru/readroom/metafizika/metf-1-2011/13450-vremya-i-bytie.html> (дата обращения: 13.07.2026).
- Alfino M. 1991. Another look at the Derrida-Searle debate // Philosophy & Rhetoric. Vol. 24. No. 2. Pp. 143–152. <https://philpapers.org/rec/ALFALA>
- Austin J. L. How to Do Things with Words. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. ISBN 0-674-41152-8.
- Bass A. 2020. «Signature Event Context»: Margins of philosophy (Derrida 1982 [first published 1972]) // Jacques Derrida: Basic Writings. London: Routledge. Pp. 105–134.
- Bornedal P. 2020. Deconstructive vs pragmatic: A critique of the Derrida–Searle debate // The European Legacy. Vol. 25. No. 1. Pp. 62–81. <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/10848770.2019.1652039>.
- Chandler D. 1994. Semiotics for Beginners. <https://share.google/Md73S8LEmRlkvrPeB> (дата обращения: 13.07.2026).
- De Beaugrande R.-A., Dressler W. U. 1981. Introduction to Text Linguistics. London: Longman. Vol. 1. 270 pp. ISBN 0582554861.
- Derrida J. 1982. Signature event context // Margins of Philosophy / translated by A. Bass. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 307–330. ISBN 0226143252.
- Farrell F. B. 1988. Iterability and meaning: The Searle-Derrida debate // Metaphilosophy. Vol. 19. No. 1. Pp. 53–64. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1988.tb00701.x>.

- Greimas A. J. 1976. Pour une theorie de modalite // *Langages*. Année 43. Pp. 90–101. https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1976_num_10_43_2322 (дата обращения: 13.07.2026).
- Kenaan H. 2002. Language, philosophy and the risk of failure: rereading the debate between Searle and Derrida // *Continental Philosophy Review*. Vol. 35. No. 2. Pp. 117–133. <https://doi.org/10.1023/A:1016583115826>.
- Moati R. 2014. *Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language*. New York: Columbia University Press. <http://hdl.handle.net/10722/255135>.
- Raffel S. 2011. Understanding each other: The case of the Derrida-Searle debate // *Human Studies*. Vol. 34. No. 3. Pp. 277–292. <https://doi.org/10.1007/s10746-011-9189-6>.
- Searle J. R. 1969. *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press. 203 pp.
- Searle J. 1977. Reiterating the differences: A reply to Jacques Derrida // *Glyph*. No. 1. Pp. 198–208. https://www.academia.edu/15932757/Reiterating_the_Differences_A_Reply_to_Derrida_by_John_R_Searle.
- Shakespeare W. Sonnets. Сонет 144 // Шекспир: собрание сочинений. [Б. м.]: [б. и.], [б. г.]. С. 15554. (ср. Shakespeare-Riverside, с. 1775).
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. и др. 2017. Attention is all you need // *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 30. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>.

References

- Belozerova, N. N. (2010). *The Real World and the Virtual World: Two Ecological Systems?* Publishing house of Tyumen State University. [In Russian]
- Gadame, H. (1988). *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*. Progress. [In Russian]
- Heidegger, M. (2011). Time and being. *Metaphysics*, (1), 205–224. Retrieved July 7, 2026, from <https://www.intelros.ru/readroom/metafizika/metf-1-2011/13450-vremya-i-bytie.html> [In Russian]
- Alfino, M. (1991). Another look at the Derrida-Searle debate. *Philosophy & Rhetoric*, 24(2), 143–152. <https://philpapers.org/rec/ALFALA>
- Austin, J. L. (1975). *How to Do Things with Words*. Harvard University Press. ISBN 0-674-41152-8.
- Bass, A. (2020). “Signature Event Context”: Margins of philosophy (Derrida 1982 [first published 1972]). In *Jacques Derrida: Basic Writings* (pp. 105–134). Routledge.
- Bornedal, P. (2020). Deconstructive vs pragmatic: A critique of the Derrida–Searle debate. *The European Legacy*, 25(1), 62–81. <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/10848770.2019.1652039>.
- Chandler, D. (1994). *Semiotics for Beginners*. Retrieved from July 13, 2026, from <https://share.google/Md73S8LEmRIkvrPeB>
- De Beaugrande, R.-A., & Dressler, W. U. (1981). *Introduction to Text Linguistics*. Longman. Vol. 1. ISBN 0582554861.
- Derrida, J. (1982). Signature event context. In *Margins of Philosophy* (translated by A. Bass) (pp. 307–330). University of Chicago Press. ISBN 0226143252.

- Farrell, F. B. (1988). Iterability and meaning: The Searle-Derrida debate. *Metaphilosophy*, 19(1), 53–64. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1988.tb00701.x>
- Greimas, A. J. (1976). Pour une theorie de modalite. *Langages*, Année 43, 90–101. Retrieved from July 13, 2026, from https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1976_num_10_43_2322 [In French]
- Kenaar, H. (2002). Language, philosophy and the risk of failure: Rereading the debate between Searle and Derrida. *Continental Philosophy Review*, 35(2), 117–133. <https://doi.org/10.1023/A:1016583115826>.
- Moati, R. (2014). *Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language*. Columbia University Press. <http://hdl.handle.net/10722/255135>.
- Raffel, S. (2011). Understanding each other: The case of the Derrida–Searle debate. *Human Studies*, 34(3), 277–292. <https://doi.org/10.1007/s10746-011-9189-6>.
- Searle, J. R. (1969). *Speech Acts*. Cambridge University Press.
- Searle, J. (1977). Reiterating the differences: A reply to Jacques Derrida. *Glyph*, (1), 198–208. https://www.academia.edu/15932757/Reiterating_the_Differences_A_Reply_to_Derrida_by_John_R_Searle
- Shakespeare, W. Sonnets. Sonnet 144. In *Shakespeare: Collection of Works* (p. 15554). (Shakespeare-Riverside, p. 1775).
- Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., et al. (2017). Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 30. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>.

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Белозёрова, доктор филологических наук, профессор, кафедра прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.n.belozeroval@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0892-7380>

Анна Валерьевна Габриэлян, студентка магистратуры программы «Прикладная лингвистика», кафедра прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000220942@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1604-9720>

Михаил Александрович Воронков, студент магистратуры программы «Прикладная лингвистика», кафедра прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000263093@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1523-2135>

Полина Александровна Зименс, студентка магистратуры программы «Прикладная лингвистика», кафедра прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000262142@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5573-8450>

Information about the authors

Natalya N. Belozeroва, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Professor of the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.n.belozeroва@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0892-7380>

Anna V. Gabrielyan, Master Student (Applied Linguistics), Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000220942@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1604-9720>

Mikhail A. Voronkov, Master Student (Applied Linguistics), Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000263093@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1523-2135>

Polina A. Zimens, Master Student (Applied Linguistics), Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000262142@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5573-8450>

Семантика эмоционем философского эссе Альбера Камю «Бунтующий человек»

Владимир Сергеевич Тулупов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000233683@study.utmn.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается эссе французского философа-абсурдиста Альбера Камю «Бунтующий человек» и анализ эмоционем, использованных в этом произведении, на трех языках: французском, русском и английском. Используемыми методами при работе с текстом являлись принцип *différance* деконструкции Жака Деррида, а также концептуальный анализ и дискурс-анализ некоторых фрагментов произведения. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что основной перечень эмоционем, использованных Альбером Камю, сводится к следующим параметрам: эмотивная лексика, связанная с 1) огнем, 2) водой, 3) состоянием холода, 4) обезчеловечиванием, 5) эмоциональными переживаниями, 6) алкогольной интоксикацией и 7) помутнением рассудка. Значение эмоционем под пунктами 1–2 и 5 зачастую зависит от контекста, в то время как пункты 3–4, 6 и 7 в основном отражают последствия абсолютного «нет» и абсолютного «да» философии бунта, представляемые в негативном свете.

Ключевые слова: Альбер Камю, философия абсурда, эмоционемы, эмотивная лексика, деконструкция, бунтующий человек

Благодарности: Выражаю особую благодарность своему научному руководителю Белозёровой Наталье Николаевне за курирование процесса написания статьи и внесение значительных поправок.

Цитирование: Тулупов В. С. 2026. Семантика эмоционем философского эссе Альбера Камю «Бунтующий человек» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 22–37. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-22-37>

Поступила 25.11.2025; одобрена 18.06.2026; принята 12.07.2026

Semantics of emotives in Albert Camus' philosophical essay "The Rebel"

Vladimir S. Tulupov✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000233683@study.utmn.ru✉

Abstract. This article examines "The Rebel", a philosophical essay written by Albert Camus, an absurdist philosopher, and analysis of its emotives in three languages: French, Russian, and English. The research is based upon conceptual analysis and discourse analysis as well as Jacques Derrida's principle of *différance*. The author has come to the conclusion that the list of emotives used by Albert Camus may be narrowed down to the following points: emotives that represent elements of 1) fire, 2) water, 3) feeling of cold, 4) dehumanizing, 5) emotional experiences, 6) alcohol intoxication, and 7) mental clouding. The true meaning of emotives under the points 1–2, and 5 primarily depend on the context, while the emotives under the points 3–4, 6, and 7 depict the consequences of absolute "no" and absolute "yes" of the philosophy of rebellion that are usually seen as negative.

Keywords: Albert Camus, philosophy of absurd, emotives, expressive lexis, deconstruction, The Rebel

Acknowledgments: I would like to express my special gratitude to my research supervisor, Natalya N. Belozerova, for her guidance throughout the writing of the article and for her significant revisions.

Citation: Tulupov, V. S. (2026). Semantics of emotives in Albert Camus' philosophical essay "The Rebel". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 22–37. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-22-37>

Received Nov. 25, 2025; Reviewed Jun. 18, 2025; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Философское эссе «L'Homme Révolté (Révolté)», написанное в 1951 г., является одним из значимых произведений экзистенциальной философии и краеугольным камнем для понимания идей абсурда и бунта. В своем философском эссе Камю обращается к проблеме абсурда и бунта, выделяя следующие темы, вынесенные на обсуждение: бунтующий человек, метафизический и исторический бунт. На протяжении всего произведения автор развешивает мифы относительно абсурда и бунта и подвергает критике философов и писателей XIX–XX вв., а в особенности — мыслителей-нигилистов. Камю

приходит к выводу, что смысл бунта состоит не в разрушении установленной реальности ради политических, религиозных или личных идеалов, причиняющих вред обществу, но в созидании и солидарности, постоянном преображении и борьбе за справедливость и моральные устои.

Переведено это произведение на русский было достаточно поздно в сравнении с его публикацией на французском языке. Перевод был выполнен группой переводчиков: И. Я. Волевичем, Ю. М. Денисовым, А. М. Руткевичем и Ю. Н. Стефановым — и издан в 1990 г. издательством политической и историко-партийной литературы «Политиздат». Перевод с французского на английский язык был выполнен Энтони Бауэром, а сама книга издана в 1956 г. издательством «Alfred A. Knopf, Inc.».

В отличие от «L'Étranger», который в последнее время привлек интерес не только специалистов, занимавшихся вопросами философии, но и психологов и лингвистов, затрагивающих эмоциональные составляющие [Попыхова, 2024], цветовую символику [Прохоренкова, 2019] и особенности цветопередачи [Цыбова, 2019], «L'Homme Révolté» находится на периферии исследовательского внимания. Подавляющее большинство работ обращается к этому произведению сугубо с точки зрения анализа философских воззрений Камю и сопоставлении мировоззрений персонажей из его произведений.

Материалы и методы

Одним из методов, используемых в работе, выступает принцип *différance* из деконструкции Жака Деррида, заключающийся в одновременном сходстве и различии рассматриваемых лексических единиц. Деконструкция впервые была упомянута в «О грамматологии», в которой Жак Деррида подробно представил вышеупомянутый термин. В концепцию деконструкции, суть которой раскрывается в остальных его произведениях, входят следующие параметры: историзм, заключающийся в этимологическом анализе; метонимическая цепочка; концепт *différance*, согласно которому знаки представляют свои значения только через анализ общих и различных сторон каждого из них, и концепт текста. При анализе философского эссе Альбера Камю использовался предпоследний пункт деконструкции Жака Деррида. В дополнение к этому, нами используются концептуальный анализ и дискурс-анализ при рассмотрении некоторых фрагментов произведения для установления особенностей передачи заложенного в оригинале смысла. Целью данной статьи является выявление и анализ основных семантических групп эмоционем в философском эссе Альбера Камю «Бунтующий человек» и их передача на русский и английский языки.

Обзор литературы

Как отмечалось выше, «Бунтующий человек» привлекает внимание исследователей с точки зрения анализа концепций Альбера Камю. В частности, многочисленные статьи либо раскрывают философию бунта и абсурда (акцентируя внимание на молчании Вселенной и безразличии к герою окружающего его мира [Bouhafs, 2026]), либо обращаются к анализу мифологических реалий в разбираемом эссе [Бондарев, 2024]. Обращение

к этим аспектам необходимо для полного понимания Камю как писателя и философа, ведь мифы для него, как отмечает один из исследователей, — «это образ отчаянно ясной красоты, в котором бунтарь переходит из мрака к свету или наоборот» [Yılmaz, 2017, с. 14]. Что касается последнего, то на основании упоминаемых в произведениях Камю персонажей мифологии такие исследователи, как С. И. Великовский, склонны разделять его творческий путь на три цикла:

- 1) цикл «Абсурд», в который входят повесть «Посторонний», философское эссе «Миф о Сизифе», пьесы «Калигула» и «Недоразумение»;
- 2) цикл «Бунт», к которому относятся роман «Чума», пьеса «Праведные» и философское эссе «Бунтующий человек» и др.;
- 3) цикл «Изгнание», представленный повестью «Падение» и сборником рассказов «Изгнание и царство».

Каждый из циклов представлен одним персонажем из греческой мифологии: философия абсурда воплощена в образе Сизифа, а период «Бунт» — в фигуре Прометея. Примечательно то, что российские и зарубежные исследователи творчества Альбера Камю согласны с разграничением циклов «Абсурд» и «Бунт» и выступающих в каждом из них мифологических фигур, но при рассмотрении «Изгнания» появляются разногласия. В отечественной литературе С. И. Великовский — один из немногих, кто выделяет третий период творчества Камю, подчеркивая его особенность тем, что французский философ «постепенно утрачивал определенность мировоззренческих устремлений» [Великовский, 2015, с. 156]. Остальные исследователи либо останавливаются на первых двух циклах и обозначенных мифологических персонажах, либо идут дальше и выделяют третий, носящий название «Любовь», произведения которого, основываясь на анализе оставленных Камю незаконченных произведений и дневников, должны были быть сконцентрированы на образе Немезиды [de Araújo, 2016].

Несмотря на философские концепции и мифологические реалии, акцент на которых мы сделали выше, наш интерес к этому произведению в первую очередь объясняется большим количеством эмоционально-экспрессивной лексики, используемой Камю для объяснения философии бунта. Как только бунтарь отходит от своей изначальной цели, заключающейся в преображении, созидании и единстве, он встает на путь разрушения. Исходя из этого, нами предпринимается попытка установить перечень эмоционем, указывающих на негативные последствия искаженного понимания философии бунта, ведь именно в этих случаях Камю в своем эссе прибегает к усиленному использованию эмоционально окрашенной лексики.

Обсуждение

Абсурд, бунт и природа

Обращение Камю к элементам природы — явление нередкое в его произведениях. Знойное солнце из «Постороннего» не раз привлекало внимание исследователей, в частности его способность «вызывать ужас и сводить с ума» [Гальцова, 2022, с. 260].

До убийства араба Мерсо неоднократно отмечал беспощадность и невыносимость солнца, указывая на невозможность скрыться от него: «Я знал, что это гаупо, что я не спрячусь от солнца». В этом произведении источник света и тепла приносит невыносимое страдание, которое подталкивает героя к совершению преступления. Небесное светило и морской берег часто становятся элементами пейзажа автора, и это можно усматривать в том факте, что он был уроженцем Алжира и там провел свои ранние годы. Несмотря на его разрушительную силу в других произведениях, у Камю оно выступает элементом, без которого нельзя представить умиротворенную атмосферу. Природа (особенно солнце) увековечилась в его философии настолько сильно, что в своем эссе «Лето» он отмечает: «В моей памяти хранится так много солнца, как я могу настаивать на абсурде?» [Камю, 2022, с. 187].

«Бунтующий человек» не стал исключением. В течение всего рассматриваемого нами произведения идея бунта предстает как сила, связанная с элементами окружающего мира. Особенно актуально это в контексте обсуждения мыслителей Античного мира, которые обожествляли силы природы и приписывали климатические изменения божественным прихотям. Чаще всего для выражения идеи бунта используются элементы воды: *Elle libère des flots qui, de stagnants, deviennent furieux* (рус. Застойные воды он превращает в бушующие волны / англ. *It liberates stagnant waters and turns them into a raging torrent*) — и огня: *Autour de ce brasier dévorant, des combats d'ombres s'agitent un moment* (рус. Вокруг этого ненасытного огня мечутся и тут же исчезают тени... / англ. *Around the devouring flames, shadows writhe in mortal combat for an instant of time and then as suddenly disappear*). Первое часто используется в контексте последствий, к которым приводит погружение в одну из крайностей абсурдного существования человека, а именно идея потопы и разрушения. Отсюда раз за разом повторяющийся мотив социальных движений, *écrasées dans le sang* (рус. потопленных в крови / англ. «drowned in blood»). Последнее нередко ассоциируется с фигурой Прометея, титана, укравшего огонь у богов и даровавшего его впоследствии людям. Герой-бунтарь, таким образом, способствовал установлению общественной жизни людей, их последовавшему объединению вокруг источника комфорта и света, на поддержание которого требовались совместные усилия. В дополнение к этому, лексические единицы с элементом пламени, подобно потопу, могут указывать на разрушительные происшествия или выражать спонтанные, мотивированные чем-либо действия.

Представление о бунте и других философских воззрениях как о стихии подкрепляется и тем, какие обороты для выражения этой мысли использует Камю. Оба этих элемента служат выражением душевного состояния человека. Приведем некоторые из таких лексических единиц: *cette part chaleureuse* (рус. душевный жар); *la terrible exaltation d'une action brève et dévorante* (рус. огонь краткого и всепоглощающего действия / англ. *the terrible exaltation of a brief and destructive action*); *Le bien foudroie* (рус. добро испепеляет); *c'est avec l'exaltation des néophytes qu'il écrit* (рус. он со всем пылом новообращенного писал / англ. *it is with the exaltation of a neophyte*); *la source de ces pensées enflammées* (рус. корни этих воспламененных мыслей); *une juste idée de l'espoir brûlant* (рус. представление о пылкой

vepe / англ. *a fair idea of the burning hope*); *sa fièvre et sa passion* (рус. *пыл своей страсти* / англ. *his conviction and passion*) и др. Примечательно, что в некоторых фрагментах перевод на русский, в отличие от оригинала и английского варианта, добавляет элемент огня при передаче эмоциональной составляющей. Как мы можем заметить в одном из примеров (*огонь краткого и всепоглощающего действия*), *exaltation* выражает психическое состояние, и никакого намека на огонь или какую-либо другую стихию в оригинале не замечено. Русский перевод не только преобразует это понятие, переводя его из эмоционального плана в физический, но и связывает его с пламенем и его бесконтрольной и «всепоглощающей» натурой. Похожую ситуацию наблюдаем в примере «пыл своей страсти». У Камю эта фраза представлена двумя понятиями: *fièvre* (лихорадка) и *passion* (страсть). Русский перевод редуцирует заложенный в оригинал смысл до огненного элемента, отбрасывая соотношение телесного и душевного.

Интересен следующий пример: *Le bien foudroie* (рус. *Добро испепеляет* / англ. *Good strikes like a thunderbolt*). В оригинале, как и в английском варианте, добро сравнимо с ударом молнии, появление которой так же неожиданно, как и разрушительно. В дополнение к этому, удар молнии может ассоциироваться с явлением сакрального, ведь в древних обществах это считалось проявлением акта божественного вмешательства. В русском переводе молния заменяется огнем, что не только меняет процесс (резкий удар молнии и постепенное сгорание в языках пламени), но и возможную интерпретацию (так, огонь в философии обычно ассоциируется с Гераклитом, который считал его основой всего сущего). Примечательно изменение природного элемента в следующем примере: *la source de ces pensées enflammées* (рус. *корни этих воспламененных мыслей* / англ. *derivation of his inamed imagination*). В оригинале используется лексема *la source*, которая может быть истолкована либо как место или причина чего-либо, либо как естественный водный поток. Происходит соединение противоположных по своей природе стихий. Русский перевод нарушает оппозицию, заменяя элемент воды корнями. Таким образом, корни служат топливом для «воспламененных мыслей». В английском варианте метафорический образ теряется полностью.

Сравнение бунта с огнем особенно сильно акцентирует его природу под влиянием философских воззрений, ведь человек постоянно находит себя между конфликтующими началами, которые способны как воодушевить его и направить в сторону созидания и творения, так и отобразить его непостоянную, часто саморазрушительную и деструктивную для остальных натуру.

Особенно это заметно в тех моментах, когда Камю размышляет об искусстве и самовыражении. Сам Камю, повествуя о том, что для него писательство, объясняет, что это честь и «крест несчастья и факел надежды». Приводя в пример Андре Бретона и весь сюрреализм, он объясняет, что в сердце их идеологии стоит замысел *de fondre les contradictions au feu du désir* (рус. *переплавить противоречия в огне желания и любви* / англ. *dissolving contradictions in the res of love and desire*). В этом предложении Камю противопоставляет этим противоречиям *les murs de la mort* (рус. *стены смерти*), которые они должны разрушить. Именно эти эмоциональные всплески, этот человеческий *cette part*

chaleureuse (рус. душевный жар / англ. *the passionate side of his nature*), выступают одновременно как возможность для изменения обстоятельств в лучшую сторону и избавления человечества от трудностей, которые оно само из поколения в поколение производит без устали, так и причиной многих зверств и бесчеловечных поступков, оставляя эти стены запачканными в крови. Эти на первый взгляд несовместимые элементы находят свое выражение в романтизме. Недаром романтические герои, живущие одним моментом, заканчивают свою судьбу тем, что *aimer dans la flamme et le cri* (рус. любят в пламени и воплях / англ. *to give a cry of exultation as one perishes in the flames of passion*). В этом состоит их борьба и, следовательно, смысл жизни: беспрецедентный вызов, бросаемый Всевышнему, и последующее угасание в пропасти.

В дополнение к мысли, высказанной нами ранее, огонь не всегда отождествляется с созиданием и актом преображения. Так, например, приводя в пример Маркиза де Сада с его, как выражается Камю, абсолютным «нет», он показывает, что эта стихия выступает в роли *l'enfer de la nécessité* (рус. некла необходимости / англ. *the hell of their desires*). Такое перевертывание для него нередко, ведь таким образом автор намеревается показать, что во всем, а в особенности у политических и философских воззрений, должен быть баланс. Иначе то, что начиналось с благих намерений, заканчивается дорогой, ведущей к разрушениям, подобно *Les pages brûlantes de Bakounine... crient passionnément cette joie de détruire* (рус. пламенным страницам Бакунина... переполненным этой разрушительной страстью / англ. *Bakunin's burning words... vehemently proclaim this pleasure in destruction*), и следующим за этой страстью уничтожением моральных ценностей.

Лексемы, связанные с холодом, как противоположные образам: *Il a pitié, une pitié froide* (рус. Он испытывает жалость, холодную жалость / англ. *He has pity, a cold pity*), *la clarté froide et implacable* (рус. холодный неумолимый свет / англ. *the cold and implacable clarity*), *des commandements froids et clairs* (рус. холодные четкие команды), *dans un camp où régnaient le froid et la faim* (рус. провели долгие годы в концлагерном голоде и холоде). В первом примере переводчик на русский сохраняет интенцию оригинала, в то время как во втором он низводит *la clarté* до физического образа света. Таким образом, при переводе теряется заложенная в это слово ясность мысли. Что касается фразы *des commandements froids et clairs* (англ. *with the coldness and precision of commandments*), то при переводе на русский исчезает возможная интерпретация *commandement* как заповеди, следовательно, передача религиозно-морального оттенка становится невозможной. В последнем примере также замечаются расхождения. В оригинале холод и голод царят в концлагере, таким образом являясь его хозяевами, его управляющими. Русский перевод заменяет эту идею, описывая их как состояния, которые испытывает человек. Похожая ситуация наблюдается при переводе на английский язык (англ. *in a camp where cold and hunger were almost unbearable*). Приведенные эмоционемы указывают в некоторых случаях на отсутствие сострадания, в то время как другие — на суровую реальность бытия, показывая, к чему могут привести новые Прометеи с их идеологиями и бесчувственной логикой.

Всё сводится к тому, что именно от индивида зависит, чем обернется эта строптивая стихия: станет ли она воплощением объединяющего начала в руках нового *Prométhée*

porte feu (рус. Прометей-огненосца / англ. *Prometheus the Fire-bringer*) или причиной, из-за которой *d'ignobles bûchers s'élèvent* (рус. начинают разводиться злоеющие костры / англ. *the ignoble aspect of an inquisition*), обрекая на смерть бесчисленные жизни в *dans un camp où régnaient-le froid et la faim* (рус. концлагерном голоде и холоде).

Душевные страдания и помутненное сознание

Нередко можно встретить на страницах этого произведения усиленное использование Камю эмоционем в отношении нигилизма и его философов. Данное явление объясняется тем фактом, что Камю на протяжении всего эссе непрестанно критикует это философское воззрение ввиду его жестокости и лицемерной природы: отказавшись от моральных устоев, в центре которых стояло христианство, и «вытеснив» Бога из картины мира, философы-нигилисты пытались построить на этом фоне новое будущее, во главе которого стоял бы человек. Однако средства, использовавшиеся людьми для воплощения этого идеала в жизнь, лишь породили насилие, как и обвиненные во всём опрокинутые небеса. Человек, коривший Бога за все страдания, которые выпали на его долю, оказался ничем не лучше по отношению к своим собратьям.

Лексика, которую использует Камю для выражения философии абсурда и бунта, а именно экзистенциального противостояния человека и молчаливой вселенной, не случайна. Говоря о внутреннем раздоре и противоречиях, обременяющих человека, автор часто прибегает к использованию глагола *déchirer* (сущ. *le déchirement*, прил. *déchirant*), подчеркивая, таким образом, эмоциональные муки, через которые проходит человек в поисках смысла в мире тоталитарных государств и повсеместной ненависти. Его буквально «раздирает» не стихающий конфликт противоречий, которые нередко вызывают вызваны чувствами любви, ненависти и упомянутого осознания абсурда бытия: *les instants déchirants de cet amour sans égal* (рус. самые душевраздирающие моменты этой ни с чем не сравнимой страсти / англ. *moments, at least, of agony in her extraordinary passion*), *du cri déchirant de Karamazov* (рус. душевраздирающий вопль Карамазова / англ. *heartrending cry of Karamazov*), *C'est la déchirante et fugitive découverte d'une valeur humaine* (рус. душевраздирающее и молниеносное постижение человеческой ценности / англ. *It is the agonizing and fugitive discovery of a human value*). Примечателен тот факт, что в переводе на русский язык данное состояние иногда переводится словом *надрыв*, как бы сознательно отсылая читателя к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где оно является одним из ключевых понятий произведения. Надрыв представляет собой непримиримые внутренние противоречия, которые мучают человека и подталкивают его к совершению поступков, направленных на принижение достоинства, а порой и на разрушительные действия. На английский язык это понятие переведено как *anguish*, означающее «*extreme pain, distress, or anxiety*». В сравнении с французским и русским, данная лексическая единица недостаточно точно и полно передает смысл понятия надрыва, этого нескончаемого раздора, в который погружена душа. Однако в английской версии «Братьев Карамазовых» используется слово *laceration*, которое в равной мере передает смысл лишь поверхностно.

В отличие от героев Ф. М. Достоевского, бунтарь не может позволить себе впадать в крайности, как это делали денди, сюрреалисты и представители исторического нигилизма. Игнорирование философии бунта показывает его как личность в душевном плане нестабильную, что ярко иллюстрируется используемой Камю лексикой. Человек, который в конечном итоге впадает в крайность, либо *invoquaient excuse amour* (рус. *ссылается на овладевшую ими страсть* / англ. *plead love as their excuse*), либо совершает преступления, *des crimes de logique* (рус. *продиктованные бесстрастной логикой* / англ. *crimes of logic*). Обе крайности имеют дело с несчастным сознанием, однако в первом случае личность не способна устоять перед *délectable limite* (рус. *искушением предела* / англ. *delectable end*). При сопоставлении переводов с оригиналом можно заметить, что русский вариант выделяется на фоне остальных: любовь заменяется страстью, которая противопоставлена холодной логике. Камю и переводчик на английский сохраняют за человеком способность выбора и ответственность за свои решения (индивид совершает преступление осознанно во имя любви или логики). Русский вариант подчеркивает две крайности, в которых личность предстает рабом как своих эмоций, так и бесстрастной логики.

Отдельного внимания заслуживает пассаж о Рембо и его мытарствах и связи с философской концепцией человека абсурда. Рассуждая о жизни и творчестве этого французского поэта, Камю пишет следующее: «Рембо вынашивал замыслы „Поры в аду“ и „Озарений“ одновременно. Если даже он написал эти произведения одно вслед за другим, он был болен ими одновременно». Эта идея переключается с мыслью Жака Деррида, который писал, что «поэт тем самым *подлежит* (курсив не наш. — В. Т.) книге, он — ее материя и ее владыка, прислужник и тема» [Деррида, 2000, с. 84]. Будучи раздираемым изнутри душевными противоречиями, поэт вынашивает свои замыслы, изматывающие его и тем не менее дающие силы продолжать творить и говорить о своих стенаниях. Удачен в этом плане выбор глагола *боле́ть*, который как нельзя лучше раскрывает оригинал (... *il les a souffertes dans le même moment*). Эта лексическая единица может выражать не только нахождение человека в состоянии болезни, но и его тревоги и опасения в отношении какого-либо субъекта (например, *боле́ть за кого-то*). В английском варианте часть «был болен ими» совпадает с оригиналом: «he experienced the suffering of both of them at the same time», в то время как словосочетание «вынашивал замыслы» (фр. *que Rimbaud a porté*) было заменено на «carried the seeds of the Season in Hell (*Une Saison en Enfer*)», что одновременно лишает текст определенности и открывает смыслы для новых интерпретаций. Подобного рода метафоры, переключаясь с тематикой роста и увядания подобно растениям, встречаются повсеместно как в упомянутом переводе, так и в оригинале и русской версии, и дополняют идею понятия бунта как воплощение природного начала.

Хотя человек и понимает, что его существование есть не что иное, как бессмысленность, он тем не менее продолжает цепляться за свою жизнь, борясь с жестокой молчаливой вселенной. Раньше проблема бунта не стояла так остро, поскольку она была разрешена для людей древнего мира традицией — еще до того, как они могли поставить перед собой вопрос о бунте, ответ на него заранее был дан в понятии священ-

ного. В сакрализованном мире нет такой проблемы, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда. Совесть при совершении *des crimes si candides* (рус. *простодушных злодейств*) оставалась чиста. Поэтому, если раньше ответом на вопрос существования являлись религиозные концепты в виде Бога, рая и ада, то с начала XX в. идеалы прошлого, рухнувшие под напором нигилистической мысли, отныне не имели такой силы, как раньше: «человек стоит один в мире, и стоит перед пустыми небесами ...» [Мальцев, 2016, с. 16]. Единственное, что ему оставалось, — сопротивляться абсурду бытия, делая сам акт сопротивления целью своего существования. Бунт, воодушевленный философией нигилизма и озлобленный по своей натуре, извратил прежние идеалы и *coïncide en réalité avec un consentement meurtrier* (рус. *стал скорее мертвящим соглашательством* / англ. *becomes in reality an acquiescence in murder*), нежели освободительным движением человека, борющегося за свои права.

В конечном итоге философия нигилизма, извращенная политическими режимами, вылилась в убийство человека в физическом и душевном плане. Поэтому Камю нередко прибегает к обезчеловечиванию тех, кто поддерживал подобные взгляды, отождествляя их с неспособными к самоконтролю животными. Приводя в качестве примера одно из многих гитлеровских преступлений, в частности разрушение Лидице, Камю наделяет людей, ответственных за исполнение отданного их вождем приказа, характеристиками диких зверей:

Оригинал	Английский перевод	Русский перевод
Ou bien la répression calculée et l'exécution froide d'otages, ou bien la ruée sauvage , et forcément brève, de soldats exaspérés .	Either calculated repression and cold-blooded execution of hostages, or a savage and necessarily brief sack by enraged soldiers .	Либо расчетливые репрессии и хладнокровное истребление заложников, либо остервенелый — и в силу этого непродолжительный — налет карателей .

Данный пример, как и многие другие, обращавшиеся к гитлеровским преступлениям, и возложение надежд на нигилизм лишает личность всего, что хоть отдаленно напоминает человеческое, что могло быть ей присущим. Оттого в этом случае особое внимание стоит уделить слову *остервенелый*. Помимо значения «пришедший в состояние крайней ярости» стоит посмотреть на его этимологию. Согласно словарю Даля, происходит оно от слова *стерва* (ж.) и *стерво* (ср.) и означает «труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина». Так как оно стоит в одном предложении со словом *налет*, предстает сознанию картина карателей-падальщиков, бросающихся на заложников, не способных никаким образом противостоять своим мучителям. Таким образом, прислужники тоталитарного режима низводятся до диких зверей, нападающих на все без разбора и убивающих жизнь в любом ее проявлении. Замечание, которое Камю высказал по поводу логики Маркиза де Сада, ярко отображает положение вещей среди служителей кровавых тиранов, ведь как только хоть один из них начинает задаваться вопросом о том, хорошо ли то, что проповедует государство, либо ставит под сомнение их привилегии, *est aussitôt rejeté du troupeau, et redevient victime* (рус. *он тотчас изгоняется из стаи и снова становится жертвой*).

Лексические единицы, использованные в данном фрагменте, можно выделить в два полюса: контролируемость и стихийность. Первое семантическое поле представлено следующими лексемами:

1. Оригинал: *calculée*.
2. Английский перевод: *calculated*.
3. Русский перевод: *расчетливые*.

Семантическое поле стихийности представлено следующими лексическими единицами:

1. Оригинал: *sauvage, exaspérés, forcément brève*.
2. Английский перевод: *savage, enraged, necessarily brief*.
3. Русский перевод: *остервенелый, непродолжительный*.

Самый сильный сдвиг происходит при переводе слова *soldats* на русский язык. В данном случае солдаты превращаются в *карателей*, что дополнительно подчеркивает роль военнослужащих в тоталитарных государствах — а именно их изображение как лишенных человечности служителей бесчеловечного режима. Изотопия контролируемости/стихийности подчеркивает невозможность морального выбора между двумя проявлениями зла в условиях политического насилия.

Марат, как и Маркиз де Сад, — одна из многих исторических личностей, к которым обращается Камю по ходу произведения, ведь его воззрения представляются ничем не лучше философов-нигилистов и равным образом подвергаются обесчеловечиванию ввиду их жестоких воззрений. Оправдывая убийство тысяч людей ради блага общества (ведь цель, согласно его логике, оправдывает любые средства, направленные на ее воплощение), *Il écrivait encore dans les nuits de septembre, au fond de sa cave, à la lueur d'une chandelle* (рус. он писал сентябрьскими ночами в глубине своей конуры при свете свечи) о муках, которые пришлось бы выносить пойманным и заключенным. Вскоре Камю открыто называет его *au triste Marat, singe de Rousseau* (рус. мрачным Маратом, этой обезьяной Жан Жака Руссо), еще более акцентируя как несостоятельность его идей, так и его душевную дикость.

Использование подобного рода лексических единиц только сильнее акцентирует отношение автора к нигилизму и прочим философским идеям и их заблуждениям. Привычные ценности, такие как честь, долг, совесть, которые раньше были несокрушимы, как и образ Бога, потеряли свою значимость, а человек, более не удерживаемый данными моральными устоями, был недалек от того, чтобы оправдать любую форму насилия, поскольку мир абсурден и лишен смысла, соответственно, он освобождается от наказания за причиняемый им вред. В этом и состоит пагубное влияние этой философской мысли, ведь подобного рода нигилизм «... стремится умножать насилие, зло, террор. Появляется культ насилия, тем самым, бунт предает себя» [Третенко, 2020, с. 48].

Прием обесчеловечивания повторяется раз за разом в этом произведении, и сводится это к тому, что человек, поддавшийся эмоциональным порывам и безжалостному голосу *un obscurantisme rationaliste* (рус. рационалистического мракобесия / англ. *rationalist obscurantism*), перестает быть человеком в привычном плане. Оказываясь во власти одной из крайностей, индивид перестает мыслить трезво и здраво, что наносит вред не только на индивидуальном уровне, но и на общественном. Представим некоторые

из эмоционем такого характера: *une brute* (рус. зверь в человеческом обличье), *torturer sadiquement* (рус. садистские пытки / англ. *sadistically tortured*), *une idole qui a le mufle de la puissance* (рус. звероголовый идол), *le meurtre* (рус. сплошная оргия убийства / англ. *an act of sacrifice and murder*), *la fureur irrationnelle* (рус. иррациональное остервенение / англ. *irrational fury*), *le hurlement primitif* (рус. вой первобытной орды), *les fureurs nationalistes* (рус. националистические безумства / англ. *nationalist excesses*), *les jouisseurs au groin de porc* (рус. свинорылые жуиры / англ. *“hog-faced” pleasure-seekers*) и т. д.

Примечательно, что перевод на русский ужесточает заложенную Камю мысль, сознательно усиливая элементы жестокости. На примерах *le hurlement primitif*, *une idole qui a le mufle de la puissance* мы замечаем конкретизацию: в первом случае источник воя — первобытная орда, когда во втором — звероголовый идол. Второй пример отсылает читателя к образу египетского бога с головой животного, однако в контексте разбираемого эссе данное божество лишается своей человеческой составляющей; остается лишь зверь, которому неведомы понятия гуманности. Английский вариант максимально близок к оригиналу (англ. *an idol that has the snout of power*). Интересен и перевод *une brute*, которое в русском представлено в виде *зверя в человеческом обличье*. У Камю *une brute* (как и в переводе на английский *a brute*) — это зверь, в то время как переводчик на русский смешивает понятия человеческого и животного с доминированием последнего. Утрата последнего подчеркивается усиленным акцентом на зооморфизме в слове *остервенение*, которое в оригинале и английском переводе выражено лексемой *ярость*. Усиление жестокости и распушенности происходит и при переводе *le meurtre* как «сплошная оргия убийства»: переводчик подчеркивает упоение «зверя в человеческом обличье» чрезмерной и бессмысленной жесткостью.

Представленная выше лексика иллюстрирует последователя нигилизма как личность, утратившую связь с человеческой составляющей. Такого индивида можно сравнить с вурдалаком, который *assouvit sa nostalgie sur les personnes* (рус. утоляет свою ненасытную жажду соками живой человеческой личности). В русском переводе теряется оригинальная мысль о ностальгии, как и в английской версии эссе (англ. *gratifies its desires on humanity*). Она заменяется желаниями, которая при переводе на русский переходит в жажду, что усиливает гротескность происходящего. Начиная с этого самого момента, он лишён способности созидать и творить, в чем и заключается основа философии бунта, но прежде всего — сочувствовать ближнему своему. Именно отсутствие последнего, эта душевная инвалидность, и объясняет факт того, что чем дальше Камю уходит от размышлений о древнегреческих мифах и мышлении людей древнего мира, которые еще пытались оставаться в согласии с окружающей их природой, тем большее количество эмоционально окрашенной лексики появляется на страницах его философского эссе.

Нередко наряду с упомянутыми эмоционемами употребляются лексические единицы, ярко иллюстрирующие состояние эмоциональной или психологической нестабильности у личностей со сбитым моральным компасом. Люди, являющиеся представителями деспотических режимов, находятся в помутненном состоянии ума: часто их воззрения сравнимы с алкогольной интоксикацией или помутнением рассудка. Будь то *une marche*

hallucinante du non total au oui absolu (рус. галлюцинаторное движение от абсолютного «нет» к абсолютизму «да» / англ. *an illusory advance from the total no to the absolute yes*), *une époque enfiévrée de nihilisme* (рус. лихорадочный нигилизм / англ. *generation intoxicated by nihilism*) и его размышления совместно с наличием *de toutes ces folies, sublimes ou puériles* (рус. безумств, возвышенных или низменных / англ. *all these extravagances, whether sublime or puerile*), или век идеологий, о котором Камю писал, что «*nous sommes dans la folie*» (рус. мы пребываем в безумии / англ. *we are insane*), живя в одну из таких эпох, *les époques folles d'unité* (рус. ошалело рвущихся к единству / англ. *periods... bent on unity to the point of madness*), или национал-социализм с его зверствами и бесчеловечными постулатами, который выступает *l'aboutissement rageur et spectaculaire du nihilisme* (рус. временным наследником, неистовым итогом нигилизма / англ. *the speculative and rabid outcome of nihilism*) с *la religion hitlérienne, n'a ainsi suscité qu'une rage démesurée de néant* (рус. его бешенным всплеском небытия / англ. *the Hitlerian religion, thus only aroused an insensate passion for nothingness*), — всё сводится к тому, что, как только человек бросается в одну из крайностей, отрицая идеи бунта и, таким образом, предавая не только себя, но и людей, его окружающих, он оказывается *dans le sang et les clameurs du siècle* (рус. среди крови и криков нашего столетия / англ. *in the blood and strife of this century*). Его воззрения приводят к тому, что в конечном итоге он поддается *elle l'oublie... dans une ivresse de tyrannie ou de servitude* (рус. хмелю тирании или раболепия / англ. *It... plunges into a mire of tyranny or servitude*), обрекая на гибель не только себя, но и других людей.

На примере *de toutes ces folies, sublimes ou puériles* (рус. безумств, возвышенных или низменных / англ. *all these extravagances, whether sublime or puerile*) мы видим, что оригинал и перевод на английский обращают внимание читателя на незрелость происходящих безумств, в то время как в русском варианте происходит сдвиг в сторону морали. Незрелость подчеркивается и «хмелем тирании и раболепия», под воздействием которого находятся последователи разрушительной философии. В английском переводе вместо алкогольного опьянения появляется образ болота, который в данном контексте может означать состояние застоя и безнадежности, однако в сравнении с русским вариантом сохраняется значение оригинального *servitude*. Рабство (*servitude*) — это социально-политическое состояние, в то время как раболепие — это льстивое угодничество, низкопоклонство, сознательное и добровольное пресмыкательство перед кем-либо или чем-либо. Русский перевод смещает акцент с политического аспекта на психологический и подчеркивает инфантильность людей, отрицающих идеи бунта.

Вызывает отдельный интерес перевод заявления Камю о веке, в котором он жил (фр. *nous sommes dans la folie*). В оригинале и русском переводе смысл заключается в том, что состояние безумия — временное. В данном случае подчеркивается состояние эпохи, в которой пребывает человек: повсеместное оправдание насилия идеологическими режимами, подавление свободы слова тоталитарными государствами ставят вопрос о психическом здоровье индивида в текущую эпоху. Исходя из этого, люди пребывают в безумии: они начали забывать, что такое человечность и сострадание. Английский вариант ставит читателя перед фактом: человек этой эпохи безумен. Таким образом, пропадает акцент на среде, в которой находится отдельно взятый индивид.

Ассоциируя последователей нигилизма и людей, отрицающих идеи абсурда и бунта, с индивидами, погрязшими в душевных пороках, Камю, следовательно, осуждает их раболепие перед политическими системами, в *bien cette Europe décharnée* (рус. *этой обескровленной Европе* / англ. *disembodied Europe*), выступая, таким образом, ее «неподкупной совестью» [Ярычев, 2020, с. 175]. В центре его философии стоят принципы морали, и этим объясняется большое количество эмоционем, обращенных в адрес поборников философии разрушения, деспотов и тиранов, угнетающих собственный народ, и простых обывателей, оправдывающих происходящее либо относящихся к нему с равнодушием.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что затронутые нами группы эмоционем, связанные со стихиями огня, воды, с состоянием холода, обесчеловечиванием, эмоциональными переживаниями, алкогольной интоксикацией и помутнением рассудка, способствуют акцентированию внимания читателя на философских течениях и воззрениях, критикуемых Камю в философском эссе «Бунтующий человек». Большинство из представленных нами примеров отражает негативные последствия, которые порождает отказ от изначальных идеалов движения бунта. Именно поэтому Камю, говоря о крайностях этого направления, намеренно усиливает градус повествования, чтобы показать читателю, насколько разрушительной является любая философская доктрина, отвернувшаяся от принципов созидания и творения и потерявшая баланс между абсолютным «нет» и абсолютным «да», на котором и зиждется его философия.

Сравнение французского, английского и русского вариантов эссе показало, что русский перевод ставит особый акцент на жестокости и насилии при изображении человека, часто дегуманизируя его и отождествляя его со зверем. Таким образом, происходит усиление зооморфных элементов. В дополнение к этому, нередко переводчик на русский язык передает эмоциональное напряжение посредством уподобления его огню, тем самым подчеркивая разрушительный аспект потери индивидом контроля над собой. Что касается английского перевода, то подобной тенденции не наблюдается: переводчик старается быть наиболее близким к оригиналу, сохраняя нейтральность. Тем не менее при сравнении с русским вариантом в английском отмечается упрощение стилистических особенностей оригинала и более частая потеря или искажение пространственных метафор.

Список источников

- Бондарев А. П. 2024. Амбивалентный образ Прометея–персонификация диалектики природы и цивилизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 9 (890). С. 143–152. <https://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnyy-obraz-prometeya-personifikatsiya-dialektiki-prirody-i-tsivilizatsii> (дата обращения: 14.07.2026).
- Великовский С. И. 2015. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 208 с. ISBN 978-5-98712-501-4.

- Гальцова Е. Д. 2022. Солянный миф в раннем творчестве Альбера Камю // Статьи о французской литературе. С. 249–263.
- Деррида Ж. 2000. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина; науч. ред. В. Ю. Кузнецова. СПб.: Академический проект. 496 с. ISBN 5-8291-0088-6.
- Камю А. 1990. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 415 с.
- Камю А. 2022. Изнанка и лицо; Брачный пир; Лето: [сборник] / пер. с фр. М.: АСТ. 224 с.
- Мальцев Я. В. 2016. Бытие и другой в философии А. Камю // Социум и власть. № 6 (62). С. 15–19.
- Попыхова А. А. 2024. Особенности передачи эмоциональных составляющих в оригинале романа А. Камю «Посторонний» и в его русскоязычных переводах // Stephanos. Т. 67. № 5. С. 127–134. <https://stephanos.ru/izd/2024/2024-67-12.pdf> (дата обращения: 14.07.2026).
- Прохоренкова С. А. 2019. Цветовая символика в литературно-философских трудах экзистенциалистов // Известия Байкальского государственного университета. Т. 29. № 2. С. 193–197. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-simvolika-v-literaturno-filosofskih-trudah-ekzistentsialistov> (дата обращения: 14.07.2026).
- Третенко А. В. 2020. Абсурдность мира и проблема бунта в экзистенциализме А. Камю // Colloquium-Journal. № 1-6 (53). С. 46–49.
- Цыбова И. А. 2019. Языковые особенности цветопередачи в романе А. Камю «Посторонний» // Верхневолжский филологический вестник. № 2. С. 129–132. <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-tsvetoperedachi-v-romane-a-kamyu-postoronniy> (дата обращения: 14.07.2026).
- Ярычев Н. У. 2020. Абсурдность мира и философия бунта Альбера Камю // Экономические и гуманитарные исследования регионов. № 3. С. 174–180. https://www.cegr.ru/docs/archive/journal_3_2020.pdf (дата обращения: 14.07.2026).
- Bouhafs F. 2026. Albert Camus: From the silence of the world to revolt // Corps et Psychisme. Recherches en Psychanalyse et Sciences Humaines. Vol. 13. No. 1. Pp. 1675–1685. <https://corpsetpsychisme.com/cp/article/view/301> (дата обращения: 14.07.2026).
- Camus A. 1951a. L'Homme révolté. Paris: Gallimard. 382 pp.
- Camus A. 1951b. The Rebel: An Essay on Man in Revolt. New York: Alfred A. Knopf.
- de Araújo R. L. 2016. Albert Camus et la poétique de Némésis // Loxias. Doctoriales XIII, 54. <https://hal.science/hal-04519724v1> (дата обращения: 14.07.2026).
- Yilmaz A. 2017. Les mythologies chez Albert Camus: volonté et singularité d'une condition duelle // Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. № 29. С. 7–16. <https://dergipark.org.tr/en/pub/pausbed/article/1380962> (дата обращения: 14.07.2026).

References

- Bondarev, A. P. (2024). Ambivalent image of Prometheus as a personification of the dialectic of nature and civilization. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9), 143–152. [In Russian]
- Velikovskiy, S. I. (2015). *Faces of "Unhappy Consciousness". Theatre, Prose, Philosophical Essay Writing, Aesthetics of Albert Camus*. 2nd edition. Centre for Humanitarian Initiatives. ISBN 978-5-98712-501-4. [In Russian]

- Galtsova, E. D. (2022). The solar myth in the early works of Albert Camus. *Articles on French Literature*, 249–263. [In Russian]
- Derrida, J. (1978). *Writing and Difference* (Translated by A. Bass). University of Chicago Press.
- Camus, A. (1990). *The Rebel. Philosophy. Politics. Art*. Politizdat. [In Russian]
- Camus, A. (2022). *The Wrong Side and the Right Side; Nuptials; Summer* [L'Envers et l'Endroit; Noces; L'Été] (Translated from French). AST. [In Russian]
- Maltsev, Ya. V. (2016). Being and the Other in the philosophy of Albert Camus. *Socium and Power*, (6), 15–19. [In Russian]
- Popykhova, A. A. (2024). Features of the transfer of emotional components in the original novel by A. Camus “The Stranger” and in its Russian translations. *Stephanos*, 67(5), 127–134. [In Russian]
- Prokhorenkova, S. A. (2019). Color symbolism in the literary and philosophical works of existentialists. *Izvestiya of Baikal State University*, 29(2), 193–197. [In Russian]
- Tretenko, A. V. (2020). The absurdity of the world and the problem of revolt in the existentialism of A. Camus. *Colloquium-Journal*, (1-6), 46–49. [In Russian]
- Tsybova, I. A. (2019). Linguistic features of color transmission in the novel by A. Camus “The Stranger”. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, (2), 129–132. [In Russian]
- Yarychev, N. U. (2020). The absurdity of the world and the philosophy of rebellion by Albert Camus. *Economical and Humanitarical Researches of the Regions*, (3), 174–180. Retrieved July 14, 2026, from https://www.cegr.ru/docs/archive/journal_3_2020.pdf [In Russian]
- Bouhafs, F. (2026). Albert Camus: From the silence of the world to revolt. *Corps et Psychisme. Recherches en Psychanalyse et Sciences Humaines*, 13(1), 1675–1685. Retrieved July 14, 2026, from <https://corpsetpsychisme.com/cp/article/view/301>
- Camus, A. (1951a). *L'Homme révolté*. Gallimard. [In French]
- Camus, A. (1951b). *The Rebel: An Essay on Man in Revolt*. Alfred A. Knopf.
- de Araújo, R. L. (2016). Albert Camus et la poétique de Némésis. *Loxias. Doctoriales XIII*, 54. Retrieved July 14, 2026, from <https://hal.science/hal-04519724v1>
- Yilmaz, A. (2017). Les mythologies chez Albert Camus: volonté et singularité d'une condition duelle. *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, (29), 7–16. [In French]

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Тулунов, магистрант кафедры прикладной лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000233683@study.utmn.ru

Information about the author

Vladimir S. Tulupov, Master Student, Department of Applied and Theoretical Linguistics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000233683@study.utmn.ru

Петербургско-московский Фауст: две жизни Якова Брюса в зеркалах русской поэзии

Татьяна Вячеславовна Зверева^{1✉}, Александр Викторович Марков^{2✉✉}

¹ Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Контакты для переписки: tvzver.1968@yandex.ru[✉], markovius@gmail.com^{✉✉}

Аннотация. Настоящая работа обращена к проблеме функционирования исторического образа в художественном тексте. В статье впервые в сопоставительном аспекте рассматриваются два поэтических произведения конца XX в., посвященных Якову Брюсу, — диптих Владимира Британишского «Жизнь и легенда Якова Брюса, московского Фауста» (1986) и поэма Максима Амелина «Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев» (1999). Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью этих текстов, особенно произведения Британишского, и возможностью увидеть в поэтической рефлексии над историческим образом глубинные процессы русского самосознания на переломе эпох — от позднесоветского времени к постсоветской действительности. Цель работы — выявить жанровую природу, интертекстуальные связи и культурно-философские смыслы обоих произведений. Методология основана на сравнительно-историческом, интертекстуальном и мифопоэтическом анализе. Результаты показывают, что Британишский создает элегический диптих, в котором трагическое одиночество ученого противопоставлено народной легенде; Амелин же использует карнавальную, ирони-комическую поэтику, превращая Брюса в веселого мудреца-трикстера. Оба текста содержат отсылки к пушкинской традиции, философии стоицизма и раблезианскому смеху, но по-разному осмысляют конфликт знания и власти, веры и познания. В заключении делается вывод, что Брюс у Британишского проецируется на образ интеллигента, переживающего невосребованность, а у Амелина — на образ интеллектуала, открытого миру и истории.

Ключевые слова: Яков Брюс, петровский миф, Владимир Британишский, Максим Амелин, русская поэзия XX в., Фауст, историческая память, интеллигенция, карнавал, элегия, интертекстуальность

Цитирование: Зверева Т. В., Марков А. В. 2026. Петербургско-московский Фауст: две жизни Якова Брюса в зеркалах русской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 38–54. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-38-54>

Поступила 22.03.2026; одобрена 27.06.2026; принята 12.07.2026

The St. Petersburg – Moscow Faust: Two lives of Jacob Bruce in the mirrors of Russian poetry

Tatiana V. Zvereva^{1✉}, Alexander V. Markov^{2✉✉},

¹Udmurt State University, Izhevsk, Russia

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Corresponding authors: tvzver.1968@yandex.ru[✉], markovius@gmail.com[✉]

Abstract. The study addresses the problem of the functioning of a historical image in a literary text. The article presents the first comparative analysis of two poetic works from the late 20th century dedicated to Jacob Bruce: Vladimir Britanishsky's diptych "The Life and Legend of Yakov Bruce, the Moscow Faust" (1986) and Maxim Amelin's poem "The Joyous Science, or the True Tale of the Famous Bruce, Versified from the Words of Several Eyewitnesses" (1999). The relevance of the study is due to the insufficient scholarly attention paid to these texts, especially Britanishsky's work, and the opportunity to trace the deep shifts in Russian self-consciousness at the turn of the era — from the late Soviet period to the post-Soviet reality — through poetic reflection on a historical figure. The aim of the study is to identify the genre nature, intertextual connections, and cultural-philosophical meanings of both works. The methodology combines comparative-historical, intertextual, and mythopoetic analysis. The results demonstrate that Britanishsky creates an elegiac diptych where the tragic solitude of the scholar is juxtaposed with folk legend, while Amelin employs carnivalesque and heroicomic poetics, transforming Bruce into a cheerful trickster-sage. Both texts engage with the Pushkinian tradition, Stoic philosophy, and Rabelaisian laughter, yet they offer different interpretations of the conflict between knowledge and power, faith and cognition. The conclusion suggests that Britanishsky's Bruce projects the figure of the intellectual facing marginalization, whereas Amelin's Bruce reflects the intellectual open to the world and history.

Keywords: Jacob Bruce, Peter the Great myth, Vladimir Britanishsky, Maxim Amelin, 20th century Russian poetry, Faust, historical memory, intelligentsia, carnival, elegy, intertextuality

Citation: Zvereva, T. V., & Markov, A. V. (2026). The St. Petersburg – Moscow Faust: Two lives of Jacob Bruce in the mirrors of Russian poetry. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 38–54. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-38-54>

Received Mar. 22, 2026; Reviewed Jun. 27, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Prolegomena. Фигура на пороге

В истории русской культуры есть фигуры, которые принадлежат не столько летописям, сколько мифу. Они возникают на стыке эпох, в моменты тектонических сдвигов, когда старый мир еще не умер, а новый уже родился в муках. Таким был Яков Вилимович Брюс — сподвижник Петра, фельдмаршал, сенатор, создатель первого русского календаря и, по убеждению московских обывателей, чернокнижник, продавший душу дьяволу. Представитель древнего шотландского рода, потомок королей (легенда настаивает на этом, хотя документального подтверждения нет), он прошел путь от потешного петровского солдата до генерал-фельдцейхмейстера, первого в России обладателя ордена Андрея Первозванного. Однако в народной памяти он остался не как военачальник и государственный деятель, а как хозяин Сухаревой башни, создатель знаменитого «Брюсова календаря» и владелец магических книг, которые, по слухам, до сих пор хранятся замурованными в подземельях или в библиотеке Академии наук под семью печатями.

Феномен Брюса уникален тем, что в его жизни сошлись два вектора русской культуры, знаменующие отношение к познанию (средневековые представления о знании как грехе и петровский прорыв, когда европейская наука импортировалась в Россию как заморское чудо, столь же непонятное, сколь и полезное). Брюс был живым мостом между этими мирами: шотландец по крови, лютеранин по вере, европеец по образованию, воспитанный на книгах и экспериментах, он стал первым русским интеллектуалом в современном смысле слова, т. е. человеком, для которого истина ценнее чина, а эксперимент важнее догмы. Сравнение Брюса с доктором Фаустом, впервые прозвучавшее у Пушкина, глубоко укоренено в этой пограничности. В культурном сознании образ Фауста эволюционировал от героя народной легенды, продавшего душу ради знаний и чувственных наслаждений, до трагического персонажа Гёте, чей путь есть бесконечное стремление к абсолюту, оправдывающее человеческое существование. Именно эта архетипическая фигура познающего и дерзающего духа, стоящего на границе дозволенного, становится ключом к поэтической рецепции образа Брюса.

В XX в. два известных поэта обратились к фигуре Брюса, создав масштабные поэтические полотна, разделенные полутора десятилетиями, но связанные глубинным диалогом, который позволяет увидеть не только эволюцию образа самого Брюса, но и движение русского самосознания. Владимир Британишский, поэт ленинградской школы, ученик Лидии Гинзбург, автор нескольких поэтических книг и переводов, опубликовал поэтиче-

ский диптих «Жизнь и легенда Якова Брюса, московского Фауста» в книге «Движение времени» в 1985 г. [Британишский, 1985]. Максим Амелин, поэт поколения 1990-х, филолог-классик, знаток античной и русской поэзии XVIII в., переводчик Пиндара и Катулла, напечатал «Веселую науку, или Подлинную повесть о знаменитом Брюсе, переложенную стихами со слов нескольких очевидцев» в журнале «Новый мир» в 1999 г. [Амелин, 2018]. Ни в момент выхода, ни позднее книга Британишского не привлекала внимания критиков и литературоведов; исключения составляют единичные работы [Фаликов, 2004; Геллер, 2016; Марков, 2020]. Судьба «Веселой науки» более счастлива: к поэме М. Амелина на сегодняшний день обращено несколько статей, среди которых особо выделяются аналитические разборы В. Губайловского [Губайловский, 2002], А. Скворцова [Скворцов, 2011], М. Наполитано [Наполитано, 2020], В. Зусевой-Озкан [Зусева-Озкан, 2022], И. Скоропановой [Скоропанова, 2024]. Актуальность и новизна настоящего исследования определяются не только недостаточной изученностью темы, но и тем, что в нем впервые тексты Британишского и Амелина рассмотрены в сопоставительном аспекте. Обращаясь к историческому прошлому, В. Британишский и М. Амелин ставят важнейшие вопросы, связанные с положением человека в современном мире.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили два поэтических текста: диптих В. Британишского «Жизнь и легенда Якова Брюса, московского Фауста» [Британишский, 1985, с. 20–24] и поэма М. Амелина «Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев» [Амелин, 2018].

Методологическая база работы включает несколько подходов. Сравнительно-исторический метод позволяет рассмотреть оба произведения в контексте литературного процесса 1980–1990-х гг. и выявить их жанровую специфику. Интертекстуальный анализ применяется для выявления отсылок к пушкинской традиции, народной легенде, философским источникам (Сенека, Рабле), а также для обнаружения скрытых диалогов между двумя исследуемыми текстами. Мифопоэтический подход используется для анализа трансформации исторического образа Брюса в культурном сознании, превращения его в мифологема, функционирующую в русской культуре на протяжении трех столетий. Кроме того, в работе применяются методы структурно-семиотического анализа (исследование оппозиций «легенда/жизнь», «элегия/карнавал», «Москва/Петербург») и культурологической интерпретации, позволяющей связать поэтические стратегии с социально-историческим контекстом — позднесоветским и постсоветским.

Результаты и обсуждение

Жанровая структура и поэтика диптиха В. Британишского

Поэтический диптих Владимира Британишского «Жизнь и легенда Якова Брюса, московского Фауста» уже самым названием задает жесткую дихотомию. Текст разделен на две части, и это разделение проведено последовательно на всех его уровнях: ритми-

ческом, лексическом, интонационном, отчасти графическом. Британишский не столько перечисляет происшествия из жизни Брюса, сколько говорит о двух способах существования личности в культуре: то, как ее видит молва (народная легенда), и то, как она видит саму себя (самосознание, рефлексия). Границы между вымыслом и реальностью стерты вследствие того, что расположение частей в диптихе зеркально по отношению к названию: первая часть обозначена как «Легенда», вторая имеет название «Жизнь». «Жизнь и легенда» Якова Брюса оборачиваются в диптихе «легендой и жизнью», заставляя читателя усомниться в значении ключевых слов. В названии имеется скрытая отсылка к роману А. Пушкина «Арап Петра Великого», в котором Яков Брюс впервые был назван «русским Фаустом» (по случайному совпадению, супругой «русского Фауста» была Маргарита фон Мантейфель). Отметим также, что упоминание имени Брюса имеется в «Полтаве» и в незавершенной «Истории Петра», где Брюс предстал одним из ключевых персонажей русской истории.

Первая часть диптиха («Легенда») использует силлабо-тонический стих, который, однако, в силу своей строфической организации и семантического ореола пробуждает совершенно определенные историко-культурные ассоциации. Она написана катренами с чередованием четырехстопного и трехстопного анапеста (Ан4343), причем нечетные строки имеют мужскую клаузулу, а четные — дактилическую. Этот размер отсылает не столько к народному раёшнику, сколько к прецедентному тексту русской романтической баллады — «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» В. А. Жуковского. Тем самым Британишский с самого начала вводит легенду о Брюсе не в план фольклорной стилизации, а в эстетику западноевропейской романтической баллады, где мистика, рыцарство и роковая тайна неразрывно связаны. Это голос молвы, слухов, городской легенды, которая передается из уст в уста, не заботясь о точности дат и имен, но цепко удерживая главное: «Виллим Брюс, иноземец, из Шкоцкой земли, королевского роду был якобы» [Британишский, 1985, с. 20]. Показательно употребление просторечия «якобы» — молва всегда сомневается и одновременно утверждает, граница между вымыслом и реальностью крайне условна. Легенда не различает тонкостей происхождения Брюсова рода, для массового сознания все иноземцы на одно лицо. Вместе с тем, в соответствии со сказочным архетипическим сюжетом об антагонизме двух братьев, молва приписывает старшему Роману практический ум (был «лихой генерал», и ему Петр дал «Петербургом командовать городом» [Британишский, 1985, с. 21]), а младшего Якова наделяет хитрым умом, и это хитроумие сразу маркируется как опасное («предался он затеям злокозненным» [Британишский, 1985, с. 21]).

Британишским обнажены механизмы демонизации ученого в традиционном обществе, где всякое углубление в неведомое и новое воспринималось как связь с нечистой силой. По мнению народа, Брюс «черный порох варил», «серный дух возлюбил», а «огненное зелье» и «лазуревый огонь» становятся для него «единственным светочем». Огонь как одна из ипостасей Божественного Света для эпохи Барокко и Просвещения — еще и метафора научного познания, этот огонь способен осветить тьму незнания, которая сродни хаосу; в этой организации знания огонь и свет оказываются в одной ячейке противоположности тьмы. Однако для людей, принадлежащих к средне-

вековому типу культуры с ее дихотомией божественного и дьявольского, это огонь адский, серный, от которого пахнет геенной. Гордыня ума, стремление к знанию, равному божественному, — главный грех Брюса, подобный греху таких культурных героев, как Люцифер, Прометей и Фауст («Заглядевшись в то пламя, задумывал он, как сравняется с богом всеведущим» [Британишский, 1985, с. 21]).

Интересно, как легенда перерабатывает реальные факты, превращая их в мифологемы. Брюс действительно собрал огромную библиотеку — около двух тысяч томов, уникальное собрание научной, философской, алхимической литературы, однако в устах простых горожан книга противопоставлена церкви, знание — вере («столько нет на Москве православных церквей, сколько книг он купил еретических» [Британишский, 1985, с. 21]). Брюс бросает вызов самому времени («и решил он, что бог уж ему не судья, что не будет ни смерти, ни старости» [Британишский, 1985, с. 21]), что согласуется с эпохальными веяниями (достаточно вспомнить императора Петра Великого, посягнувшего на летоисчисление, или великих авантюристов Сен-Жермена и Казанову, чья алхимия была замешана на поисках бессмертия).

Легенда помнит о смерти Брюса, исчезнувшего при пожаре в Сухаревой башне. Британишский воспроизводит исторически недостоверный, но устойчивый миф, питавший воображение москвичей на протяжении двух веков. Вместе с тем, смерть эта не окончательна, ибо в соответствии с народными верованиями колдун не может умереть обычной смертью: «И в том дыме, в том облаке пороховом / Брюс явился вдруг дьявольским мороком. / И пропал. И могилу его не найдут. / Так пропал вдруг со свету он с белого. / Эти молвят, мол, там, а другие, мол, тут, / а ни там и ни тут его не было» [Британишский, 1985, с. 22]. Исчезновение Брюса — такова участь чернокнижника, который не нуждается в могиле и не оставляет после себя праха. (Возникающий в первой части диптиха колдовской образ Брюса связан с гоголевской прозой, являющейся важнейшим претекстом для книги «Движение времени». Британишский соединяет гоголевский мотив морака с имперской тематикой собственной книги.)

Дьявольский огонь уничтожает всё, но оставляет «две тысячи книг тарабарских, халдейских, египетских», в которых «грядущее наше записано». Народный слух хранит память о наследии Брюса и именно с ним связывает все беды и поражения России: «И с тех пор на Руси не живут — только ждут, / ждут чего-то, гадают, надеются. / И куда те книги дотла не сожгут, / колдовство-ведовство не рассеется» [Британишский, 1985, с. 22]. Тайное проклятие Брюса определяет неспособность русского человека жить настоящим, заставляет его мучительно всматриваться в будущее, гадать и надеяться. Британишский выявляет скрытые механизмы истории государства Российского — ее обращенность к утопии, к идеалу, достижение которого возможно только в будущем. Как известно, утопизм как характерная черта ментальной картины мира усиливается именно в Петровскую эпоху, что связано с глобальными геополитическими изменениями. У Британишского вечное ожидание уготованного мира народная легенда связывает с книгами Брюса.

Вторая часть поэтического диптиха, «Жизнь», демонстрирует смену смыслового регистра, переход от голоса толпы к голосу личности. Балладный анапест сменяется

шестистопным ямбом, семантический ореол которого связан с жанром элегии. Важно уточнить, что хотя метр (ямб) здесь тот же, что и в пушкинском послании «К вельможе», строфика иная: у Британишского — шестистишия с рифмовкой ааБввБ, в то время как у Пушкина — астрофический александрийский стих с парной рифмовкой. Эпиграф из Пушкина («И Брюс, и Боур, и Репнин...») задает высокую историческую перспективу, включает Брюса в пушкинский пантеон героев Петровской эпохи. В отличие от предшествующей части Брюс изображен не «безумцем неистовым», а старым человеком, отставным фельдмаршалом, сидящим в своей усадьбе Глинки: «Он даже от Москвы жил в сорока верстах, / от Петербурга же — считай что в семистах, / за тридевять земель от всех интриг придворных» [Британишский, 1985, с. 22]. Москва и Петербург — два идейных полюса, два центра, между которыми находится Брюс, не принадлежа ни старой, ни новой столице. Это география одиночества, топография изгнания, и в ее знаках видится обычная для русской истории игра фортуны: сегодняшние «птенцы Петровы» назавтра изгонялись из «гнезда» и подвергались опале. Удивительно, но в поэме Британишского отсутствует прямой диалог Брюса с Петром. Такова дистанция между ученым и властью — ключевая тема Британишского, близкая и понятная советской интеллигенции 1960–1980-х гг.

Отстраненному от государственных дел Брюсу («затворник и монах») не интересны придворные интриги, но он продолжает находить вкус в книгах, воспоминаниях и встречах с редкими гостями. Если в первой части диптиха угадывался «гоголевский след», то его вторая часть отмечена присутствием пушкинского начала. Речь идет не только об «Арапе Петра Великого» и «Полтаве», отсылки к которым имеются в названии и эпиграфе, но и о послании «К вельможе» (1830), обращенном к одному из последних деятелей XVIII столетия князю Николаю Юсупову. Перед мысленным взором Брюса проносятся картины былого, как и в «К вельможе» история свершает свои круги, шутовская эпоха сменяется «угрюмым Петербургом» и «угрюмой Москвой», шум праздника — «притихшим Рапирным залом на Сухаревой башне» (ср.: «И мрачным ужасом смененные забавы» [Пушкин, 1957]). Вместе с тем пушкинский герой изображен как духовный победитель, осуществивший свое право на выход из Истории, о чем в свое время очень точно писал В. Вацуро: «...новые поколения ищут цель жизни за пределами жизни, ценность которой для них не абсолютна, а относительна. Для Юсупова же жизнь самоценна» [Вацуро, 1974, с. 205]. Пушкинское послание наследует традицию горацианской оды с ее гедонистическим образом мира, в то время как исток текста Британишского совершенно иной — не гедонизм, а стоицизм (горацианский лозунг «Carpe diem» сменяется изречением Сенеки о необходимости помнить о смерти). В отличие от Юсупова Яков Брюс терпит поражение, и его затворничество носит вынужденный характер. Он пришел, чтобы исполнить волю истории и оказаться на ее обочине. Нынешний страх — расплата за былое веселье: «за ним самим угрюмая молва ползет, и видят в нем аж Симона-волхва» [Британишский, 1985, с. 23].

Проекция образа Якова Брюса на Симона-волхва, гностического персонажа, противопоставившего себя апостолу Петру, придает тексту Британишского дополнительное смысловое измерение. В статье «Камень-Петр и финский гранит» М. Виролайнен

указала на то, что «первые, деревянные ворота, ведущие в Петропавловскую крепость, были украшены ... барельефом, изображавшим низвержение Симона-вохва апостолом Петром» [Виролайнен, 2003, с. 253]. Названный апокрифический сюжет вошел в плоть «петербургского мифа». Британишский не разворачивает сравнение Брюса с Симоном, ограничиваясь лишь отсылкой к «угрюмой молве», однако сама эта отсылка значима, поскольку задает тему противостояния Брюса-Симона и Петра (в совершенно другом ключе «Симонов сюжет» предстанет в поэме М. Амелина, о чем будет сказано ниже).

Итак, ключевые темы в диптихе Британишского — время и его неумолимость, память и забвение. Если в «Легенде» Брюсу приписаны секретные знания от смерти и старости («и решил он, что бог уж ему не судья, / что не будет ни смерти, ни старости» [Британишский, 1985, с. 21]), то в «Жизни» отставной фельдмаршал спрашивает себя о том, что останется после него: «А он? А про него напишут ли? Наверяд» [Британишский, 1985, с. 23].

Финал являет собой квинтэссенцию философии Брюса и может быть прочитан как духовное завещание и эпитафия:

Философ истинный есть еже помнит смерть:
Пусть нам попы твердят, что мы лишь прах и персть,
смеющийся Рабле смеется и в могиле.
От смерти не уйти — нет в медицине средств.
Но если на Руси наука будет цвести
и будет ум в чести, то, стало быть, мы были!

[Британишский, 1985, с. 24]

«Философ истинный есть еже помнит смерть» — почти прямая цитата из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки [Сенека, 1977], но эти максимы Сенеки о смерти перебиваются смехом Рабле. Брюсу ближе «истина весельчака Рабле о том, что мудрые всегда навеселе», и «Гипократово учение о смехе». Смех как способ противостояния смерти, мраку и страху — важнейший мотив всей второй части поэтического диптиха. Рабле «смеется и в могиле», и этот смех преодолевает конечность человеческого существования. Следует отметить, что упоминание имени Рабле важно для Британишского не столько по отношению к Брюсу, сколько по отношению к современности. В сознании советской интеллигенции имя Рабле было теснейшим образом связано с именем опального философа и ученого М. Бахтина, почти всю свою жизнь вынужденного жить и работать в провинции. Именно Бахтин в одном из главных своих трудов «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» реабилитировал философию смеха, который объединяет интеллектуалов (в духе самого Рабле) и народ по отношению к серьезным структурам (для чего Мишель Фуко придумал удачный термин-портмоне «управляемость», *gouvernementalité*) [Каплун, 2019].

По Британишскому, имеется только один способ обрести бессмертие — это продолжение дела, востребованность трудов последующими поколениями. «Стало быть, мы были» — конечная формула стоического достоинства, формула надежды. Подлин-

ное бессмертие обретается не путем поиска чудесного зелья, а делом, которое длится в веках. Надпись на родовом гербе Брюса («FUI MUS» — «МЫ БЫЛИ», что может в латинской грамматике означать и завершённое к настоящему моменту действие, нас больше нет) обретает иной смысл: она связана с той формой прошедшего времени, с которой начинается «Книга Бытия» («В начале было Слово»). Это прошедшее, которое не перестаёт быть настоящим и прорастает в будущее.

Карнавальная поэтика и жанровый синтез в поэме М. Амелина

«Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев» М. Амелина на сегодняшний день представлена в нескольких вариантах. Первая публикация была осуществлена журналом «Новый мир» в рубежном 1999 г.; спустя десятилетие, в 2011 г., текст в расширенном виде вошёл в состав сборника «Гнутая речь» (добавлена вторая часть «Полное собрание всех Брюсовых изречений, пророчеств и предсказаний, на разные времена и случаи данных»); в 2018 г. в издательстве «Август» поэма вышла отдельным изданием с авторским предисловием и послесловием М. Визеля (без второй части). В последнем сборнике («Стихотворения и поэмы». М.: Б.С.Г.-Пресс, 2026) две части поэмы опубликованы, но они разведены, и между ними расположены стихотворения из книги «Конь Горгоны». Подобная вариативность значима — «Веселая наука» не имеет и не может иметь канонической формы, поскольку изначально ориентирована на «нескольких очевидцев» (в данном исследовании за основу взят книжный вариант текста) [Амелин, 2018]. Стих поэмы Амелина крайне необычен для современной русской поэзии: это катрены шестистопных дактило-хореев (ДакХХДакХХ) с чередующимися женскими и мужскими клаузулами, что придает повествованию одновременно энергию разговорной речи и метрическую стройность.

Максим Амелин подхватывает имя Рабле, возникшее в финальных строчках «Жизни и легенды Якова Брюса, московского Фауста». Амелин нигде не упоминает имени автора сатирического романа, однако выстраивает свой текст по карнавальным законам, следуя раблезианской поэтике. Поэма Максима Амелина — явление уникальное для русской поэзии конца XX в. Это барочный вертеп, в котором действуют исторические лица, но говорят они языком площадного театра, где высокое и низкое меняются местами, наука граничит с чудом, а чудо становится повседневностью. Амелин оживляет старую форму, насыщает ее современными смыслами, языковыми играми, многочисленными культурными отсылками. В «Необязательном предисловии» к поэме он говорит о «явных и скрытых цитатах из Гомера и Овидия, из Нестора Летописца, но больше всего — из русских поэтов XVIII–XX вв.» [Амелин, 2018, с. 7]. И уже совсем парадоксальным выглядит признание автора о том, что изобразительный ряд поэмы получился барочным, но «переписанным как бы в мультипликационной манере» [Амелин, 2018, с. 7]. Средневековое барокко и современный комикс — два полюса текста, синтезирующего звенья культуры и соединяющего в единый смысловой сплав то, что традиционно соединить нельзя.

На первый взгляд, в поэме отсутствует четкая композиционная структура: в ней нет жесткого деления на части, вместо этого — непрерывный поток событий, каждое из которых описано с избыточной подробностью, с любовью к деталям, с явным удовольствием рассказчика, который в финале предлагает читателю заново окунуть повесть «непринужденным взглядом», тем самым возвращая к началу рассказа и композиционно закольцовывая текст. За мнимой хаотичностью стоит строгая композиционная логика, восходящая к поэтике барокко с ее любовью к контрастам и неожиданным поворотам.

Амелин прибегает к сознательной и последовательной стилизации под поэтику XVIII столетия — в первую очередь, под жанр ирои-комической поэмы, восходящей к «Елисею, или Раздраженному Вакху» Василия Майкова и «Душеньке» Ипполита Богдановича. Именно данный жанр идеально подходит для рассказа о Брюсе — фигуре, которая и в исторической реальности, и в народном воображении находилась на границе между высоким и низким, между государственной службой и колдовством, между наукой и магией. Амелин доводит эту пограничность до абсолюта, превращая Брюса в героя-трикстера, который может все: летать на аппарате собственного изобретения, навредить летний снег, создавать женщину из цветов, путешествовать по вселенной в сопровождении ангела. При этом сквозь низкий жанр ирои-комической поэмы проступают контуры жанра жития: «Не святой, не властитель, не разбойник, не воин, — / в чем же твои заслуги? — житие каково? — / кто же ты, что по праву вечности удостоен?» [Амелин, 2018, с. 9]. В то же время амелинский текст балансирует на границе не только таких противоположных жанров как житие и ирои-комическая поэма, но и «подлинной повести» и «переложений», основанных на московских легендах, когда-то собранных Е. Барановым [Баранов, 1993].

Уже название поэмы отражает те изменения, которые происходили в русской культуре в Петровскую эпоху. Характерный для средневековой культуры негласный запрет на смех и веселье [Дихачев, Панченко, 1976, с. 146–147; Лотман, Успенский, 1977, с. 154–156] на рубеже XVII–XVIII вв. преодолевается «потешными играми» нового царя; Новое время рождается в буквальном смысле из «смеха». В данном смысловом аспекте Яков Брюс — смеховой двойник императора, «веселая наука» которого бросает вызов своему времени. И. Скоропанова указала на еще один возможный источник названия текста — «Веселую науку» Ф. Ницше [Скоропанова, 2024].

Отличительной особенностью амелинской поэмы являются комментарии (маргиналии, глоссы), и в этом также видится пародия на научную публикацию старинных рукописей, столь популярную в XVIII в., когда издатели снабжали тексты обширными размышлениями и вступлением «от издателя». Эта особенность восходит не только к общему научному дискурсу эпохи, но и к конкретному прецедентному тексту — «Телемахида» В. К. Тредиаковского, где прозаический пересказ-комментарий также сопровождал стихотворный текст, создавая барочный контрапункт «высокого» и «низкого», ученого и поэтического. Амелин использует краткие пояснения на полях, которые дополняют каждую строфу или группу строф. В «Веселой науке» маргиналии живут своей жизнью, создавая второй план повествования: они то серьезны («Парадный портрет Петра Первого. — Его тайные мысли» [Амелин, 2018, с. 10]), то ироничны («Творение

по примеру Пигмалиона тела своей невесты из разных садовых и полевых цветов. — На- речение ее латинским именем Флора. — Сожаление по поводу невозможности вложить в нее человеческую душу» [Амелин, 2018, с. 23–26]). Этот контраст между ученым комментарием и лубочным действием, между академической серьезностью и балаганной веселостью создает ту самую «веселую науку», о которой говорит название поэмы, элегичность комментария оттеняется гротеском стиха.

В «Веселой науке» Брюс — не жертва легенды, а ее творец, субъект действия. Он сам создает свою славу, сам управляет своей судьбой, не боясь ни царского гнева, ни народной молвы. Показательна сцена, в которой Брюс наказывает нечестных купцов, вызывая «семисаженного» рака с «желтой пастью». Сцена повторяется трижды, и каждый раз Брюс наблюдает за происходящим действием с балкона Сухаревой башни, «склонясь над доскою шахматной, каждой пешкой правит гроссмейстер, черно-белый тревожа ус». Шахматная метафора важна для авторской концепции: Брюс играет с миром, передвигая фигуры на шахматной доске.

Не царь, а Брюс оказывается создателем новой реальности. Описание брюсовой службы царю в начале поэмы отсылает к пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде» (ср.: «Служит ему исправно Брюс: например, погоды / все перемены знает в точности наперед, / предрекает по звездам всех сражений исходы, — / и без Брюса не ходит Петру ни в один поход» [Амелин, 2018, с. 10] — «Балда говорит: “Буду служить тебе славно, / Усердно и очень исправно”» [Пушкин, 1957]). Вслед за Пушкиным Амелин подхватывает тему «чудесного помощника», деяний которого начинает опасаться правитель. Следует также заметить, что в творчестве Пушкина чудесные действия атрибутированы Петру. Так, в «Медном всаднике» император назван «строителем чудотворным», в стихотворении «Пир Петра Великого» — «чудотворцем-исполином». В поэме Амелина эти характеристики отнесены к Брюсу. Выходящие за пределы обычного человеческого опыта магические способности героя стоят у истоков строительства Петербурга, и это авторский намек на чудо возникновения Российской империи. Далее способности Брюса описываются в нарастающей градации, которая постепенно переводит повествование из реалистического плана в фантастический: «...остановит солнца по кругу бег, / может в глаза тумана напустить супостатам, — / среди июльского зноя вызвать январский снег, — / на море сделать бурю, — вражеский флот пожаром / испепелить внезапно, свергнув огонь с небес» [Амелин, 2018, с. 17].

Амелин вольно обращается с историческим материалом, выводя на первый план несуществующий конфликт Брюса с Петром (реальные исторические факты утверждают обратное: император многое прощал своему «чудесному помощнику», в том числе и растрату казны). В «Веселой науке» ссора с Петром описана в духе народной площадной комедии. Брюс устраивает «мнимое наводнение», буквально отвечая на просьбу царя и обращая языковую метафору в реальность: «“Воды бы! море, — умирая от жажды, — / выпил бы”, — Брюса просит царь, — и пошла вода, / потекла водопадом с лестниц, по коридорам / бурным потоком...» [Амелин, 2018, с. 14]. За проделки Петр изгоняет Брюса в Москву. Нарочитое пренебрежение историческими фактами необходимо Амелину, чтобы обратиться к одному из вечных конфликтов в русской культуре —

конфликту Ученого и Власти (в перспективе Вечности границы между временами нивелируются: «Ныне, прежде и после / связаны воедино, тесно сопряжены, — / разница небольшая меж временами ослеп- / ления и прозрений, громов и тишины» [Амелин, 2018, с. 41]).

В интерпретации Амелина Брюс является универсальной фигурой, не принадлежащей какому-либо времени, но стоящей у истоков всех времен и являющейся предтечей всех будущих русских ученых и изобретателей. Свидетельства очевидцев указывают на такие брюсовы открытия, как закон всемирного тяготения и теория вероятностей. Амелин сознательно идет на анахронизмы, делая их конструктивным приемом текста: его герой летает на «аероветролете»; опережая Менделеева, составляет «первую периодическую систему химических элементов, впоследствии утерянную»; чертит географическую карту России, где «отделяет от Америк» Берингов пролив, предвосхищая открытия великого мореплавателя и т. д. Амелин не столько воскрешает исторического Брюса, сколько говорит о Брюсе как мифологеме, как символе и культурном герое.

«Веселая наука» оперирует московскими слухами, делая их предметом авторской игры с читателем. Так, Брюс создает из цветов прекрасную Флору Арчимбольдовну: «волосы — георгины, очи — фиалки, руки — / лилии, розы — губы, ландыши — зубы, мак — / щеки; всё остальное флоксами — по науке / — и гладиолусами тело скрепил ...» [Амелин, 2018, с. 26]. Образ Флоры одновременно отсылает читателя к творениям Джузеппе Арчимбольдо (художника XVI в., писавшего портреты из фруктов и цветов) и к мифу о Пигмалионе, оживившем статую. Владея научным знанием, Брюс творит невесту из срезанных цветов, однако вдохнуть в мертвое тело живую душу Брюс не в состоянии, и здесь наука вынуждена осознать свои пределы.

Сюжет оживления Флоры переводит поэму в иной план. Если первая часть текста — это пародия на ирои-комическую поэму, то ее вторая половина обращена к жанру «мистического путешествия», распространенному в масонской литературе. Отчасти здесь можно видеть поэтический диалог с известным произведением М. Хераскова «Вселенная», в котором развернута космогоническая и теологическая картина мира (херасковская поэма — это еще и один из первых случаев рецепции «Потерянного рая» Дж. Мильтона в русской литературе [Коровин, 2016]).

Во второй части поэмы чародейству Брюса противопоставлены «небесные таинства»: Вселенная открывается взору героя-трикстера, и ангел изъясняет «скрытое от глаз». В противовес народной легенде о том, что Брюс владел Книгой судеб, в поэме эту книгу герою только показывают («Всех времен и событий вот амбарная книга, — / в ней по порядку войны, бедствия, мятежи / перечислены, — роспись до последнего мига» [Амелин, 2018, с. 41]). В поисках нового знания Брюс посещает три неба («Отца, Сына и Святого Духа») и получает три дара (жидкий, твердый и газообразный). Полет героя — не попытка сравняться с Богом, а дар, откровение, благодать. Важно, что Брюс получает знание не от дьявола, как в легенде о Фаусте, а от Бога, через ангела-хранителя, который его благословляет: «Человече! угодны Богу твой твердый нрав, / дух твой неутомонный, твой дерзновенный разум, — / ты правотой небесной, как и земною, прав» [Амелин, 2018, с. 38].

Описание полета — одно из лучших в русской поэзии конца XX в., и это описание можно рассматривать как поэтическое состязание с Ломоносовым (отсылка к «Вечернему размышлению о Божием Величии» которого угадывается в тексте: «Брюсу открылась бездна, пламенных звезд полна, — / хор и орган, гласящий Господа в каждой ноте; / блещет своей обратной стороною Луна; / точкою синеватой стала Земля, златистой / — Солнце, созвездий грозды, что в траве светляки, / точно толпа цыганок, прозвеневших монистой, / словно огни деревни рядом — и — далеки, / так миры промелькнули» [Амелин, 2018, с. 39–40]).

В заключительной части поэмы сам Петр приезжает к Сухаревой башне, где получает последний совет от своего «чудесного помощника»: «Царь, — с балкона бросает Брюс, — хоть ты и велик, / а змеи-то не видишь, — раздавить не мешало б, / раздвоенное вырвав жало, вставить язык» [Амелин, 2018, с. 57]. Брюс пророчески глядит в будущее — эта политическая аллегория найдет зримое воплощение в «громокаменном» памятнике Фальконе. Вымышленный конфликт разрешается примирением, и здесь вновь видится скрытая аллюзия на пушкинскую «Сказку о царе Салтане» (ср.: «Петр допетрил: “Всех отпустить домой!”» [Амелин, 2018, с. 51] — «Царь на радости такой / Отпустил их всех домой» [Пушкин, 1957]). Кульминацией поэмы становится передача Петру «краеугольного камня, дабы Россия крепла» [Амелин, 2018, с. 60].

Финал «Веселой науки» — торжество поэзии, в которой переплетаются бессмертные строки Пушкина, Ходасевича... Время оборачивается Вечностью, где всё сосуществует одновременно, и где нет различий между веком XVIII и современностью. Изобретатель «живой воды» Брюс обретает бессмертие, ибо бессмертно стремление к истине. «Не ждете? / Ждите, — и Брюс вернется, — он и поныне жив!» [Амелин, 2018, с. 60] — таков оптимистический, почти пасхальный финал поэмы.

Две модели репрезентации ученого в русской культуре

«Жизнь и легенда Якова Брюса, московского Фауста» и «Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев» представляют два фундаментальных способа отношения к истории. Поэтический диптих Британишского пронизан элегической тональностью, которая воскрешает и одновременно оплакивает ушедшее. Время героя кончилось, его дела забыты, и старому фельдмаршалу остается только надеяться, что будущее когда-нибудь оценит то, что было им сделано. Избранная Амелиным карнавальная поэтика воскрешает прошлое на иных основаниях: прошлое не умерло, оно живо и может вернуться в любой момент. Обе авторские стратегии легитимны и необходимы для воссоздания полноты исторической картины: элегия не позволяет забыть о трагизме истории, о том, что знание покупается ценой одиночества и страдания; карнавал напоминает о радости человеческого познания, о том, что наука может быть веселой и свободной.

И диптих, и поэма — это авторские размышления о судьбе знания в России. Британишский видит эту судьбу трагически (новое знание в России всегда подозрительно, всегда «еретично», всегда на грани запрета). Взгляд Амелина оптимистичнее (да, знание в России часто принимают за колдовство, но настоящее чудо всегда пробьет

себе дорогу). Оба автора пишут не столько об историческом Брюсе, сколько о русском интеллигенте и его месте в обществе. Брюс Британишского проецируется на образ интеллигента, переживающего не востребованность своего труда и глубокое одиночество, — фигуру, чья трагедия виделась особенно остро на фоне того «братства гуманитариев» и интенсивной интеллектуальной жизни (достаточно вспомнить деятельность тартуско-московской семиотической школы или рецепцию трудов М. М. Бахтина в 1970-е гг.), которая оставалась уделом немногих и не отменяла общей маргинализации знания. Брюс Амелина — это скорее интеллигент иного склада: деятельный, открытый миру, чья «веселая наука» преодолевает инерцию распада. Его образ коррелирует с самоощущением интеллектуала эпохи 1990-х, остро переживающего кризис, но не теряющего способности к карнавальной рефлексии и свободному диалогу с историей. Иными словами, оба автора говорят о своем современнике.

Важнейшее различие между текстами заключено в их религиозном измерении. Британишский осторожен в религиозных вопросах, его Брюс — лютеранин, но вера его — скорее философский деизм, нежели живое религиозное чувство. Он читает Сенеку и Рабле, помнит о смерти, но не надеется на воскресение. Брюс спорит с церковными догмами не прямо, а через смех Рабле и стоическую философию. Амелин, напротив, создает глубоко религиозную поэму, хотя и в карнавальной, почти еретической форме. Его Брюс получает откровение от Бога, посещает три неба, получает святые дары. Знание не противоречит вере, а дополняет ее, наука и богословие — не враги, а союзники. В поэме возникает сложный сплав язычества (Флора — это еще и античная богиня цветов), алхимии и христианства, где все сосуществует в барочном единстве, где античные боги соседствуют с христианскими ангелами, а алхимические реторты — с иконами.

Наконец, оба текста — очень разные вариации на тему Фауста, ключевого героя европейской культуры Нового времени. Брюс Британишского — это русский Фауст, осмысленный в трагическом ключе. Он не продает душу дьяволу, но слишком много знает и слишком мало верит, ясно видит и остро чувствует свое одиночество. Его трагедия — трагедия познания, которое не спасает от смерти и забвения. Брюс Амелина — это русский Фауст в комическом ключе. Он не трагический герой, а веселый мудрец, который смеется над смертью, над властью, над страхом — и потому побеждает. Интересно, что оба поэта избегают сюжета продажи души. У Британишского народная молва приписывает Брюсу связь с нечистой силой, но сам поэт отвергает это, показывая читателю реального Брюса — одинокого старика с подагрой. У Амелина Брюс напрямую общается с Богом, получает от него дары и благословение. Если немецкий Фауст народной легенды, в отличие от трагического и оправданного в своем стремлении героя Гёте, скрепляет договор с дьяволом кровью, то «русский Фауст» в обеих поэтических версиях не продается нечистому — он или страдает от непонимания и одиночества, или получает благословение свыше.

Заключение

Таким образом, в произведениях Британишского и Амелина можно увидеть два архетипа русского интеллигента, два способа существования знания в России, два отношения к власти, к вере, к смерти. «Жизнь и легенда Якова Брюса, Московского Фауста» и «Веселая наука» отражают два разных состояния русского общества и русской интеллигенции: середину 1980-х (время усталости, разочарования, ожидания перемен, но без ясного понимания, какими эти перемены будут) и середину 1990-х (время открывшихся возможностей, время надежд на то, что теперь всё будет по-другому). Брюс Британишского смотрит в прошлое и сомневается в будущем; Брюс Амелина смотрит в будущее и уверен в нем.

Однако есть в обеих произведениях и общее: любовь к своему герою, уважение к его труду, восхищение его умом и его стойкостью. Оба поэта видят в Брюсе не только историческую фигуру, а родственную душу, человека, который близок им по духу, по способу мыслить и чувствовать. И эта близость, эта интимность отношений между автором и героем делает обе поэмы не просто историческими реконструкциями, а исповедями, размышлениями о себе, о своем времени, о своем месте в мире.

Список литературы

- Амелин М. 2018. Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев. М.: Август. 72 с.
- Баранов Е. 1993. Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М.: Литература и политика. 146 с.
- Британишский В. А. 1985. Движение времени: книга стихов. М.: Советский писатель. 128 с.
- Вацуро В. Э. 1974. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830 гг.: История создания и идейно-художественная проблематика. Л.: Наука. С. 177–211.
- Виролайнен М. Н. 2003. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора. 503 с.
- Голлер Б. 2016. Мамонты. Апология Брита // Звезда. № 9. С. 230–242.
- Губайловский В. 2002. Усилие смысла. Заметки о современной поэме // Дружба народов. № 4. С. 188–204. <https://ruins.magazines.gorky.media/druzhiba/2002/4/usilie-smysla.html> (дата обращения: 16.07.2026).
- Зусева-Озкан В. Б. 2022. К истории русской поэтической наррации: прозаический автокомментарий в поэмах П. Буслаева «Умозрительство душевное» и М. Амелина «Веселая наука» // Вестник славянских культур. Т. 65. С. 192–207. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-192-207>.
- Каплун В. 2019. Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. Т. 29. № 2 (129). С. 179–220. <https://www.logosjournal.ru/articles/1970/> (дата обращения: 16.07.2026).
- Коровин В. А. 2016. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 75. № 6. С. 48–54.

- Лихачев Д. С., Панченко А. М. 1976. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука. 204 с.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. 1977. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. № 3. С. 148–166.
- Марков А. В. 2020. Анапест истории и культурологический потенциал повествовательной поэзии: Британишский и Кривулин // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. № 4 (39). С. 79–87. <https://cyberleninka.ru/article/n/anapest-istorii-i-kulturologicheskii-potentsial-povestvovatelnoy-poezii-britanishskiy-i-krivulin> (дата обращения: 16.07.2026).
- Наполитано М. 2020. Массовая культура в немассовой литературе: легенда о Якове Брюсе в поэме Максима Амелина «Весёлая наука» // Культ-товары: Коммерциализация истории в массовой культуре. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый. С. 159–173.
- Пушкин А. С. 1957. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Сенека. 1977. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука. 383 с.
- Скворцов А. 2011. Труды и дни Максима Амелина // Амелин М. Гнутая речь. М.: Б.С.Г.-Пресс. С. 5–18.
- Скоропанова И. С. 2024. «Веселая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев» М. Амелина: шутивное и серьезное // Гугнинские чтения. Новополюк: Полоцкий гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой. С. 74–82. <https://elib.psu.by/handle/123456789/45676>.
- Фаликов И. 2004. Владимир Британишский. Петербург — Ленинград // Знамя. № 3. С. 214–220.

References

- Amelin, M. (2018). *The Joyous Science, or the True Tale of the Famous Bruce, Versified from the Words of Several Eyewitnesses*. Avgust. [In Russian]
- Baranov, E. (1993). *Moscow Legends, Recorded by Evgeny Baranov*. Literatura i politika. [In Russian]
- Britanishskii, V. L. (1985). *The Movement of Time: A Book of Poems*. Sovetskii pisatel. [In Russian]
- Vatsuro, V. E. (1974). “To a Nobleman”. In *Pushkin’s Poems of 1820-1830: The History of Creation and Ideological and Artistic Issues* (pp. 177–211). Nauka. [In Russian]
- Virolainen, M. N. (2003). *Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature*. Amfora. [In Russian]
- Goller, B. (2016). Mammoths. An apology for Brit. *Zvezda*, (9), 230–242. [In Russian]
- Gubailovskii, V. (2002). The intensification of meaning: Notes on the contemporary poem. *Druzhba narodov = Friendship of Peoples*, (4), 188–204. [In Russian] Retrieved July 16, 2026, from <https://ruins.magazines.gorky.media/druzhba/2002/4/usilie-smysla.html>
- Zuseva-Ozkan, V. B. (2022). Towards a History of Russian Poetic Narration: Prosaic Auto-Commentary in P. Buslaev’s “Mental Speculation” and M. Amelin’s “The Joyous Science”. *Vestnik slavianskikh kultur = Bulletin of Slavic Cultures*, 65, 192–207. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-192-207> [In Russian]
- Kaplun, V. (2019). Stop understanding “Power” through the “State”: Gouvernamentalité, Governmentality Studies, and the fate of Michel Foucault’s analytics of power in Russian

- translations. *Logos*, 29(2), 179–220. Retrieved July 16, 2026, from <https://www.logosjournal.ru/articles/1970/> [In Russian]
- Korovin, V. L. (2016). Kheraskov and Milton: “The Universe” and “Paradise Lost”. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 75(6), 48–54. [In Russian]
- Likhachev, D. S., & Panchenko, A. M. (1976). *The “Laughter World” of Ancient Rus’*. Nauka. [In Russian]
- Lotman, Yu. M., & Uspenskii, B. A. (1977). New aspects of the study of Ancient Russian culture. *Voprosy literatury = Issues of Literature*, (3), 148–166. [In Russian]
- Markov, A. V. (2020). Anapest of history and the cultural analysis as presented in the narrative poetry: Britanishsky and Krivulin. *Culture and Education*, (4), 79–87. Retrieved July 16, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/anapest-istorii-i-kulturologicheskii-potentsial-povestvovatelnoy-poezii-britanishskiy-i-krivulin> [In Russian]
- Napolitano, M. (2020). Mass culture in non-mass literature: The Legend of Jacob Bruce in Maxim Amelin’s poem “The Joyous Science”. In *Cult Products: The Commercialization of History in Popular Culture* (pp. 159–173). Kabinetnyi uchenyi. [In Russian]
- Pushkin, A. S. (1957). *Complete Works: In 17 vols*. Vol. 7. Izd-vo AN SSSR. [In Russian]
- Seneca. (1977). *Moral Letters to Lucilius*. Nauka. [In Russian]
- Skvortsov, A. (2011). The Works and Days of Maxim Amelin. In M. Amelin, *Bent Speech* (pp. 5–18). B.S.G.-Press. [In Russian]
- Skoropanova, I. S. (2024). M. Amelin’s “The Joyous Science, or the True Tale of the Famous Bruce...”: Playful and serious. In *Gugninskie Readings* (pp. 74–82). Polotskii gos. un-t im. Evfrosinii Polotskoi. [In Russian] <https://elib.psu.by/handle/123456789/45676>
- Falikov, I. (2004). Vladimir Britanishsky. St. Petersburg — Leningrad. *Znamia = Banner*, (3), 214–220 [In Russian]

Сведения об авторах

- Татьяна Вячеславовна Зверева, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>
- Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Information about the authors

- Tatiana V. Zvereva, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia
tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>
- Alexander V. Markov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Девственная лазурь и молоко сивиллы: рождение стиха в поэтическом представлении С. Малларме и И. Анненского

Роман Евстратьевич Соколов^{1✉}, Максим Владимирович Ганин^{2✉✉}

¹ Независимый исследователь, Чебоксары, Россия

² Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
Чебоксары, Россия

Контакты для переписки: raymondq@mail.ru[✉], isaaa@yandex.ru^{✉✉}

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам художественной рефлексии в творчестве И. Анненского и С. Малларме. Цель исследования — сравнительный анализ осуществленной ими тематизации процесса рождения поэтического текста. В качестве объекта изучения были выбраны три произведения: “Don du Roème” Малларме, перевод этого стихотворения Анненским и его же «Третий мучительный сонет». Прибегая к интертекстуальному анализу и герменевтике поэтических образов (направленной на описание особых типов феноменализации в рассматриваемых текстах), авторы выявляют кардинальные различия в понимании генезиса произведения у вышеназванных художников слова. Природа этого различия заключается в совершенно противоположных концепциях как самого процесса написания стихов, так и вовлеченной в него фигуры автора: если для Малларме смысл этого процесса состоит исключительно в создании совершенной художественной формы, то для Анненского на первом месте стоит передача определенного опыта. В результате проделанного анализа эксплицированы два пути поэтической феноменализации: путь деконструкции стихотворных образов, основанной на (само)раскрытии их темной интертекстуальной глубины (Малларме), и путь передачи той мгновенной импрессии, которая лежит в основе события текста и, следовательно, связывает текст с породившей его живой реальностью (Анненский).

Ключевые слова: С. Малларме, И. Анненский, генезис поэтического текста, феноменализация, поэтический опыт, интертекстуальность, поэтический образ

Цитирование: Соколов Р. Е., Ганин М. В. 2026. *Девственная лазурь и молоко сивиллы: рождение стиха в поэтическом представлении С. Малларме и И. Анненского* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 55–71. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-55-71>

Поступила 17.04.2026; одобрена 12.07.2026; принята 12.07.2026

Pure Azure and the Sibyl's milk: **The birth of a poem in the poetic imagination** **of Stéphane Mallarmé and Innokenty Annensky**

Roman E. Sokolov¹✉, Maxim V. Ganin²✉✉

¹ Independent Researcher, Cheboksary, Russia

² Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia

Corresponding authors: raymondq@mail.ru✉, isaaa@yandex.ru✉✉

Abstract. This article examines selected aspects of artistic reflection in the works of Innokenty Annensky and Stéphane Mallarmé. It aims to provide a comparative analysis of how each author conceptualizes the emergence of a poetic text. The study focuses on three works: Mallarmé's "Don du Poème" (The Poem's Gift), Annensky's translation of this poem, and the latter's "Third Tormenting Sonnet". Drawing on intertextual analysis and a hermeneutic approach to poetic imagery, understood here as the description of specific modes of phenomenologization within the texts, the authors identify fundamental differences in how these writers conceive the genesis of a literary work. This divergence stems from their radically opposed views of both the poetic process and the role of the author within it. For Mallarmé, the meaning of this process lies exclusively in the creation of a perfect artistic form; for Annensky, by contrast, the primary aim is the transmission of a particular experience. The analysis thus highlights two distinct modes of poetic phenomenologization: On the one hand, a mode of deconstructing poetic images grounded in the (self-)disclosure of their dark intertextual depth (Mallarmé); on the other, a mode oriented toward conveying the immediate impression underlying the event of the text, thereby connecting it to the living reality from which it emerges (Annensky).

Keywords: Stéphane Mallarmé, Innokenty Annensky, poetic text genesis, phenomenologization, poetic experience, intertextuality, poetic image

Citation: Sokolov, R. E. & Ganin, M. V. (2026). *Pure Azure and the Sibyl's milk: The birth of a poem in the poetic imagination of Stéphane Mallarmé and Innokenty Annensky. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 55–71. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-55-71>

Received Apr. 17, 2026; Reviewed Jul. 12, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Всякий раз, когда речь заходит о творчестве Иннокентия Анненского, почти с неизбежностью вспоминают имя Стефана Малларме. Данное обстоятельство можно объяснить двумя причинами: во-первых, Малларме по праву можно считать учителем Анненского, от которого последнему передались такие особенности его поэтики, как загадочность, не прямое слово, атмосферность, сложный синтаксис, музыкальность и символизм. Именно от французского поэта автор «Кипарисового ларца» перенял импрессионистичность стиля, возведенную первым в ранг эстетического принципа: «Рисовать не саму вещь, но впечатление, которое она производит. Стих, следовательно, должен состоять не из слов, но из намерений, и все слова отступают перед чувственным переживанием» [Малларме, 1995, с. 382]. Во-вторых, сформировавшись под сильным влиянием «чистой поэзии» Малларме, Анненский стал своеобразным ретранслятором идей французского символизма, перекинув мост от поэзии XIX столетия к модернизму Серебряного века. Вот как писала об этом Анна Ахматова («Учитель», 1945 г.):

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем,
предзнаменованием,
Всех пожалел, во всех вдохнул
томленье —
И задохнулся...

[Ахматова, 2000, с. 243]

Литературный критик, переводчик, педагог, филолог-классик И. Ф. Анненский действительно стал учителем для многих выдающихся поэтов этого периода, среди которых Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам и др. Средством такого «обучения» становились не только оригинальные произведения «предвозвестника акмеизма», но и его стихотворные переводы, привлекавшие внимание молодых авторов к темам, которые волновали европейских стихотворцев рубежа веков. Обращаясь к творчеству «учеников», мы замечаем, как рецепция переводов «мэтра» находила художественное отражение в их творчестве.

Материалы и методы

Безусловно, во многом именно благодаря метапоэтической направленности творчества Малларме вопрос о природе поэтического творения и его генезисе сделался ключевым в поэзии эпохи *fin de siècle*. Глубоко затронул он и Анненского. Переняв у Малларме как саму метапоэтическую направленность, так и некоторые особенности его поэтики, русский поэт, естественно, учитывал его опыт, равно как и опыт других французских символистов (с поэзией которых он был хорошо знаком) при выстраивании собственного подхода к данной проблематике (о художественной и критической рецепции французского символизма в творчестве «учителя» русских акмеистов см. [Алёхина, 2014]).

В настоящей статье будут рассмотрены три поэтических произведения: стихотворение Малларме «Дар поэмы» (*Don du poème*, 1865ⁱ), его перевод, выполненный Анненским и опубликованный в приложении к авторскому сборнику «Тихие песни» (1904), и «Третий мучительный сонет» (1904), вошедший в тот же сборник русского поэта. Во всех этих произведениях раскрывается один (но крайне важный!) аспект указанной темы: *рождение поэтического текста*. Целью исследования будет сравнительный анализ тематизации этого процесса у С. Малларме и И. Анненского. Перечисленные стихотворения мы проанализируем в перспективе данного проблемного поля, прибегнув к двум основным методам исследования: *интертекстуальному анализу* и *герменевтике поэтических образов*. Первый позволит проникнуть в глубинный смысловой слой этих текстов путем раскрытия генезиса их ключевых мотивов и интертекстуальной связи с рядом произведений, входящих в состав гипертекста французской поэзии XIX в. Второй даст возможность понять отличия в концепциях поэтического творчества французского и русского авторов, которые нашли выражение в образном строе рассматриваемых произведений.

Обзор литературы

Исследователи творчества Малларме, среди которых встречаются и видные представители французской мысли (Жан-Поль Сартр, Морис Бланшо, Ролан Барт, Марк Рихшир и др.), видят в нем не только автора прекрасных стихов, но и человека, поставившего вопрос о смысле поэтического творения в новом, «расколдованном» мире. Конечной целью поэзии у автора «Иродиады» становится достижение эстетического Идеала, совершенной поэтической формы. В предшествующие эпохи, как замечает Ж.-П. Сартр, основанием абсолютной ценности поэзии, ее «порукой», была вера в Бога: «Поэты предшествующего поколения были малые пророки: их устами вещал сам Господь» [Сартр, 1998, с. 354]. Однако Малларме — это поэт, который еще до Ницше пережил «смерть Бога», и Идеал для него — не некая платоновская сущность, а, по словам

ⁱ «Написанное в 1865 году стихотворение впервые было опубликовано лишь через два десятилетия в сборнике П. Верлена „Проклятые поэты“. Из письма Малларме Вилье де Лиль-Адану (31 декабря 1865 г.) известно, что стихотворение было написано как воспоминание о бессонных ночах, проведенных над созданием символистской поэмы „Иродиада“» [Ли, 2024, с. 11].

того же Сартра, «абстракция, простое отрицание под поэтической маской», «какая-то расплывчатая область, к которой обязательно надо приблизиться, удаляясь от реальности» [Сартр, 1998, с. 354]. Поэт оказывается как бы подвешенным между двумя безднами: *Небытием*, или отсутствием Бога, и своей собственной смертью. Именно в такой ситуации он принимает решение «уйти в стих», ведь заменить божественное начало, в котором он всё еще нуждается как в некой экзистенциальной опоре, и компенсировать его утрату может для него только поэзия: «Бог умер», а поэзия у Малларме всё еще остается «трансцендентной» [Сартр, 1998, с. 354]. Вероятно, поэтому его «уход в поэзию» был сродни «уходу в литературу» Ф. Кафки, случившемуся после разочарования последнего в религии: для обоих он обретал поистине сотериологический смысл. Думается, что такой «эскапизм» обернулся для рассматриваемых литераторов особого рода опытом, который можно было бы определить как *экзистенциальное эпохэ*: «Ведь тот, кто уходит в стих, избавляется от бытия как определённости... должен отказаться от всякого кумира, порвать со всеми, не должен иметь ни истины в качестве горизонта, ни грядущего для прибежища, ибо ни в коей мере нет у него права на надежду — наоборот, ему необходимо отчаяться. Тот, кто уходит в стих, умирает, сталкивается со своей смертью как с бездной» [Бланшо, 2002, с. 30].

Следует отметить, что поэт подвергает операции *эпохэ* не только самого себя и свое существование — то же самое он проделывает с миром и с языком. По точному замечанию Сартра, Малларме как бы «заключает мир в скобки», «выбирает террор учтивости; по отношению ко всему — к вещам, к людям, к самому себе он всегда сохраняет едва заметную дистанцию. Эту-то дистанцию он и стремится прежде всего воплотить в стихах» [Сартр, 1998, с. 353]. Одним из способов такого дистанцирования у автора сборника «*Poésies*» является отказ от непосредственной референции и переход на метапозицию по отношению к самой поэзии. Предметом изображения у него служит не так называемая объективная (или субъективная) реальность, а сам язык ее описания и, прежде всего, язык поэтический. Для того чтобы понять, каким образом осуществляется данная процедура, обратимся к интертекстуальному анализу сонета «Дар поэмы» (выполненному Питером Хамбли).

Je t'apporte l'enfant d'une nuit d'Idumée !
Noire, à l'aile saignante et pâle, déplumée,
Par le verre brûlé d'aromates et d'or,
Par les carreaux glacés, hélas ! mornes encor,
L'aurore se jeta sur la lampe angélique.
Palmes ! et quand elle a montré cette relique
A ce père essayant un sourire ennemi,
La solitude bleue et stérile a frémi.
O la berceuse, avec ta fille et l'innocence
De vos pieds froids, accueille une horrible naissance :

Я подношу тебе дитя одной ночи в Идумее!
Черная, с окровавленным и бледным крылом,
лишенным перьев,
Сквозь стекло, сожженное ароматами и золотом,
Сквозь ледяные окна, увь, всё еще мрачные,
Заря накинута на ангельский светильник.
Пальмы! И, когда она показала эту святыню
отцу, вызвав враждебную улыбку,
Синее и бесплодное одиночество вздрогнуло.
О колыбель, с твоей дочерью и невинностью
ваших холодных ног, прими ужасное порождение.

Et ta voix rappelant viole et clavecin,
Avec le doigt fané presseras-tu le sein
Par qui coule en blancheur sibylline la femme
Pour les lèvres que l'air du vierge azur affame?

Но, когда твой голос напомнит альт и клавесин,
сожмешь ли ты поблекшим пальцем грудь,
из которой женщина сибиллиной белизной
потечёт в губы, жаждущие воздуха девственной
лазури?¹

[Малларме, 1995, с. 68]

Основная тема «Дара...» — это *бессилие* поэта воплотить в своем произведении эстетический Идеал, побуждающий к творчеству. В этом бессилии и заключается истинное проклятие служителя муз (поэта). «Неспособность писать, паралич перед чистым листом, невозможность достичь намеченной цели, воплотить мечту... поражает Малларме в расцвете сил. Он упоминает об этом душераздирающем опыте начиная с 1862 года. Это чувство становится главной темой его поэзии, парадоксальным источником вдохновения» [Abastado, 1970, с. 8–9].

На первый взгляд, «Дар...» почти не содержит в себе никаких переключек с сочинениями других авторов, представляя собой весьма цельное произведение, не содержащее в себе никаких «инородных элементов» (за исключением отсылок к языку и образному строю «Иродиады»). «Дитя ночи», о котором идет в нем речь, собственно и олицетворяет саму «творимую» поэму. Как отмечает П. Хамбли, только первая строка «Дара...» побуждала комментаторов ставить вопрос о его связи с другими текстами. Присутствие в ней топонима *Idumée* заставляло вспоминать «Вергилия, Буало, Ронсара и Виньи» [Hambly, 1990, с. 93]. Однако, несмотря на оригинальный поэтический язык и стиль, характерные для поэтики Малларме, в этом тексте присутствует множество реминисценций и аллюзий к текстам других французских поэтов XIX в. Так, образ второй строки *Noire, à l'aile saignante et pâle, déplumée* напоминает о наследии Банвиля,

¹ Во всех неоговоренных случаях подстрочные переводы выполнены авторами статьи. Для «полноты картины» приведем данное стихотворение в переводе Р. Дубровкина:

В ДАР ОТ ПОЭТА

Тебе принес я дочь эдомской долгой ночи! —
К лампаде ангельской воздев пустые очи,
Заря кровавое приподняла крыло
И сквозь холодное оконное стекло
Проникла в комнату, где медный дым курений,
О пальмы! приоткрыл одно из тех творений,
Что в спазмах неживой бесплодной пустоты
Рождают ненависть отцовскую, но ты,
Кормилица и мать, в стерильно-белой спальне,
Где голос твой парит, виолы музыкальней,
Комок беспомощный не сможешь оттолкнуть!
Сивилла, вялою рукой сжимая грудь,
Вспоишь ли ты уста, что без лазурной дали,
Без девственной зари так долго голодали?

[Малларме, 1995, с. 69]

у которого мы встречаем такие обороты, как «ночь с черными крыльями» (*Nuit/Aux noires ailes*), «темное крыло вечера» (*l'aile sombre du soir*), «истекающая кровью заря» (*les aurores saignent*), «подозрительное и бледное небо» (*ciel douteux et pâle*). К этому нужно еще добавить, что присутствующий у Малларме эпитет *déplumée* (ощипанный, лишенный перьев) «встречается у Банвиля еще до того, как Малларме использует его в „Окнах“, где он говорит о *deux moix* *ощипанных крыльях*. Для поэта „Кариатида“ Латинский квартал — это „старая, пустынная земля, / которую когда-то покинул ощипанный век“» [Hambly, 1990, с. 94].

Следующая группа текстов, о которых необходимо здесь упомянуть, связана с глаголом *vivifier* (оживлять), который, несмотря на его отсутствие в самом стихотворении, «довольно неожиданно» используется поэтом в одном из писем¹.

Этот же глагол, и в аналогичной ситуации, встречается в стихотворении Теодора Банвиля «Добрый день, месье Курбе!», где поэт делится своими впечатлениями от «природы», которая показалась ему крайне уродливой, но, как затем выяснилось, лишь потому, что ее недавно изобразил месье Курбе. Испытав потрясение от того, что кто-то так «извратил» еще «вчера столь могущественную и прекрасную» Кибелу, поэт восклицает:

Ô nuit qui rafraîchis les ondes,	[О ночь, освежающая волны,
Aurores, clairs rayons, astres purs dont le cours	Зори, ясные лучи, чистые светила, чей путь
Vivifiait son cœur et ses lèvres fécondes,	Оживляя ее сердце и ее налитые соком уста,
Étoiles et soleils, venez à mon secours !	(И вы,) звезды и солнца, помогите мне!].

[Banville, 1873, с. 163]

Несколько усложняя и затемняя метафорический смысл глагола *vivifier* через переход от разговора о реалистической живописи к разговору о чистой форме, Малларме делает неопределенным адресат своего обращения. Если парнасец Банвиль предлагает вполне традиционное олицетворение природных стихий, то у автора «Дара ...» семантическое наполнение образа колыбели (*la berceuse*), к которой обращен призыв стихотворца, остается неясным. *Колыбель* (далее — метонимия *en blancheur sibylline*), намекающая

¹ Данное письмо упоминается в статье П. Хамбли. Укажем на соответствующий фрагмент из него: «Je n'ai pas choisi mes plus longs poèmes, toujours pour cette raison que je les rêve meilleurs. Ceux que vous recevrez sont bien peu de chose – de simples soupirs... L'un, une rêverie automnale; l'autre, ce désir inexplicable qui nous prend parfois de quitter ceux qui nous sont chers, et de partir! le troisième, la tristesse du Poète devant l'enfant de sa Nuit, le poème de sa veillée illuminée, quand l'aube, méchante, le montre funèbre et sans vie: il le porte à la femme, qui le vivifiera! (курсив наш. — Р. С., М. Г.)» [Mallarmé, 2019, с. 153]. («Я никогда не выбирал самые длинные свои стихотворения, потому что желал бы, чтобы они были лучше. Те, что вы получите, очень короткие — всего лишь вздохи... Одно — осенняя мечтательность; другое — то необъяснимое желание (которое иногда охватывает нас) оставить тех, кого мы любим, и уйти! Третье — скорбь Поэта при виде порождения его Ночи: стихотворение о его освещенном бдении, когда жестокий рассвет открывает его как погребальное и безжизненное: он несет его женщине, которая оживит его!»)

на Кормилицу из «Иродиады», и слово *femme*, возможно, обозначающее жену поэта, как бы сливаясь в едином адресате обращения лирического героя, создают семантическую неопределенность, выступая в качестве пустого означаемого, в которое читатель может вкладывать различные смыслы. Полагаем, что такое «подвешивание» образов можно рассматривать, с одной стороны, как указание на метапоэтический характер произведения, а с другой — как один из способов *феноменализации поэтической реальности*, лишения ее надежной точки опоры в конкретном референте. Референциальная неопределенность образов компенсируется, однако, их интертекстуальной глубиной. Смысл большинства строк в значительной степени проясняется их связью с другими поэтическими высказываниями. Более того, порой эта связь может вступать в противоречие с синтаксической структурой текста, искажая его восприятие читателем и деформируя структуру образов, конституирующуюся при «правильном» чтении.

Интересно, что в своем переводе этого стихотворения Анненский последовал этой, «неправильной» его трактовке, на что и обращает внимание Р. Дубровкин: «...даже у такого великолепного филолога, как Анненский, своевольная интерпретация произведения объяснялась в данном случае обыкновенным непониманием. Дело в том, что первая строка стихотворения Малларме связана непосредственно с заглавием, а не с изображением комнаты. В черновой рукописи эта строка стояла для ясности особняком, отделенная от остального текста пробелом. „Дар“ — это „безродное“ дитя, но никак не проникающая в комнату заря. Патетическое восклицание переводчика, взывающего пожалеть эту девочку с красным от крови крылом и змеящимися волосами совершенно лишено оснований. Творение поэта, вне сомнения, безобразно и потому не может не вызвать неприязненной, натянутой улыбки отца, но это едва ли соответствует „печальному взору“ русского поэта, напротив, вражды не отразившему» [Дубровкин, 2000, с. 102].

Полагаем, что дело обстоит не так просто, как представляется известному переводчику и исследователю¹: сам текст французского символиста склоняет к тем смыслам, которые мы находим в переводе Анненского, и опять-таки это связано с интертекстуальным бэкграундом стихотворения. Как замечает П. Хамбли: «при первом прочтении второй строки ... возникает произвольная связь между эпитетами и образом „кровоточащего крыла“ и „ребенком“, упомянутым в первой строке» [Hambly, 1990, с. 94]. Думается, Малларме намеренно вызывает такой суггестивный эффект с помощью специально выстроенной синтаксической структуры, воскрешающей в памяти образы поэзии В. Гюго: в частности, образ «*блуждающей книги со сломанным крылом*» — здесь представление предмета (книги) соединяется с представлением времени суток (рассвета: метафора сломанного крыла, *l'aile brisée*) — из стихотворения «Отправка осенних листьев» (*Envoi des feuilles d'automne*), изначально бывшего посвящением сборника «Осенние листья» (*Les feuilles d'automne*) (1831) Мадам Мари Менессье-Нодье, а затем вошедшего в сборник «Песни сумерек» (*Les Chants du crépuscule*) (1835). В нем говорится о потрепанной ветром, пораженной социальными бурями книге, служащей символом идеи, подвергающейся преследованию, но продолжающей свой путь к читателю, какой бы ослабевшей и израненной она ни была.

¹ О проблемах перевода классика французского символизма на русский язык см. [Кочетков, 2023].

Ce livre errant qui va l'aile brisée
Et que le vent jette à votre croisée
Le froid, la pluie, et mille éclairs obliques
L'ont assailli, le pauvre nouveau-né.
En attendant que le vent le remporte,
Ouvrez, Marie, ouvrez-lui votre porte.
Raccommodez ses vers estropiés !
Qu'à vos côtés, à votre ombre, il se couche,
Oiseau plumé, [...] frileux et farouche.

[Hugo, 1964, с. 868]

[Та блуждающая книга,
с порванным крылом, которую
ветер бросает в твоё окно.
Холод, дождь и тысяча косых
выпешек молнии напали на нее,
бедную новорожденную. Пока
ветер не унес ее прочь, открой,
Мария, открой ей дверь. Под-
правь ее поврежденные стихи!
Пусть она ляжет рядом с тобой,
в твоей тени, Ощипанная птица,
[...] дрожащая и дикая].

Как мы видим, отсылка к этому стихотворению Гюго существенно влияет на наше «непосредственное» восприятие «Дара...»: в силу сходства образного строя двух этих произведений: к собственным смыслам текста прибавляются чужие. Таким образом, интертекстуальная глубина интересующего нас символистского шедевра вступает в противоречие с его буквальным прочтением, осложняя его двусмысленностью и неопределенностью: текст оказывается многослойным палимпсестом, а сам Малларме становится одним из множества авторов, использующим при создании своего произведения чужое слово. Следующая часть стихотворения выстроена похожим образом, однако отсылает нас уже не к Банвилю и Гюго, а к Теофилю Готье.

П. Хамбли обнаруживает в стихотворении следы образности как поэтических, так и прозаических произведений Т. Готье. Более того, у Малларме в ход идут даже выражения, взятые из критических работ мэтра французской поэзии. Финал «Дара...» напоминает предпоследний катрен «Сфинкса», где описывается встреча «младенцев», выведенных на прогулку в Королевский Сад, с выставленной там каменной статуей Сфинкса. Привлеченные выпяченной вперед грудью этой «химеры», они тянут к ней свои ручонки и кричат в надежде прижаться к ней своими «круглыми ртами», но прикосновение к каменной статуе заставляет их с удивлением отпрянуть — итожащее стихотворение резюме закономерно:

C'est ainsi qu'il en est de toutes nos
chimeres : La face en est charmante et le
revers bien laid. Nous leur prenons le sein;
mais ces mauvaises mères
N'ont pas pour notre lèvre une goutte de lait.

[Gautier, 1970b, с. 123]

[Так же обстоит дело со всеми нашими
химерами: у них очаровательное лицо
и столь же безобразное нутро. Мы берем
их грудь; но у этих порочных матерей нет
ни капли молока для наших губ].

К Готье отсылает и выражение «воздух девственной лазури» из последней строки. В одной из глав «Нового искусства» (*L'Art Moderne*) встречаются такие обороты, как *"le bleu vierge de l'éther"* (голубая дева эфира) и *"l'azur tout frémissant encore du ciseau de Phidias"*

(лазурь, еще дрожащая от резца Фидия). У самого Малларме, как напоминает нам Хамбли, лазурь «вздрогнула» (*a fremiti*). Исследователь приводит массу других отсылок к Готье в «Даре поэмы», так что буквально каждый образ стихотворения оказывается своеобразной деконструкцией. Приведем еще одну такую отсылку, позволяющую пролить свет, пожалуй, на самое темное и непонятное место в тексте: восклицание *Palmes!*, в начале шестой строки, можно перевести на русский и как «*пальмы!*», и как «*ладони!*». В предисловии к своему роману «Мадемуазель де Мопен» Готье «не без иронии требует, чтобы любой поэт, исполняющий пророческую роль, удостоился восторженных возгласов толпы: „Пальмы ему, короны ему“!» [Hambly, 1990, с. 98]. Один из его сонетов заканчивается словами:

Seule, la poésie incarnée en Hugo
Ne nous a pas déçus et des palmes divines
Vers l'avenir tournées ombragent nos ruines.

[Только поэзия, воплощенная в произведениях Гюго, не разочаровала нас, и божественные пальмы, обращенные к будущему, укрывают наши руины тенью].

[Gautier, 1970a, с. 113]

Однако Малларме и здесь меняет смысл образа, вкладывая в него изрядную долю самоиронии. «Произнося односложное „palmes!“», поэт насмехается над собой: плоды его труда не так прекрасны, как он надеялся» [Hambly, 1990, с. 99]. Мы видим, что интертекстуальные отсылки, безусловно, могут прояснить генезис того или иного образа, однако они вовсе не свидетельствуют о близкой к источнику однозначности их толкования самим Малларме. Более того, эта «интерпретация» в большинстве случаев представляет собой не что иное, как деконструкцию первоначального образа и проявление скрытой полемики с лежащим в его основе «дискурсом». Поэтому нас не вполне убеждает утверждение Хамбли о том, что «отношения между „ангельским светильником“ и „колыбельной“ являются взаимодополняющими. Если ночь благоприятствует поэтическому творчеству (а термин „творение“ может быть синонимом родов), то рассвет знаменует собой период осмотра новорожденного и оценки необходимого ему ухода» [Hambly, 1990, с. 100]. Нам видится, что ученый формулирует свою точку зрения, опираясь лишь на догадки о диалектической связи, якобы имеющейся между «ангельской лампой» и «колыбельной», и на трактовку метафоры Млечного пути (у Банвиля и Готье) как «разлитого божественного молока» и «сотне миллионов белых капель» [Hambly, 1990, с. 100]. Если Банвиль и Готье видели такое отношение между небом и землей гармоничным и взаимодополняющим, это отнюдь не означает того же самого для Малларме.

Результаты и обсуждение

Психоаналитическая разработка «Дара...» также склоняет нас к тому, что между поэтом и его женой в этом стихотворении установлены отношения не гармонии и взаимопомощи, а соперничества. Из содержания стихотворения можно сделать довольно странный вывод, что, с одной стороны, поэт как бы не участвовал в рождении своей дочери (на это намекает оборот *l'innocence de vos pieds froids*, невинность ваших холод-

ных ног), а с другой стороны, что, рождая свою поэму, он будто конкурирует со своей женой в процессе «деторождения». Он проигрывает в этом соревновании, поскольку его «ночное дитя» оказывается нежизнеспособным без помощи женщины, могущей напоить его «белизной Сибиллы».

Однако способность женщины оживить его «ребенка» также оказывается под вопросом, поскольку дитя томится по небесной «лазури», а не по материальной пище. Возможно, «кормилица» здесь служит символом толкователя поэмы, но она говорит на слишком земном языке и не сможет передать тонких нюансов поэтической речи. Последняя останется такой же темной и неразгаданной, какой она была при своем рождении. Именно на эту невозможность «приземлить» поэтическое творение путем его истолкования, возможно, и намекает в своем переводе «Дара...» Анненский:

Нет! Если б даже грудь над ней ты надала
Движеньем ласковым поблекшего перста,
Не освежить тебе, о белая Сивилла,
Лазурью девственной сожженные уста.

[Анненский, 1990, с. 271]

«Третий мучительный сонет», развивая метапоэтическую тему генезиса поэтического творения, в то же время заключает в себе полемику с «Даром поэмы». У французского символиста, вследствие преобладания в тексте стихотворения метаязыковой функции, ослаблена и вытеснена референтивная функция: затемненным или даже отмененным оказывается референциал одного из ключевых его образов, обозначенный несколькими лексемами: *la berceuse*, *la femme* и *en blancheur sibylline*. Этот образ раскрывается в метатекстуальной перспективе, поскольку отсылает к Кормилице из «Иродиады», открывающей поэму своим заклинанием, а затем ведущей беседу с главной героиней, но остается пустым в плане референции (если не принимать во внимание лишенную концептуальной коннотации «биографическую» отсылку к семье автора): мы не можем понять, какой аспект «жизни поэмы» здесь зафиксирован, не прибегая к всевозможным вольным трактовкам (например, к предположению, что весь этот комплекс лексем указывает на фигуру читателя, который должен «оживить» произведение, вложив в него свои смыслы и переживания¹).

В тексте же Анненского, напротив, референтивная функция усилена, так как предмет изображения здесь вполне ясен: это сам пережитый лирическим героем опыт создания поэтических произведений. Ценность стихов и определяется для него этим опытом, поскольку последний имеет экзистенциальное значение: без этого опыта его жизнь лишилась бы смысла.

Но всё мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,

¹ Подобным образом фигура *la berceuse* интерпретируется в работе А. В. Акимовой [Акимова, 2001].

Без плана, вспышками идущее сцепление:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увь! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя...

[Анненский, 1990, с. 80]

Как ни странно, но именно этот опыт остается вне поля восприятия французского поэта. Малларме говорит о поэме лишь как о *результате* определенного процесса, сам процесс его не интересует, а единственной целью поэтического творчества является создание «прекрасной вещи», поэмы, в ее совершенной, можно сказать, «*божественной*», а значит, «сверхчеловеческой» форме, служащей воплощением трансцендентного Идеала. Вот почему автор «Дара...», как нам кажется, абсолютизирует то, что Р. Якобсон называет «поэтической функцией языка», понимая под ней «направленность (Einstellung) на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Якобсон, 1975, с. 202]. Однако такая абсолютизация лишает произведение связи с жизнью и даже устанавливает между ними отношение оппозиции: биографический план видится уже как бы «изнутри» текста, из его ничто, а потому выносится за скобки и сохраняет лишь призрачное существование. Происходит отчуждение между поэтом и его семьей: дочь становится «*твоей* дочерью» (а не *нашей*), жена, претерпевая процесс поэтической феноменализации, превращается в туманный мифологический намек на реального человека или в смутный фантом. Метафора «невинность ваших холодных ног» [см. Steinmetz, 1975] (в противоположность «жаркой Идумей» и «обоженного ароматами и золотом стекла») будто бы дает поэту возможность прочертить границу между ним самим и его близкими, которая становится демаркационной линией между его *ничто* и их *бытием*.

Таким образом, произведение вместе с его автором оказывается по ту сторону жизни и являет не собственно ее, а свой чистый «*эйдос*» — а значит, и «пустоту». Именно «увидать пустыми тайны слов» больше всего и боится лирический герой Анненского. В «Третьем мучительном сонете» он явно не принимает такую концепцию поэтического творения: сущность произведения для него в его генезисе, в тех муках творчества, с которыми связано его рождение на свет и след от которых текст продолжает нести в себе. Возможно, именно этот след и сообщает стихам их духовную полноту. Духовное у Анненского прочно укоренено в душевном: если герой Малларме отчуждается от своего творения, как только оно является на свет, герой Анненского, наоборот, чувствует прочную связь с ним.

Сделаем ряд предварительных выводов: для Малларме абсолютной самоценностью обладает форма, для Анненского — переживание, опыт. У Малларме в центре находится

Объект, Вещь, у Анненского — Субъект, Сердце. Для Малларме «тайна слов» заключена в самой их совершенной форме, для Анненского — в их отсылающем к субъекту творчества содержании. Механизмы феноменализации у этих авторов также различны: у французского поэта феноменализация — это, по существу, деконструкция текста, основанная на самораскрытии его темной интертекстуальной глубины, порою превращающей сам текст и его создателя в ничто, в чистую реминисценцию. Автор таким образом почти умирает в тексте¹; у русского мастера феноменализация — это передача той мгновенной импрессии, которая лежит в основе события текста и, следовательно, связывает текст с породившей его живой реальностью. То, что Малларме исключает из процесса рождения женскую фигуру, конечно, не случайно: женщина символизирует витальное начало, но именно оно-то, вместе с живым переживанием творческого акта, и вычеркнуто из поэтического мира Малларме. Что же касается Анненского, то у него этот образ утрачивает свою самостоятельность и становится сущностной атрибуцией лирического героя (поэта), поскольку последний не теряет интимной связи со своим творением после его появления на свет:

Но я люблю стихи — и чувства нет святей:

Так любит только мать, и лишь больных детей.

[Анненский, 1990, с. 81]

Женская фигура в тексте Малларме, референт которой тщательно затуманен, может означать и музу поэта. Поскольку женщина здесь не участвует в рождении поэмы, а лишь «принимает» уже готовое произведение, можно сказать, что поэт творит здесь без участия музы, т. е. полагаясь лишь на свой разум, а не на вдохновение. Возможно, именно поэтому у него отсутствует привязанность к своему детищу.

В сущности, мы видим, что автор «Дара...» феноменализует любой материал своих произведений, чем бы он ни был сам по себе. В рассмотренном тексте он будто играет поэтическими образами, созданными его предшественниками: Банвилем, Гюго, Готье и др. Образы, оторванные от своего поэтического контекста (традиции, первоисточника, общего языка) и фигурирующие в качестве аллюзий и реминисценций, как бы феноменализуются, наполняются таинственным и непроясненным смыслом. Образные ряды Малларме всё дальше отдаляются от поэтической матрицы «парнасцев» и «проклятых», обретают статус туманных сущностей, требуют расшифровки и экспликации, но в то же время становятся удобными для переистолкования и деконструкции.

Воспользовавшись терминологией современных феноменологов, сделаем следующее предположение: французский поэт переводит поэтические образы своих предшественников из состояния *Sinnstiftung* (институализации смысла) в состояние *Sinnbildung* (фор-

¹ В этой связи стоит вспомнить характерную мысль Ж.-П. Сартра: «В стихах нужно произвести само это движение самоубийства. Раз человеку не дано творить, но ему оставлена разрушительная сила, раз утвердить себя он может лишь через самоуничтожение, стихотворение должно стать трудом разрушения. Взятая с точки зрения смерти, поэзия, по прекрасному выражению Бланшо, будет „языком, вся сила которого в том, что его не существует, и вся слава — в том, что отсутствием своим он являет отсутствие всего мира“» [Сартр, 1998, с. 358].

мирования смысла). Такой «перевод», как нам представляется, и означает их *феноменализацию*. Столь же смутными и неопределенными предстают в «Даре...» и реальные лица: жена и дочь Малларме. Вводя эти образы в текст в качестве адресата, французский символист перемещает их из реального в поэтический план, осуществляет *феноменализацию* средствами языка: дочь лишь упоминается, а жена, редуцируясь через синекдоху и использование архетипической мифологемы до потока «сибиλλιной белизны», обретает призрачное бытие.

У Анненского стихи тоже не обладают «идеальной природой», но не в силу слабости художественного таланта лирического героя, не способного к созданию «совершенства», а вследствие особенностей самого генезиса поэтического образа. Процесс рождения стихотворных строк темен и иррационален: дети ночи и «праздного томления», а не рациональной калькуляции, они являются на свет «без плана, вспышками», вызывая «мучение» и «восторг» их творца. Как нам представляется, их сущностным истоком служит смутная, полуосознанная импрессия, развертывание которой в поэтическом творении означает раскрытие самой тайны бытия, недоступной «рассчитывающему» дискурсу. Вот почему лирический герой, подобно «матери», нежно привязанной к своим «больным детям», любит (еще больше!) стихи за их якобы «несовершенство»: именно «изъяны», связанные с непосредственным переживанием творческого акта, позволяют поэту глубоко постичь «изнанку бытия», вывести на свет лежащую вне плоскости мещанской рациональности глубинную экзистенциальную правду о мире. Эта правда открывается лишь при погружении в такие слои опыта, которые открываются в непосредственном переживании, например, тяжелой болезни, следы которой и запечатлеваются в поэтическом мире Анненского [см. Кривулин, 1996].

Заключение

Таким образом, трактовка генезиса поэтического творения у Анненского и Малларме в рассмотренных нами произведениях зависит от понимания того, что собственно придает *ценность* этому генезису у двух проанализированных нами авторов. Для французского поэта единственным критерием этой *ценности* может служить только конечный результат данного процесса: формальное совершенство поэтической «вещи», процесс появления на свет которой тем самым лишается самостоятельного значения. Отсюда почти полное выпадение из лирического сюжета «Дара...» как опыта рождения поэмы, так и ее творца, который не должен оставлять никаких следов своего присутствия в своем «детище», поскольку само произведение (как выражение чистого Идеала) не может быть связано с грубой земной действительностью. Поэт «умирает» в своем творении, превращаясь из реального человека в абстрактного анонима, в структурный элемент самого текста.

Абсолютно противоположную картину мы наблюдаем у Анненского, для которого *ценность* поэтического текста определяется опытом его создания — лежащим в его основе живым впечатлением, поэтическая экспликация которого и раскрывает *истину бытия*. Эта истина связана с *феноменализацией* поэтического образа как *импрессии*, предполагающей погружение в его *живое смысловое поле*, которое в свою очередь конституируется посред-

ством процесса поэтического творения. Опыт создания текста — это опыт проникновения в темную глубину экзистенции, в которой текст лишь средство для извлечения смысла из некоего «мучительного» переживания, миметическое освоение необъективируемых человеческих бездн. Поэтому целью поэтического творчества для Анненского является не «умереть» в своём произведении, как для Малларме, а запечатлеть в поэтической форме тот опыт, который, собственно, и поддерживает *человеческое* в человеке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Акимова А. В. 2001. Проблема автора и «Великого Творения» в творчестве Стефана Малларме: дис. ... канд. филол. наук. СПб. 222 с.
- Алёхина Н. М. 2014. Французский символизм в художественной и критической рецепции И. Ф. Анненского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 22 с.
- Анненский И. Ф. 1990. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. Писатель. 640 с.
- Ахматова А. А. 2020. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука. 624 с.
- Бланшо М. 2002. Пространство литературы. М.: ЛОГОС. 288 с.
- Дубровкин Р. М. 2000. Стефан Малларме и Иннокентий Анненский: перевод и Библия // Всемировое слово. № 13. С. 101–106.
- Кочетков П. В. 2023. Поэзия С. Малларме на русском языке и проблемы перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3. С. 39–51. <https://vestnik-translation.ru/articles/article/14503/> (дата обращения: 16.07.2026).
- Кривулин В. Б. 1996. Болезнь как фактор поэтики Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века: сборник научных трудов. СПб.: АО АРСИС. С. 105–109.
- Ли П. В. 2024. Сонет «Дар поэмы» С. Малларме в русских переводах // Дальневосточный филологический журнал. Т. 2. № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-3/9-21>.
- Малларме С. 1995. Сочинения в стихах и прозе: сборник. М.: Радуга. 568 с.
- Сартр Ж.-П. 1998. Ситуации. М.: Ладомир. 431 с.
- Якобсон Р. О. 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». Сборник статей. М.: Прогресс. С. 193–230.
- Abastado Cl. 1970. Expérience et théorie de la création poétique chez Mallarmé // Archives des Lettres Modernes. № 119. Paris: Minard. 64 p.
- Banville Th. de. 1873. Oeuvres de Théodore de Banville: odes funambulesques; suivies d'un commentaire. Paris: Librairie Alphonse le Merre. 398 p.
- Gautier Th. 1970a. Poésies complètes. Vol. 1. Paris: Nizet. 324 p.
- Gautier Th. 1970b. Poésies complètes. Vol. 2. Paris: Nizet. 190 p.
- Hambly P. S. 1990. Lecture intertextuelle de Don du poème // Littératures 22, printemps. Pp. 93–103.
- Hugo V. 1964. Oeuvres poétiques. Bibliothèque de la Pléiade. Tome 1. 1642 p.
- Mallarmé, Stéphane. Correspondance (1854–1898). Éd. Bertrand Marchal, dir. Jean-Yves TADIÉ. Paris: Gallimard, 2019. 1968 p.
- Steinmetz J.-L. 1975. Mallarmé en corps // Littérature. № 17 (Février 1975). Les jeux de la métaphore. Published by: Armand Colin. Pp. 105–128.

References

- Akimova, A. V. (2001). *The Problem of the Author and the "Great Work" in the oeuvre of Stéphane Mallarmé* [Cand. Sci. dissertation]. St. Petersburg. [In Russian]
- Alyokhina, N. M. (2014). *French Symbolism in the Artistic and Critical Reception of I. F. Annensky* [Cand. Sci. dissertation abstract]. Tomsk.
- Annensky, I. F. (1990). *Poems and Tragedies*. Sovetsky Pisatel.
- Akhmatova, A. A. (2020). *Small Collection of Works*. Azbuka.
- Blanchot, M. (2002). *The Space of Literature*. ΛΟΓΟΣ.
- Dubrovkin, R. M. (2000). Stéphane Mallarmé and Innokenty Annensky: Translation and the Bible. *Vsemirnoe Slovo = All-World Word*, (13), 101–106.
- Kochetkov, P. V. (2023). The poetry of S. Mallarmé in Russian and translation problems. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, (3), 39–51. Retrieved July 16, 2026, from <https://vestnik-translation.ru/articles/article/14503/>
- Krivulin, V. B. (1996). Illness as a factor in Annensky's poetics. In G. T. Savelyeva (Ed.), *Innokenty Annensky and Russian Culture of the 20th Century: Collection of Scientific Papers* (pp. 105–109). ARSIS.
- Li, P. V. (2024). The sonnet "Don du poème" by S. Mallarmé in Russian translations. *Far Eastern Philological Journal*, 2(3), 9–21. <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-3/9-21>
- Mallarmé, S. (1995). *Works in Verse and Prose: Collection*. Raduga.
- Sartre, J.-P. (1998). *Situations*. Ladomir.
- Jakobson, R. O. (1975). Linguistics and poetics. In *Structuralism "For" and "Against": Collection of Articles* (pp. 193–230). Progress.
- Abastado, Cl. (1970). Expérience et théorie de la création poétique chez Mallarmé. *Archives des Lettres Modernes*, (119). Minard.
- Banville, Th. de. (1873). *Oeuvres de Théodore de Banville: Odes funambulesques; suivies d'un commentaire*. Librairie Alphonse le Merre.
- Gautier, Th. (1970a). *Poésies complètes* (Vol. 1). Nizet.
- Gautier, Th. (1970b). *Poésies complètes* (Vol. 2). Nizet.
- Hambly, P. S. (1990). Lecture intertextuelle de Don du poème. *Littératures*, (22), 93–103.
- Hugo, V. (1964). *Oeuvres poétiques* (Tome 1). Bibliothèque de la Pléiade.
- Mallarmé, S. (2019). *Correspondance* (1854–1898) (B. Marchal, Éd.; J.-Y. Tadié, Dir.). Gallimard.
- Steinmetz, J.-L. (1975). Mallarmé en corps. *Littérature*, (17), *Les jeux de la métaphore*, 105–128.

Информация об авторах

Роман Евстратьевич Соколов, кандидат философских наук, независимый исследователь, Чебоксары, Россия
raymondq@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5958-3804>

Максим Владимирович Ганин, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, Чебоксары, Россия
isaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9050-6715>

Information about the authors

Roman E. Sokolov, Cand. Sci. (Philos.), Independent Researcher, Cheboksary, Russia
raymondq@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5958-3804>

Maxim V. Ganin, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of National and General History, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia
isaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9050-6715>

«Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова «Школа для дураков»

Галина Ивановна Данилина, Ксения Александровна Гринякина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000222851@study.utmn.ru

Аннотация. В текст романа Саши Соколова «Школа для дураков» (1976) включено более ста случаев нарушения «школьных» правил русского языка; исследовать эту особенность романного дискурса в аспекте нарратива школы — цель нашей работы, определяющая ее новизну. Методологические основы исследования: концепция психопатологий как инвестиции социума в философии постмодерна (М. Фуко, Ж. Делез); код как текстопорождающий принцип (Р. Барт). Логика исследования определяется структурой нарратива школы в романе. Случаи нарушения правил систематизированы в соответствии с правилами оценки школьных письменных работ; сделана их типологическая и лингвостилистическая классификация. Исследование показало, что «ошибки» маркируют становление героя-рассказчика как творческой личности; «код ошибки» фиксирует этапы этого процесса. В итоге репрезентирована концепция творческой личности в романе, основанная на самовоспитании героя: создание своей языковой картины мира в противодействии нетворческой социальной среде.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Школа для дураков», психопатологические нарушения речи, коннотативная семиология, нарратив школы, «роман о художнике»

Цитирование: Данилина Г. И., Гринякина К. А. 2026. «Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 72–90. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-72-90>

Поступила 28.10.2025; одобрена 10.04.2026; принята 12.07.2026

“Don’t correct me, I’m not wrong”: The error code in Sasha Sokolov’s “A School for Fools”

Galina I. Danilina, Kseniya A. Grinyakina✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000222851@study.utmn.ru✉

Abstract. The text of Sasha Sokolov’s novel *A School for Fools* (1976) incorporates over one hundred instances of violations of “school” rules of the Russian language. The aim of this study, which constitutes its novelty, is to investigate this feature of the novel’s discourse through the lens of the school narrative. The methodological foundation of the research is based on the concept of psychopathologies as society’s investment in postmodern philosophy (M. Foucault, G. Deleuze); and code as a text-generating principle (R. Barthes). The logic of the analysis is determined by the structure of the school narrative in the novel. Cases of rule violations are systematized according to the rules for evaluating school written assignments; their typological and linguistic-stylistic classification is provided. The study demonstrates that these “errors” mark the development of the narrator-hero as a creative personality; the “error code” captures the stages of this process. As a result, the novel’s concept of a creative personality, based on the hero’s self-cultivation, is presented: the creation of one’s own linguistic worldview in opposition to a non-creative social environment.

Keywords: Sasha Sokolov, “A School for Fools”, psychopathological speech disorders, connotative semiology, school narrative, Künstlerroman (novel about an artist)

Citation: Danilina, G. I., & Grinyakina, K. A. (2026). “Don’t correct me, I’m not wrong”: The error code in Sasha Sokolov’s “A School for Fools”. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 72–90. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-72-90>

Received Oct. 28, 2025; Reviewed Apr. 10, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Первый роман Саши Соколова «Школа для дураков» (1976) давно и многосторонне исследуется, однако его эстетическая многогранность и смысловая амбивалентность продолжают провоцировать научный интерес. К настоящему времени сложилось два основных подхода к его изучению — интертекстуальный и «психопатологический»; показательно, что в обоих случаях на первый план выходит лингвистическая составляющая дискурса, только с разными коннотациями — или сюжетно-стилистической,

или психоаналитической. Наша работа также ориентирована на исследование языка романа, а именно в одном конкретном аспекте — это «школьный» компонент дискурса, оставленный пока без должного внимания; анализ будем проводить с учетом опыта и первого, и второго подходов.

При этом, если отвлечься от «школьной» составляющей, можно с уверенностью утверждать, что язык и стиль романа «Школа для дураков» рассмотрен глубоко и подробно; выявлены его «транстекстуальность» (термин Э. Вари [Вари, 2002]), мифологичность [Липовецкий, 2008], «переосмысление предшествующей традиции, в итоге сформировавшее своеобразие творческой манеры автора» [Егоров, 2011]. Подчеркнем, что отмечена и особая, смыслопорождающая функция вербальных конструкций: «... слово Соколова выпукло, пестро и многосоставно, оно постоянно отслаивается все новыми значениями» [Зорин, 1989].

Закономерно, что столь высокий потенциал словотворчества в романе побуждает увидеть в нем «роман о художнике», а в герое — творческую личность: «... это прежде всего человек с обостренным, свежим и странным восприятием мира, способный выразить его удивительным и неповторимым образом: поэт, художник, пророк» [Сапрыкин, 2018].

Более отчетливо и выразительно сформулировал эту мысль Андрей Битов: герой романа — «писатель», «молодой прозаик»; «Школа для дураков» — учебник своего рода. Я бы ее [„Школу...“] ввел как обязательную для тех, кто учится «на писателя» [Битов, 1989] — это эталон, «первая книга прозаика» [Битов, 1989].

Суждение Андрея Битова, современника и во многом единомышленника Саши Соколова, веско и репрезентативно. Тем не менее вопросы остаются: ведь герой-рассказчик — не зрелый литератор, создавший эталонный учебник по литературному мастерству (ср. у Битова: «первая книга», «первый опыт»), а всего лишь школьник, безымянный «ученик такой-то», и это его единственная номинативная характеристика в романе. Соответственно, статус ученика принципиально важен в структуре дискурса: им задается особое, процессуальное измерение, намечающее возможность проследить сам процесс обучения, которое проходит герой, и увидеть, как формируется его личность и рождаются яркий творческий слог и стиль его повествования.

Таким образом, школьный код в романе Саши Соколова должен быть **актуализирован**; определимся с конкретным объектом и методологическими ориентирами исследования.

Нарратив школы маркируется в тексте словами-сигналами: *школа, учитель, ученик, урок, правило, исключение из правил, ошибка*. Последнее из них можно назвать главным, поскольку оно содержательно и функционально объединяет все маркеры: учитель на уроке учит писать «по правилам», ученик ошибается, что научает его различать правила и ошибки и тем самым определять свое отношение к ним. Значимо и то, что «ошибка» фиксируется на письме и потому четко вычленяется в объект анализа с заявленной точки зрения (тогда как *школа, ученик, учитель* в силу множества сюжетных коннотаций могут толковаться сколь угодно широко). Отсюда **цель** нашей работы — рассмотреть код ошибки в романе «Школа для дураков», чтобы уточнить смысл и значение «школьного» нарратива в дискурсе Саши Соколова.

В понимании термина «ошибка» мы ориентируемся на значение, зафиксированное в современном толковом словаре русского языка (под ред. Т. Ф. Ефремовой): «**Ошиб-ка** — действие по глаголу *ошибаться* (неправильно думать о чем-л., ком-л.; неправильность в действиях, поступках, суждениях, мыслях» [Ефремова, 2006]. Данное определение мы избираем потому, что в нем учитываются поступки и мысли, в отличие от других словарных определений, трактующих ошибку исключительно как письменную или речевую (см.: Малый академический словарь, Толковый словарь С. А. Кузнецова и др.) Тем самым формулировка Ефремовой задает точку зрения, методологически адекватную сложной специфике художественного дискурса Саши Соколова. Мы будем изучать ошибки в речи героя-рассказчика в свете авторской интенции на уровне «школьного» нарратива как компонента романного дискурса.

Материал исследования: на 163 страницах первого издания романа «Школа для дураков» нами было выявлено 103 ошибки разного типа (грамматические, лексические, стилистические и словообразовательные) — даже на первый взгляд слишком много для того, чтобы читатель мог их «не заметить» и ими пренебречь. Подчеркнем, это не случайные недочеты, появившиеся из-за корректорской или редакторской невнимательности, поскольку сохраняются и воспроизводятся во всех изданиях романа, начиная с авторизованного; кроме того, часть ошибок выделена в тексте графически, что акцентирует намеренность «ошибочного» написания. Первая (и знаменательная) ошибка появляется уже в эпиграфе:

«Гнать, держать, **бежать**, обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть, и терпеть. *Группа глаголов русского языка, составляющих известное исключение из правил; ритмически организованное для удобства запоминания*» [Соколов, 1976]ⁱ.

Здесь две формальные ошибки: во-первых, отсутствует глагол *смотреть*. Вероятно, он «лишний», так как в ряду уже есть *видеть* (со значением не просто «смотрения», но и восприятия, осознания чего-либо). Во-вторых, в ряд введен глагол *бежать* с коннотацией «побега», отказа от правил и норм. Ранее вынесенные в эпиграф ошибки схожим образом уже рассматривались как «желанные не только для героя, но и для автора» И. В. Азеевой [Азеева, 2015, с. 48], которая также отмечала за ними тесную связь с идейной составляющей романа. Мы, в свою очередь, считаем, что обращенный к читателю эпиграф подсказывает в первую очередь, что в авторском замысле не только у этих двух, но у *каждой* отмеченной в тексте «ошибки» своя роль, нуждающаяся в понимании, оттого речь о них заходит уже в эпиграфе.

Дискурс безумия

Между тем в процессе изучения романа Саши Соколова давно есть подход, которым, казалось бы, вопрос об «ошибках» априори снимается как неактуальный, поскольку уже в самом подходе потенциально дано решение этого вопроса. Роман посвящен «слабоумному мальчику Вите Пляскину» [Соколов, 1976, с. 3], повествование ведет

ⁱ Здесь и далее цитируется издание: Соколов Саша. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис, 1976. 174 с.

ученик спецшколы «для дураков» — следовательно, в его речи есть особенности, характеризующие «шизофренический дискурс» романа (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари, введен в 1972 г.).

Подход был намечен М. Бергом в статье «Новый жанр», где он писал об ученике таком-то как о «слабоумном мальчике, лишенном разума... по безусловному закону жанра» [Берг, 1985] (шрифтовые выделения здесь и далее наши. — К. Г.); А. Зорин позже, рассуждая о языке романа, отметил «душевное расстройство рассказчика», как то, что определило «повествовательную технику писателя» [Зорин, 1989]; В. Руднев указал на «психоз героя», связанный с его столкновением с «миром природы, миром вещей» [Руднев, 2005]; И. Азеева, развивая мысль М. Липовецкого, обратившего внимание на наличие у ученика мифологического сознания [Липовецкий, 1997, с. 184], относила к его проявлениям и заметные ошибки в его речи, при этом отмечая за ними главным образом структурообразующую функцию, оставаясь также в рамках психопатологического подхода к особенностям речи ученика такого-то [Азеева, 2015, с. 83–84]. До сих пор данный подход остается основным в изучении особенностей романа.

Отметим, однако, что подход скорее заявлен, чем разработан; слова о психопатологиях главного героя переходят из статьи в статью (Берг, 1985; Вайль, Генис, 1993; Сапрыкин, 2018 и др.), но никто из авторов, как ни удивительно, не выявил и не систематизировал соответствующие лингвистические реалии; их типологическая классификация в сопоставлении с речевыми особенностями отдельных психопатологий также пока не проведена. Приходится констатировать, что на данный момент релевантная оценка «безумия» в романном дискурсе отсутствует. Причина, очевидно, в том, что если сюжет посвящен школе «для дураков», то это по умолчанию предполагает речевые отклонения как принцип нарратива, и потому в специальном рассмотрении вопроса нет необходимости: каждое «отклонение» от языковой нормы будет лишь подтверждать слабоумие главного героя, в чем и состоят его роль и назначение в тексте.

Насколько это так (или не так), может показать только обстоятельное компаративное исследование, учитывающее симптоматику проблемы и положения теории психоанализа. Отсюда следует, что предметный анализ дискурса безумия в романе еще впереди, и это задача отдельного самостоятельного исследования. Мы же здесь обозначим лишь главное в свете нашей постановки проблемы.

Подход к изучению романа как части психопатологического дискурса, безусловно, адекватен, однако есть важный аспект, который его сторонники не принимают в расчет, а именно социальное измерение романских смыслов. Слабоумие и другие подчеркиваемые исследователями патологии суть врачебный диагноз (что не противоречит содержанию романа), и он ставится независимо от возраста на основании унифицирующего симптома, социальной изоляции: снижение эмоциональных реакций, обеднение речи, социальная аутизация [Жмуров, 2009]. Соответственно, у персонажей романа никаких речевых «ошибок» нет и не может быть, а есть «отклонения» и «нарушения» как симптом психического расстройства независимо от возраста.

Нарратив романа тем не менее формируется вокруг школы как социальной институции; аукториальный рассказчик — подросток, ученик, и, согласно его рассказу, он вступает в общение с широким социальным окружением — это родители, учителя, соседи,

знакомые и незнакомцы. Как школьник, на уроках он неизбежно делает «ошибки» — слово повторяется в романе, обыгрывается, получает отчетливый социальный акцент. Подчеркнем также, что на его значимость указывают и сами ошибки.

Так, в научной литературе указывается, что один из главных симптомов «больной» речи — словосочетания и фразы на основе сближения слов не по семантике, а по фонетическому сходству смежности, что в итоге порождает бессмыслицу [Юнг, 2000; Блейхер, 1983; Случевский, 1975]. При этом для самого носителя речи смысл есть, но асоциальный, непонятный для других¹. Таких примеров в романе Саши Соколова немало: «...простая веселая песенка исполняется на тростниковой дурочке на Веточке железной дороги...» [Соколов, 1976, с. 13]; «... в зябликах, вернее, в яблоках нашего вертограда сидят черви...» [Соколов, 1976, с. 46].

На первый взгляд, это тот самый случай семантической бессмыслицы при сходном звучании фонетически сближенных слов. При этом в обоих примерах смысл, конечно, есть. В первом отчетливо прочитывается отсылка к школе «для дураков» (и «дурочек»), во втором — к советской детской литературе (известному стихотворению Зинаиды Александровой 1930-х гг. [Александрова, 2019]), то есть тоже к внешнему, социальному «школьному» контексту. Поэтому перспективной представляется интерпретация «шизофренического дискурса» именно в социально значимом ключе. Схожую мысль встречаем в статье В. Туманова, рассматривающего не только как симптом расстройства, но и как «отражение социальной среды» [Туманов, 1994] «крик идиота», сближающий героя Соколова с героем У. Фолкнера: оба они отчаянно и тревожно кричат. Но «мир не хочет слышать этот крик», и вместе с тем, что для литературы еще с XIX в., с произведений Пушкина и Достоевского, традиционно «...юродивый... <...> ...представляется рупором правды и иногда голосом провидения» [Туманов, 1994], попытка «заткнуть ему рот» прямо указывает на неспособность общества принять и самого «ненормального» человека, и правду, которую он отмечает.

Эта отсылка к литературе XIX в., к Достоевскому, репрезентативна: именно в эпоху русской классики «горе от ума» обретает острый социально-критический смысл. Можно сказать, что постепенно в дискурсе реализма сформировался своего рода архетип, объединивший литературные персонажи и реальные исторические лица (Чацкий, П. Я. Чаадаев, Поприщин, князь Мышкин): герой выступает «голосом правды» об обществе, его несправедливых установлениях и нравах, а общество в ответ объявляет его сумасшедшим. Герой тем самым — жертва и изгой, обреченный на поражение.

При этом в эпоху постмодерна на основе идеи «бессознательного безумия», как известно, получает новый и веский социокультурный смысл. В трудах Фуко [Фуко, 1961], Делеза и Гваттари [Делез, Гваттари, 2007], Лакана [Лакан, 2006] психическое расстройство — это не (только) язык жертвы социального окружения, но прежде всего репрезентация

¹ К. Г. Юнг в этой связи приводит следующий пример: Вопрос: «Что такое млекопитающее? Ответ (пациент): это корова, например, акушерка». «Акушерка» — опосредованная ассоциация к корове; слово это указывает на вероятный ход мысли: корова — рождающая живые существа — человек также — акушерка. (По) мнению Блейлера, вероятнее следующее сопоставление: «Млекопитающее»: корова — рождает живые существа; это пример — акушерка.) [Юнг, 2000].

личной свободы, которую в конфликте с обществом отвоевывает для себя человек. Так, например, по Делезу и Гваттари, психопатология — это процесс детерриторизации: всякий психически нездоровый человек стремится к ускользанию от «машин подавления» [Делез, Гваттари, 2007, с. 349] и «больших систем» [Делез, Гваттари, 2007, с. 440] к тому, что можно назвать свободной территорией, — пространству, в котором человек становится свободен от «общественного инвестирования» [Делез, Гваттари, 2007, с. 437].

Эта мысль философов постмодернизма глубоко продуктивна для анализа дискурса безумия в романе Саши Соколова. Критический и сатирический аспект нарратива «школы для дураков» давно отмечен и изучен (например, в ранее упомянутой работе Азеевой, где она пишет о проникающем в сознание героя «мире несвободы» [Азеева, 2015, с. 53]), однако «территория свободы» все еще почти не освоена и нуждается в предметном рассмотрении и исследовании.

Но о какой свободе идет речь? Свобода — от чего, и какой путь ведет к ней? То есть на первый план выходит вопрос, как устроена «территория свободы» в романе, в каких границах намечено и чем наполнено ее пространство. Наш вопрос об ошибках определен этой проблематикой дискурса; отсюда задается насущный методологический ориентир: учение Фрейда об ошибках как «окнах в бессознательное», приоткрывающее пути и формы конфликтного противостояния личности по отношению к враждебной, подавляющей социальной среде.

Ошибки тем самым можно потенциально рассматривать как своеобразные маркеры «территории свободы», вербально высказанной в слабоумии «ученика такого-то». Исходя из этого классифицируем, в соотнесении с нарративом школы, выявленные нами ошибки по типам скрытого социального конфликта, в который вступает ученик. Затем проанализируем виды ошибок в каждой группе, чтобы выявить их смысловую функцию в структуре «территории свободы» (см. табл. 1).

Табл. 1. Код ошибки: характеристика «школы для дураков»

Table 1. Error code: “school for fools” characteristics

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «ученик такой-то»	Грамматич.: говорить о себе от третьего лица	Безымянный аукториальный персонаж представляется как «ученик такой-то»: у него нет имени, фамилии, прозвища — нет своего «я». Есть лишь социальный статус, объединяющий всех учеников в целом
2. «...репетиция закончилась и бежит, исходит из зала в сторону улицы» [с. 133]	Лексич., стилистич.	«Исходит» — устар. к «выходить», что наряду с «бежит» формирует метонимию и превращает учеников в единую массу
3. «...посмотрите и Рыбкина, он на полке, это разборник, разборник задач... » [с. 86]	Грамматич.	Употребление вместо «сборника» слова с приставкой раз- мотивировано тем, что сборники задач рассчитаны на разбор задач : в них представлены уже существующие варианты решения.

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
4. «...только меня оставили после уроков делать уроки на завтра...» [с. 105]	Грамматич.	Тавтология показывает, что ученикам отведена роль пассивных исполнителей заданий (без возможности задать вопрос или обсудить непонятное)
5. «...с таким положением лещей трудно не согласиться...» [с. 164]	Лексич.	Характеризуется положение вещей в школе с подчеркнутой негативной коннотацией, так как контаминация восходит к выражению «дать леща», то есть ударить
6. «...уволит вас с работы по собственному желанию ...» [с. 130]	Грамматич.	Ошибка говорит о произволе школьной администрации: директор Перилло по своему желанию увольняет учителя
7. «...в отделе народного оборзования » [с. 125]	Словообраз.	«Оборзование» отсылает к борзой собаке: отдел народного <i>особачивания</i> , то есть натаскивания, дрессировки, автоматического исполнения команд
8. «Потом отец вылез из гамака, пошагал — руки-за-спину » [с. 18]	Орфографич.	Вставка дефисов сцепляет три слова в характеристику отца «ученика такого-то»: напряженный, угрюмый, скованный — как заключенный, которого ведут надзиратели, командам которых он подчинен
9. «...полное надежд и планктонов на будущее» [с. 141]	Лексич.	Замена <i>планов</i> на <i>планктоны</i> подчеркивает мизерность и незначительность самих учеников. Они как планктон — единая биомасса, движимая ветром и морским течением. Соответственно, и «планы» у них ничтожны и зависят от чужой воли
10. «...два ученых, подающих одежды » (с. 111)	Лексич.	Ученый, «подающий надежды» — тот, кто соответствует чьим-то (не своим) ожиданиям. Если ученый «подает одежды», то наука — выполнение указаний вышестоящих лиц, а не самостоятельное исследование

Цитаты и комментарий характеризуют отношение ученика к урокам и к агентам школьной педагогики — это учителя, администрация, родители, то есть практически все социальное окружение. Цель, к которой направлено всё обучение, — унификация учеников, их полное обезличивание в интересах общества. Средства достижения цели — требование рабского подчинения взрослым (научиться «подавать одежды»), палочная («тапочная», сказано в романе) дисциплина, физическое и моральное насилие; на уровне школьной методики — «репетиция» ответов, то есть заучивание и повторение готовых решений. В целом эта группа «ошибок» составляет примерно 20 процентов из общего числа.

Далее представим некоторые наблюдения ученика за происходящим в школе и его оценочные суждения. «Ошибки» этого типа составляют около трети общего числа (табл. 2).

Табл. 2. Код ошибки: эмоциональная реакция ученика

Table 2. Error code: student's emotional reaction

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «...в расцвете переломного возраста...» [с. 104]	Лексич.: замена слова в устойчивом словосочет. « переходный возраст»	Смысл замены: происходит не «переход», а «перелом». Меня ломают (ломают кости), переламывают — насильственно переделывают. Боль, как при физических переломах, «в расцвете», то есть резкая, сильная, повторяющаяся (наст. вр. — не «переломанный» или «переломленный», а «переломный»)
2. «... хочется кричать на вашей нервной почте ...» [с. 121] — «...на столе серебрился электрочайник ... <...> ...стали ждать, когда закипит » [с. 119–120]	Лексич.: словосочетание «на нервной почве» трансформировано в сочетание «на нервной почте»	Такая сильная боль, что почти кричу. Не могу ее вынести, закипаю как чайник — испытываю нервное сверхнапряжение. Хочу кричать — но «почта» не срывается, не пересылает моей боли, меня не слышат
3. «...и не причину вам колющей раны ...» [с. 104]	Грамматич.: колющая вместо колотая	«Колотая» рана отражает лишь способ ее причинения; «колющая» говорит прежде всего о том, что рана болит . Семантика «колющей» боли: она «колет», то есть очень острая. Кроме того, боль не прекращается, она непрерывная (прич. наст. вр.)
4. «...заступник всех униженных и окровленных » [с. 123]	Лексич., словообраз.: окровленных заменяет оскорбленных (ср. «Униженные и оскорбленные»)	Смысл замены слова: 1. Боль не только в душе (униженность), но и физическая, льется кровь, как при избиениях и пытках. 2. Это обо мне, но не только; всех нас (учеников этой школы) унижают и мучают
5. «...наверное у него сердце нет это авитаминоз болекровие ...» [с. 75]	Словообраз.: белокровие — эвфемическое, народное название лейкемии, рака крови	Ученик переводит эвфемистический внеочечный смысл лексемы (кровь белая) в прямой и ярко эмоциональный: кровь болит , вся кровь больная , то есть боль такая сильная, что можно умереть
6. «...вопрос это кондуктор ответ нет констриктор ...» [с. 13]	1. Словообраз.: констриктор как замена слова кондуктор. 2. Синтаксич.: снятие запятых соединяет два понятия в одно	Констриктор — веревочный самозатягивающийся узел, название — от Voа constrictor (вид удава). Метафоризировано негативное отношение к законам «школы для дураков». Разные контексты данного слова в романе показывают, что негативная коннотация относится не к конкретному лицу (кондуктор трамвая), а в целом к «приказной» педагогике взрослых: она «душит», не дает вздохнуть, сдавливает так, что ты задыхаешься

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
7. «...фильтры новейших премиальных констрикций ...» [с. 129]	Словообраз.	Слова <i>констриктор</i> , <i>конструктор</i> и <i>констрикции</i> , многократно повторяемые в тексте романа, образуют лейтмотив с семантикой нарастающего давления, насилия: власть изобретает новые, всё более совершенные «удушающие» способы контроля
8. «РЕМОНТ ДЕТСКИХ КОНСТРИКТОРОВ» [с. 104]	Словообраз.	Для детей изобретены специальные «детские» механизмы подавления личности в школьной педагогике: ребенок будто техническая деталь в конструкторе, как кубик в наборе кубиков, неодушевл., заменяемая часть конструкции (болтик, винтик, гайка)
9. «Мы работали там и тут, здесь и там — повсюду, где была возможность наложить , то есть, приложить руки » [с. 167]	Лексич.	Работа — почти синоним самоубийства, так как связана не с личным выбором, а с приказами и инструкциями. Это монотонный, однообразный, физически тяжкий и бессмысленный труд, доводящий до отчаяния, когда, кажется, ничего уже не остается, как только уйти из жизни

Как видим, реакция ученика на школьную педагогику исключительно эмоциональна и всеобъемлюще негативна — это *боль* в разных видах и оттенках: резкая и острая, как при переломах или ударе ножом, или ноющая и непрерывная, не оставляющая ни на минуту, как при затяжной неизлечимой болезни. Причем здесь отражено не только чисто эмоциональное переживание боли, но заметна напряженная работа мысли — внимательное и пристальное самонаблюдение, фиксация опыта и его перевод в вербальную форму.

Ученик последовательно и отчетливо отмечает, что с ним происходит: его ломают, подгоняя под трафаретный образец; ср.: «Образцовая Ударная спецшкола им. Н. И. Лобачевского», *образцовый, удар, лоб* создают прозрачную семантику физического насилия. Его терзают, мучают, вынимают саму душу, превращая в неодушевленный предмет как педагогический идеал безгласного и беспрекословного послушания. И это долгие, нескончаемые мучения, ведь в школе учатся долго; «констриктор» в воображении ученика возникает неизбежно. «Удавы охотятся, подстерегая добычу из засады, хватают ее зубами, обвивают плотными кольцами и сжимают жертву мощными мышцами, нарушая кровоток, что приводит к потере сознания и смерти. Обыкновенные удавы заглатывают добычу целиком»¹.

Цитаты, приведенные в таблице, показывают, что постепенно во внутреннем опыте ученика оформляется четкое понимание сути происходящего: его уничтожают, подвергают его «я» тотальному разрушению; отсюда чувство одиночества, отчаяние, мысли

¹ ЗооСправка: справочник по зоотоварам и домашним животным: сайт. 2001. <https://www.zoospravka.ru/forterrarium/obyknovennyj-udav.htm> (дата обращения: 11.06.2026).

о самоубийстве. Одновременно этот трагический опыт свидетельствует и о другом — о настойчивой рефлексии относительно себя самого, то есть об активном, напряженном процессе самоидентификации личности. Ученик тем самым выходит из роли «планктона» (безликой и бессильной жертвы чужой воли), и это уже протест своего рода, шаг к противостоянию агентам школьной педагогики.

Далее в табл. 3 отражена самая большая группа примеров. Они составляют более половины всех «ошибок» в романе, и этот своеобразный перевес, безусловно, говорит о их особой смысловой значимости в нарративе «школы для дураков».

Табл. 3. Код ошибки: шаги сопротивления и противостояния

Table 3. Error code: resistance and confrontation steps

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
1. «... его нет на свете, не существует, не имеет места, не есть , нет его, нет...» [с. 51]	Грамматич.	Повтор отрицания говорит о потребности осознать цельность своего «я». Форма его не есть выразительно передает семантику отсутствия — «второй» во мне не пропал, не перестал существовать, не подразумевается несуществующим, он изначально отсутствует
2. «Гнать, держать, бе-жать , обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть, и терпеть. <i>Группа глаголов русского языка, составляющих известное исключение из правил; ритмически организованное для удобства запоминания</i> » [эпиграф к роману]	Грамматико-морфологич.: ошибка в цитировании правила	В ряду две ошибки: 1. Отсутствует «лишний» глагол <i>смотреть</i> ; в ряду уже есть видеть — очевидно, более важный, поскольку он означает способность не только направлять взгляд, но и воспринять и осознать что-либо. 2. Включен глагол <i>бежать</i> , открывающий мотив бегства, дистанцирования от правил
3. «...чтобы мы лучше разбирались в вопросах внешней и внутренней ка л и т и к и... » [с. 97]	Словообраз.	Конгломерат <i>калитика 1)</i> иронически демонстрирует непонятность того, чему учат детей в школе; 2) создает ассоциацию с поисками выхода, с бегством (найти калитку)
4. «...покинул час назад берега водоема , где производил ужение на мотыля » [с. 15–16]	Стилистич.: <i>про-изводить ужение</i> вместо <i>удить/ловить</i> — намеренное усложнение фразы	В школе внушают, что образованный человек всегда, при любых обстоятельствах использует «научные», терминологически окрашенные обороты речи. Ирония над школьной демагогией
5. «...я изобрел некоторое изобретение » [с. 102]; «...я коллекционирую коллекцию » [с. 102]	Лексич.	Плеоназмы указывают на бессмысленность, беспредметность тех понятий об учености и ученых, которые внушают ученикам в школе

Продолжение табл. 3
Table 3 (continued)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
6. «...дворник узнает, что на улице , а точнее сказать — над улицей , или на улицу идет снег ...» [с. 22]	Грамматич.: грамматически правильно только: <i>на улице идет снег</i>	Герой изменяет устойчивое выражение в интересах точности. По значению предлогов <i>на</i> и <i>над</i> и сущ. <i>улица</i> вернее было бы сказать, что снег идет <i>над ней</i> или <i>на нее</i> , так как улица есть внешнее пространство, дорога между домами, в то время как конструкция <i>на улице идет снег</i> тавтологична: снег всегда идет снаружи
7. «...там, на пристанционном пруду . На пристанционном? Но это неверно, стилистическая ошибка , Водочка непременно бы поправила , пристанционным называют буфет или газетный киоск, но не пруд, пруд может быть околостанционным » [с. 7]	Лексич.: приставки <i>при-</i> и <i>около-</i> синонимичны, но не тождественны. <i>Около-</i> указывает на естественное нахождение рядом с каким-л. объектом — станцию построили рядом с прудом. <i>При-</i> указывает на искусственное присоединение одного объекта к другому — пруд выкопали рядом со станцией	1. Поиск точного обозначения того, как соотносятся в пространстве природные и искусственные объекты. 2. Знаменательна концентрация внимания ученика на стиле и его правилах
8. «...я скажу об этом не сразу, а как-нибудь позже, время спустя , и вот время спустилось ...» [с. 77]	Лексич.: языковая норма предполагает употребление предлога <i>спустя</i> с сущ., обозначающими отрезки времени (<i>день, час, год</i>), абстр. сущ. <i>время</i> — недопустимо	Актуализируется ядерное значение глагола <i>спускаться</i> (перемещаться сверху вниз). <i>Время спустя</i> — кто-то его спускает; <i>спустилось</i> — т. е. наступило, пришло. <i>Время идет, приходит, спускается</i> — движется в пр-ве, как одушевл. создание, как живое существо. Ученик вслушивается в свое ощущение времени и слова, обозначающие его ход
9. «... <i>слова</i> , которые лучше прочих <i>звучат</i> в пустоте пустых помещений » [с. 98]; « В пустоте пустых помещений неплохо <i>звучат</i> и некоторые другие <i>слова</i> ...» [с. 100]; «...заполнять криком своим пустоту пустых помещений ...» [с. 108]	Лексич.: тавтология Семантика: помещать, размещать слова в пустом, т. е. ничем не заполненном пр-ве — произносить их вслух, с разной громкостью, вслушиваясь в характер звучания	Двойная аллитерация, образованная соположением повторяющегося глухого «п» и звонкого «з» (<i>звучат</i>), намечает антитезу, в которой звучащее слово противопоставляется беззвучности, немоте. Ученик прислушивается к себе, к тому, как в окружающей пустоте звучит его голос, его крик

Окончание табл. 3

Table 3 (end)

Цитата	Тип ошибки	Значение в контексте
10. «А может быть реки просто не было? Может быть. Но как же она называлась? Река называлась » [с. 8]	1. Синтаксич.: вводные слова не обособлены. Отсутствие запятой при вводном слове возвращает ему полное значение и синтаксическую роль. 2. Грамматич.: предложение не закончено	1. Доп. значение сомнения трансформируется в вопрос: может ли быть, возможно ли, допустимо ли? Это вопрос о связи между словом и вещью, опр. реальией как объектом наблюдения. 2. Значения незаконченного предложения: 1) у реки не было названия, значит, и ее не было, что <i>может быть</i> ; и 2) река <i>называлась</i> , и раз ее кто-то назвал рекой, она <i>была</i> , существовала. Коннотативная семантика всей фразы: вещи <i>могут быть</i> (сбыться, существовать), если их <i>назвать</i> , если они кем-то и как-то <i>называются</i>
11. «...напевал на мотив из Детей капитана Блэда: конеслон , конеслон, улыbnитесь...» [с. 86]	1. Фактич.: упоминаются слова из песни к фильму «Дети капитана <i>Гранта</i> »; контами-нация отсылает к роману Р. Сабатини «Одиссея капитана <i>Блада</i> » 2. Словообраз.	Конгломерат <i>конеслон</i> выражает готовность и способность ученика преодолевать нормативные запреты: он придумывает новую шахматную фигуру, которая будет двигаться так, как ему нужно. И в нарушение правил и предписаний, ученик не воспроизводит цитаты, а «искажает» их — варьирует и комбинирует, демонстративно утверждая свое право придумывать новые, собственные слова
12. «... невыученные облака » [с. 115]	Лексич.: облака можно <i>изучить</i> , но не <i>выучить</i>	Смысл образа: школьное обучение не имеет отношения к реальности, к жизни. Метафора говорит о готовности ученика самостоятельно определять, что для него по-настоящему важно и необходимо
13. «Не поправляй меня, я не ошибся » [с. 115]	Фактич.: ученик отчетливо нарушает общепринятые лексич., грамматич., синтаксич. нормы, но отрицает это	Формально здесь нет ошибки; перед нами манифестация личных убеждений. По сути, ученик заявляет о решении следовать своим, а не предписанным извне правилам и нормам
14. «...почему бы вам не взять минодвес п? » [с. 162]	Словообраз.: палиндром употребляется учеником намеренно	Палиндром <i>псевдоним</i> — зашифровать себя, спрятаться — включен нами в ряд ошибок только из-за фактически неправильного словоупотребления, но здесь отчетливо прослеживается: ученик осознанно использует «неправильное» слово, потому что оно лучше всего подходит для выражения его мысли

Выше, в табл. 2, были представлены ошибки, маркирующие подавленное эмоциональное состояние ученика — жертвы школьной демагогии; здесь, в табл. 3, мы приводим данные, указывающие на новый характер нарратива: «страдательный» модус сменяется на акциональный, деятельностный. Как показывает коннотация «ошибок» (см. комментарий к значению каждого примера в контексте романного целого), ими маркированы своего рода решения и поступки ученика, говорящие о его сопротивлении «школе для дураков» и противостоянии ей.

Изначальный смысловой момент — это утверждение своего «я». Если в школе ученика превращают в ничто, в «планктон», то здесь, напротив, проявлено его стремление к самоидентификации, последовательное и настойчивое, реализующееся в целом ряде действий. Все они объединяются в особую группу через общий код — критическая оценка безусловности правил как таковых, манифестированная в самых разных отношениях.

Во-первых, это намерение «бежать» от правил и найти «калитку» для побега. Метафора «политики-калитки» развивается в палиндроме псевдонима, подсказывающего, что *убежать* означает спрятаться, то есть *зашифровать себя* — ведь убежать по-настоящему, вырваться из «школы для дураков» ученик-подросток не может. Отсюда определяются следующие шаги его сопротивления: от него требуют беспрекословного подчинения приказам — он учится их не слышать, отстраняется сатирической интонацией, пародирующей абстрактную школьную «ученость». Показательно обращение к вопросам стиля (см. пример 8), когда внешне ученик демонстрирует готовность следовать указаниям учителя, а на деле совсем иначе, чем учитель, истолковывает это понятие: стиль он связывает с точностью передачи смысла, а не с формальными признаками.

Так намечается и постепенно нарастает движение ученика прочь из «школы для дураков», нигде не заявленное идеологически и репрезентируемое чисто лингвистическими, языковыми средствами. Цитируемые фрагменты открывают, как ученик в противовес всем запретам формирует собственные, свои личные представления о пространстве и времени и находит для них свои особые слова. Ученик осознает исключительную важность наречения, наименования того, что видишь вокруг (прим. 10, 11, 13), и это глубоко существенный аспект его побега из «школы для дураков», его пути к самому себе. И когда он уверенно и убежденно заявляет: «*не поправляй меня, я не ошибся*», это говорит о сложившемся решении следовать не чужим правилам, а своим, создавать их для себя.

Исходя из внесенных в таблицы данных можно увидеть, как постепенно, в противодействии унифицирующей школьной педагогике, ученик становится личностью, и что означает *быть личностью* в романе Саши Соколова. Это свободный человек, тот, кто чувствует, думает и говорит по-своему, создавая тем самым собственный мир, свою «территорию свободы». И если «школа для дураков» — метафора социального насилия, то быть свободным возможно повсюду, в любых условиях, если найти для своей территории свободы личный творческий код.

Заключение

«Индивидуальную свободу я полагал основным и первейшим человеческим правом. Полагал, начиная с первого сентября пятидесятого года, когда, приведен впервые в одну из тьмы затхлых московских школ, бежал, не приходя в сознание, — писал Саша Соколов об истоках своего романа. — Грустные сроки, проведенные в классах в качестве перманентно худшего ученика, бездельника и мятежника, пройдут недаром... Они дадут материал для первой повести...» [Соколов, 2008, с. 29–30].

Итак, в фокусе нарратива — школа, ученики и проблемы социализации; соответственно, жанр «Школы для дураков» напрямую связан с романом воспитания: книга рассказывает «об утонченном и странном мальчике, страдающем раздвоением личности, об ученике Таком-то, который не может примириться с окружающей действительностью» [Соколов, 2008, с. 30]. Это роман воспитания, но с яркой отличительной особенностью: весь процесс воспитания, по сути, заключается в том, что ученик ищет и находит собственные слова, особенные и точные — для описания положения дел, для выражения чувств, намерений и решений, для вербализации личных представлений о времени и пространстве, об окружающих людях. И «индивидуальная свобода» ученика осуществляется как раз в этих словах; его метафоры, анаграммы, нюансированная интонация, неологизмы, смело реорганизованный синтаксис создают неповторимую творческую картину мира, которая ясно свидетельствует: «Школа для дураков» — роман о художнике, о «годах учения» будущего писателя и поэта.

Но и в этом аспекте книга Саши Соколова заметно отличается от классических образцов жанра. «Роман о художнике», открытый некогда немецкими романтиками, на протяжении XIX и XX вв. пережил ряд трансформаций при сохранении жанровой детерминанты: творчество конвенционально понималось как «дар», и художник свободно владел им; в этом плане название романа Владимира Набокова, придуманное автором в 1930-е гг., можно назвать архетипическим. «Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум», — мог бы сказать о себе герой Набокова Годунов-Чердынцев через сто лет после появления пушкинских строк.

Но в романе Саши Соколова всё иначе. «Свободный ум» нужно завоевать огромными усилиями, ценой мучительной боли и одиночества; «дорогу свободную» проложить в непрерывных кровопролитных столкновениях чуть ли не со всем миром; и код ошибки здесь играет принципиальную роль. Ошибки для ученика знаменуют необходимость нарушать правила, то есть вести войну с бесчисленными запретами и угрозами, которые встают на его пути к своим правилам — к тому, чтобы создать свой личный, индивидуальный стиль и слог.

Ошибки тем самым, начиная уже с эпиграфа, — ключевая метафора в описании творческого процесса, и у нее достаточно прозрачный коннотативный смысл. Это бунт против единых правил соцреализма, которые все писатели обязаны были неукоснительно соблюдать; против времен застоя, когда в обществе велась «необъявленная война с Художником» [Соколов, 2008, с. 20] и сама идея индивидуальной творческой свободы не могла быть открыто высказана.

«Не поправляй меня, я не ошибся»: код ошибки в романе Саши Соколова...

Так, «дискурс безумия» в романе содержит конкретную социально-реалистическую коннотацию, отсылающую к известной «карательной медицине», отразившейся и в биографии Саши Соколова¹.

Эта напряженная двойственность «дискурса безумия» характеризует, как представляется, не только роман «Школа для дураков», но и другие произведения советского времени, что еще предстоит узнать и исследовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Азеева И. В. 2015. Саша Соколов «Школа для дураков»: опыт интерпретации игрового текста. Ярославль: Ярославский гос. театр. ин-т. 140 с.
- Александрова З. Н. 2019. Снежок // Культура.рф. <https://www.culture.ru/poems/39574/snezhok> (дата обращения: 11.06.2026).
- Баражук В. Н. 2013. Шизофренический дискурс в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 апреля 2013 г., г. Куйбышев). Новосибирск: Немо Пресс. С. 151–157.
- Берг М. Ю. 1985. Новый жанр (читатель и писатель) // А–Я: Литературное издание. Париж: Fischer & Schmidt Reprotechnik. № 1. С. 4–6.
- Битов А. Г. 1989. Грусть всего человека // Октябрь. № 3. С. 157–158.
- Блейхер В. М. 1983. Расстройства мышления. Киев: Здоровье. 192 с.
- Вари Э. 2002. «Литература [...] — искусство обращения со словом». Заметки о повести «Школа для дураков» Саши Соколова // Studia Slavica. Т. 47. № 3–4. С. 427–450.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения (перевод и послесловие Кралечкина Д.). Екатеринбург: У-Фактория. 672 с.
- Егоров М. Ю. 2011. Литературные предпосылки творческой манеры Саши Соколова // Культура. Литература. Язык: мат. конф. «Чтения Ушинского» (г. Ярославль, 3 марта 2011 г.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. С. 140–148.
- Ефремова Т. Ф. 2006. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ: Астрель. 974 с.
- Жмуров В. А. 2009. Введение в клиническую психиатрию // Авторская клиника В. А. Минутко. <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/vvedenie-v-klinicheskuyu/simptomny-dificitarnogo-autizma-prodolzhenie> (дата обращения: 11.06.2026).
- Зорин А. Л. 1989. Насылающий ветер // Новый мир. № 12. С. 250–253.

¹ «... смирительная рубаша. < ... > Парадоксально: этот неброский наряд символизировал твою постепенную эмансипацию... < ... > В ней тебя увозили в самое вольное из всех учреждений отчизны. И в той же рубаше семьсот двадцать девять уколов спустя предстал ты перед высочайшей комиссией» [Соколов, 2008, с. 19]. Психиатрическая лечебница — пыточная тюрьма, но и островок творческой свободы; диагноз шизофрении — клеймо маргинала, но и возможность скрыться от политических репрессий: «После того как высшая врачебная комиссия официально признала меня неразорвавшейся бомбой, я получил белый билет и вошел в блистательную толпу свободных столичных художников» [Соколов, 2008, с. 35].

- Лакан Ж. 2006. Этика психоанализа (1959–60). М.: Логос // RoyalLib. https://royallib.com/book/lakan_gak/etika_psihoanaliza1959_60.html (дата обращения: 11.06.2026).
- Липовецкий М. Н. 1997. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Изд-во УГПУ. 317 с.
- Липовецкий М. Н. 2008. Паралогии. Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской литературе 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение. 877 с.
- Руднев В. П. 2007. Философия языка и семиотика безумия. М.: Территория будущего // Электронная библиотека по ЗОЖ. https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 11.06.2026).
- Сапрыкин Ю. 2018. Школа для дураков // Полка. <https://polka.academy/articles/529> (дата обращения: 11.06.2026).
- Случевский Ф. Н. 1975. Атактическое мышление и шизофазия. СПб.: Медицина. Ленингр. отделение. 159 с.
- Соколов Саша. 1976. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис. 174 с.
- Соколов Саша. 2008. Тревожная куклолка: эссе. СПб.: Азбука-классика. 192 с.
- Туманов В. А. 1994. A tale told by two idiots: Крик идиота в «Школе для дураков» С. Соколова и в «Шуме и ярости» У. Фолкнера // Russian Language Journal. № 48 (159–161). С. 137–154.
- Фрейд З. 2022. Психопатология обыденной жизни / пер. В. Медем. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого. 201 с.
- Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху / пер. Стаф И. К.). М.: АСТ. 698 с.
- Ханова О. А. 2020. Замкнутость — причины, диагностика и лечение. М.: Красота и медицина // Электронная библиотека по ЗОЖ. https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 11.06.2026).
- Юнг К. Г. 2000. Психология раннего слабоумия (dementia praecox) / пер. В. Зеленского. СПб.: Академический проект // Библиотека Максима Мошкова. https://lib.ru/PSIHO/JUNG/workpsychiat.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 11.06.2026).

References

- Azeeva, I. V. (2015). *Sasha Sokolov's "A School for Fools": The Experience of Interpreting a Play Text*. Yaroslavl'skiy gos. teatr. in-t. [In Russian]
- Aleksandrova, Z. N. (2019). Snezhok (Snowball). *Culture.ru*. Retrieved June 11, 2026, from <https://www.culture.ru/poems/39574/snezhok> [In Russian]
- Barazhuk, V. N. (2013). Schizophrenic discourse in Sasha Sokolov's novel "A School for Fools". In *Collection of Articles of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Text as a Unit of Philological Interpretation"* (April 25, 2013, Kuibyshev) (pp. 151–157). Nemo Press. [In Russian]
- Berg, M. Yu. (1985). New genre (reader and writer). In *A–Ya: Literary Edition* (no. 1, pp. 4–6). Fischer & Schmidt Reprotechnik. [In Russian]
- Bitov, A. G. (1989). The sadness of the whole person. *Oktyabr*, (3), 157–158. [In Russian]
- Bleikher, V. M. (1983). *Disorders of Thinking*. Zdorovye. [In Russian]

- Vari, E. (2002). "Literature [...] is the art of handling the word." Notes on the novel "A School for Fools" by Sasha Sokolov. *Studia Slavica*, 47(3–4), 427–450. [In Russian]
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* (Translation and afterword by D. Kralechkin). U-Faktoriya. [In Russian]
- Egorov, M. Yu. (2011). Literary prerequisites of Sasha Sokolov's creative manner. In *Proceedings of the Conference "Ushinsky Readings": "Culture. Literature. Language"* (March 3, Yaroslavl) (pp. 140–148). Yaroslavskiy gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2006). *Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language* (in 3 vols). AST, Astrel. [In Russian]
- Zhmurov, V. A. (2009). Introduction to clinical psychiatry. V. L. Minutko's Clinic. Retrieved June 11, 2026, from <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/vvedenie-v-klinicheskuyu/simptomy-dificitarnogo-autizma-prodolzhenie> [In Russian]
- Zorin, A. L. (1989). Sending Wind. *Novyy mir*, (12), 250–253. [In Russian]
- Lacan, J. (2006). *The Ethics of Psychoanalysis* (1959–60). Logos. Retrieved June 11, 2026, from https://royallib.com/book/lacan_gak/etika_psihoanaliza1959_60.html [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (1997). *Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics*. Izd-vo UGPU. [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (2008). *Paralogies. Transformation of (Post)modernist Discourse in Russian Literature of the 1920s–2000s*. Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
- Rudnev, V. P. (2007). *Philosophy of Language and Semiotics of Madness*. Territoriya budushchego. Retrieved June 11, 2026, from https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml [In Russian]
- Saprykin, Yu. (2018). A School for Fools. *Polka*. Retrieved June 11, 2026, from <https://polka.academy/articles/529> [In Russian]
- Sluchevskiy, F. N. (1975). *Atactic Thinking and Schizophasia*. Meditsina. Leningr. otd-nie. [In Russian]
- Sokolov, S. (1976). *A School for Fools*. Ardis. [In Russian]
- Sokolov, S. (2008). *Troubled Doll: Essays*. Azbuka-klassika. [In Russian]
- Tumanov, V. A. (1994). "A tale told by two idiots: The cry of an idiot in S. Sokolov's 'A School for Fools' and in W. Faulkner's 'The Sound and the Fury'". *Russian Language Journal*, (48), 137–154. [In Russian]
- Freud, Z. (2022). *Psychopathology of Everyday Life* (Translation by V. Medem). Strelbitsky Multimedia Publishing House. [In Russian]
- Foucault, M. (2010). *History of Madness in the Classical Age* (Translation by I. K. Staf). AST. [In Russian]
- Khanova, O. A. (2020). *Isolation — Causes, Diagnosis, and Treatment*. Krasota i meditsina. Retrieved June 11, 2026, from https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55510/chitat_knigu.shtml [In Russian]
- Jung, K. G. (2000). *Psychology of Early Dementia (Dementia Praecox)* (Translation by V. Zelenskiy). Akademicheskii proekt. Retrieved June 11, 2025, from https://lib.ru/PSIHO/JUNG/workpsychiat.txt_with-big-pictures.html [In Russian]

Информация об авторах

Галина Ивановна Данилина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюмень, Россия
gdanilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Ксения Александровна Гринякина, аспирант кафедры языкознания и литературоведения по направлению «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>

Information about the authors

Galina I. Danilina, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
gdanilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Kseniya A. Grinyakina, Postgraduate Student (Russian Literature and the Literatures of the Peoples of the Russian Federation) of the Department of Linguistics and Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>

Пьеса Чехова «Дядя Ваня» в архетипической оптике

Вячеслав Сергеевич Шилов[✉], Сергей Анатольевич Комаров^{✉✉}

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакты для переписки: stud0000214413@study.utmn.ru[✉], vitmark14@yandex.ru^{✉✉}

Аннотация. Драматургическая тетралогия А. П. Чехова 1890–1900-х гг. является одним из важнейших и признанных в мире достижений русской культуры, получающих уже более века интенсивное аналитическое осмысление как по отдельным текстовым элементам, так и в целом. «Дядя Ваня» в этом ряду — одна из наименее прочитанных пьес по причине обманчивости и внешнебытового изобразительного и событийного ряда, поэтому подход к ней с точки зрения мифопоэтики, и в частности архетипической оптики, способствует выявлению механизмов внутреннего устройства данного произведения А. П. Чехова и разгадки его успешной усиленной сценической жизни. Опираясь на достижения мирового и отечественного чеховедения, авторы статьи предлагают свое видение этой пьесы, фиксируя именно поле того образно-символического пространства, куда автор через функционал различных персонажей выводит читателя/зрителя своего творения, оживляя и актуализируя их связи с эстетическими решениями своих предшественников. Тем более что сам Чехов такую логику видел в качестве стратегической задачи, ориентируясь с первых шагов в искусстве на идеи статьи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот».

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Дядя Ваня», архетип, мифопоэтика, авторская стратегия

Цитирование: Шилов В. С., Комаров С. А. 2026. Пьеса Чехова «Дядя Ваня» в архетипической оптике // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 91–102. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-91-102>

Поступила 23.02.2026; одобрена 26.05.2026; принята 12.07.2026

Chekhov's play "Uncle Vanya" in archetypal lens

Vyacheslav S. Shilov✉, Sergey A. Komarov✉✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: stud0000214413@study.utmn.ru✉, vitmark14@yandex.ru✉✉

Abstract. A. P. Chekhov's dramatic tetralogy of the 1890s and 1900s is one of the most important and internationally recognized achievements of Russian culture, having been the subject of intensive analytical interpretation for over a century, both individually and as a whole. "Uncle Vanya" is one of the least read plays in this series due to its deceptive nature and the mundane visual and eventual sequence. Therefore, an approach to it from a mythopoetic perspective, and in particular an archetypal perspective, helps to reveal the mechanisms underlying this work by A. P. Chekhov and unravel the secrets of its successful and intense stage life. Drawing on the achievements of international and Russian Chekhov studies, the authors of this article offer their own interpretation of this play, capturing the field of the figurative and symbolic space into which the writer, through the functionality of various characters, draws the reader/viewer of his work, enlivening and actualizing their connections with the aesthetic solutions of his predecessors. Moreover, Chekhov himself saw this logic as a strategic objective, focusing from his first steps in art on the ideas of I. S. Turgenev's article "Hamlet and Don Quixote".

Keywords: A. P. Chekhov, "Uncle Vanya", archetype, mythopoetics, authorial strategy

Citation: Shilov, V. S., & Komarov, S. A. (2026). Chekhov's play "Uncle Vanya" in archetypal lens. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 91–102. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-91-102>

Received Feb. 23, 2026; Reviewed May 26, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Заглавие пьесы и выбор автором имен ее персонажей — это, как известно, наиболее прямые маркеры выражения авторской позиции и воли в художественном тексте [Лукин, 2005, с. 44–51, 92–100; Тюпа, 2009б, с. 103], тем более что проблема осознанности именно Чеховым твердости и ясности такой позиции воли в его текстах современными специалистами всё чаще подвергается сомнению, объявляется вариативной и плавающей, отданной на откуп сознанию читателя, и в этом даже усматривается специфика чеховских пьес, создающих поле для многообразия режиссерских интерпретаций, как бы провоцирующих этот содержательный диапазон [Доманский, 2005, с. 159; Тюпа, 2009а, с. 104]. Однако с этим согласны не все чеховеды, и спор здесь весьма предметен [Комаров, 2014].

Драматургия А. П. Чехова 1890–1900-х гг. хронологически попадает на переход отечественной культуры от структур относительно однокачественных к структурам более сложным [Лейдерман, 2006, с. 154], где автор осуществлял в тексте направленность комбинаторного процесса, выражая движения искусства в сторону обобщенно-символического языка, для установления новых отношений с читателем [Химич, 2005, с. 60–62, 65].

При всех попытках Чехова скрыть от чужих глаз даже малые знаки своей творческой лаборатории, специалистами были зафиксированы его системные выписки имен действующих лиц для еще не написанных крупноформатных пьес [Комаров, 2002, с. 77–78]. Более того, выявлялась очевидная целенаправленная работа автора с национальными словарями по выстраиванию концептуального сопряжения фамилий персонажей в оптике природных стихий [Комаров, 2002, с. 55–58, 72, 78–82], что увязывалось соответственно с заглавием произведения (речь о комедии «Чайка»).

Цель данной статьи — ориентируясь на отечественные образцы адаптации методологии выявления архетипов в художественном тексте [Юнг, 1997; Мелетинский, 1994, 2001; Большакова, 2003; Гольденберг, 2013], а также на существующие в чеховедении мифопоэтические версии драмы «Дядя Ваня», предложить новое видение архетипического потенциала этой крупноформатной пьесы русского классика.

Обзор литературы

В гуманитаристике накоплено не менее пяти мифопоэтических прочтений чеховской драмы «Дядя Ваня» [Чехов, 1986]. Первое из них рассматривает мифологему вера/Вера в сознании Войницкого, видя отсчет динамики и волнообразного самоощущения от сестры Веры Петровны через взлеты и кризисы с фиксацией развилки (Достоевский (вера) / Шопенгауэр (безверие)), где персонаж мечтал бы осуществиться, но так и не смог этого сделать [Клейтон, 1995].

Второе прочтение опирается на начальную формулу пушкинского романа в стихах («Мой дядя самых честных правил...») и ее метапроекцию Чеховым в русскую обыденность века по модели классика «дядя/Онегин» в оптике «Войницкий/Соня» [Димитров, 2007].

Третья версия ставит в центр мифосхемы испытание возможностей разума человека в постижении жизни и овладении судьбой, что оборачивается в сознании автора героическим «чужацеством» (связка Астров/Войницкий) [Козлова, 1993, с. 93, 95–97]. Аналитиками трагизм усматривается в «распаде» изначального духовного единства, когда разум, красота и милосердие разъединены и существуют «сами по себе» [Козлова, 1993, с. 103], но для Чехова они мифогенны и проецируемы на персонажей пьесы.

Четвертая версия исходит из проективности на русскую глубинную жизнь России Чеховым двух мифогенных начал (аполлонистическое/дионисическое), обоснованных и развитых в работах Фридриха Ницше, апробируемых драматургом к реалиям сегодняшнего русского мира [Маслова, 2014, с. 189–199].

Пятый вариант фиксирует наличие трехкруговой пространственной модели в драматургических творениях Чехова, где от центрального ядра, то есть дома как первого

круга, нарастает семантизация несвоего мира для персонажей, обеспеченная вводом в них различных по генетике мифологем [Кондратьева, 2012].

Следует учесть и генезис пьесы. В 1889 г. Чехов написал драму «Леший», которая впоследствии была им существенно переработана и превратилась в «Дядю Ваню». Название

«Леший» отсылало к мифологическому лесному духу. Перемена названия на внешне-небытовое «Дядя Ваня» знаменует стилистический сдвиг: Чехов уходит от прямой мифологической аллюзии, однако некоторые мотивы первоначальной версии трансформируются и остаются в подтексте. Так, Б. И. Зингерман отмечает, что в «Лешем» Соня наделена прекрасным голосом, а в «Дяде Ване» эта черта опущена — талант героини проявляется не внешне, а нравственно, в умении сострадать и терпеливо любить [Зингерман, 1988, с. 269]. Подобные изменения свидетельствуют о *демифологизации* поверхности сюжета при сохранении глубинных символических параллелей.

С учетом того, что современная филологическая мысль обозначает наличие мифотектоники в качестве обязательного глубинного уровня любого подлинно художественного текста, то и подход к чеховским творениям в данной перспективе видится закономерным и оправданным [Тюпа, 20096].

К. С. Станиславский, поставивший «Чайку» и «Дядю Ваню» на сцене МХТ, отмечал, что «Чехов силен самыми разнообразными, часто бессознательными приемами воздействия. Местами он импрессионист, в других местах — символист, где нужно — реалист, иногда даже чуть ли не натуралист» [Зингерман, 1988, с. 305].

В зарубежном чеховедении семантика заглавия и имен в «Дяде Ване» также рассматривается как значимая часть авторской конструкции. Так, профессор славистики и сравнительного литературоведения университета Брауна Светлана Евдокимова в своей монографии обращает внимание на то, что Чехов принципиально выдвигает в заглавие слово «uncle», тем самым переводя акцент с фабульной событийности на родственно-ролевую перспективу героя [Evdokimova, 2023, с. 113]. В свою очередь, Дж. П. Полс рассматривает фамилии Войницкий, Серебряков и Астров как элементы смысловой характеристики персонажей, то есть как компоненты поэтики, а не как нейтральные именованья [Pauls, 1975]. В этом отношении зарубежные исследования подтверждают продуктивность чтения «Дяди Вани» через семантику заглавия и ономастический уровень текста.

Исследователи символизма усматривали в чеховских интонациях мотивы, схожие с настроениями их собственной эпохи. В частности, в ранних стихах Сологуба, лирический герой «влачит бесцветную жизнь... равнодушно, лениво» [Ханзен-Лёве, 1991, с. 140], что близко к мировосприятию Войницкого и Астрова, разочарованных в своем времени. Таким образом, литературный фон рубежа XIX–XX вв. подтверждает: чеховская драма резонирует с символистской темой духовного кризиса, утраты старых идеалов и жажды новой гармонии. Однако, в отличие от символистов, Чехов лишает свои образы мистической ореольности, укореняя их в быту — и тем сильнее контраст между серостью жизни и высшими стремлениями духа.

Результаты и обсуждение

Поэтика заглавия

Заглавие «Дядя Ваня» наделено очевидной семантикой родства и простонародности. Слово «дядя» указывает на промежуточное положение героя в семье: он не отец и не дед, а второстепенный родственник. Войницкий — вечный помощник, живущий чужой жизнью, в этом смысле он — своего рода вариант фигуры «лишнего человека» русской литературы. Подобно тому, как Обломов остается далеким родственником в доме Агафьи Пшеницыной, или как Дмитрий Рудин Тургенева отходит на второй план, уступая дорогу более энергичным людям, герой Чехова осознает свою незанятость в главных ролях жизни. Обращение «Ваня» отражает как близость, так и отсутствие должного признания. Все называют его так, хотя ему 47 лет: он так и остался в восприятии близких добрым дядей, на чьих плечах держится хозяйство, но кто не имеет собственной семьи и статуса. Заглавие фокусирует внимание на семейно-социальной роли героя, которая, как покажет развитие действия, становится для него ловушкой. Иван Петрович всю жизнь прожил ради других: ради племянницы, ради профессора, — но собственное его имя как бы стерто, замещено бытовым прозвищем.

Мифопоэтика и архетипические структуры пьесы

В «Дяде Ване» наличествует скрытый пласт мифопоэтики — отзвуки архетипических ситуаций и образов, придающие универсальность частной истории. Чехов разрабатывает вечную тему обманутых ожиданий и поиска смысла бытия.

Рассмотрим ключевых персонажей в аспекте возможных архетипических соответствий.

Профессор Серебряков — «старый бог» павшего мира. Он являет собой фигуру патриарха, чье время ушло. Он — старое божество, наделенное было непререкаемым авторитетом, но на наших глазах низвергнутое с пьедестала. Его прибытие в усадьбу сперва воспринимается как событие эпохальное. Этот сюжет — падение ложного идола — имеет мифологические параллели: можно вспомнить хотя бы библейскую историю золотого тельца, которому поклонялись, а потом сокрушили. Серебряков был этим «золотым тельцом» для дяди Вани. Текст пьесы последовательно маркирует эту прежнюю сакрализацию: «Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! Всё, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным...» [Чехов, 1986, с. 80]. Однако этот авторитет радикально десакрализуется: профессор оказывается, по словам самого Войницкого, «мыльным пузырем» [Чехов, 1986, с. 80]. Когда Войницкий пытается застрелить профессора, это можно видеть и как реальную бытовую сцену, и как попытку ритуального убийства старого бога молодыми силами. Однако ритуал не завершается. Старый бог остается жив, хотя и опозорен. Чехов не допускает перерождения через убийство, как, например, в мифах, где Зевс свергает Кроноса, и наступает новое время. Старый бог уезжает невредим, а новый не приходит. Войницкий не занимает его место, то есть он не становится главой семьи, не женится на Елене, не утверждает новых ценностей. Как отмечает Б. И. Зингерман, в этой пьесе Чехов особенно остро показывает, «что одна

эпоха изжила себя... а новая еще ничем не заявила о себе» [Зингерман 1999, с. 40–41]. Серебряков воплощает эту изжившую эпоху. Его финальный уход — это, метафорически, уход старого века. Но чем сменится старый бог? Чехов на этот вопрос не отвечает, оставляя тревожную пустоту. В мифах на смену старым богам приходят новые герои-основатели, как Прометей, который принес огонь людям, Иисус, который принес новую веру после Ветхого Завета. В «Дяде Ване» эту роль мог бы сыграть доктор Астров с его идеями прогресса, но он тоже уезжает.

Иван Войницкий — обманутая душа. Если Серебряков — фальшивое божество, то Войницкий — его бывший жрец, переживший кризис веры. Архетипически он напоминает разочарованного пророка или падшего ангела, который восстал против того, кому служил. Его обманутая душа роднит его и с образом лишнего человека, и с библейским Иовом, который вопрошал Бога, за что ему страдания (Иов 10:2). Но если в Библии Бог отвечал Иову, то здесь Серебряков не дает достойного ответа — он лишь бормочет о своей подагре и требует уважения. И в отличие от Иова, Войницкий останется сломленным. В драматургическом отношении Войницкий особенно продуктивно сопоставим с гамлетовским типом. Как и герой Шекспира, он переживает крушение прежнего авторитета и оказывается в ситуации запоздалого и внутренне парализованного возмездия: «О, как я обманут! Я обожаю этого профессора... <...> он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут... вижу — глупо обманут...» [Чехов, 1986, с. 80], что схоже с монологом Гамлета:

... И пальцы на губах, я вас прошу. Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его! —
Нучто ж, идемте вместе [Шекспир, 1960, с. 14].

Однако Гамлет — герой исключительный. Он помещен Шекспиром в обстоятельства роковой предопределенности, а образ дяди Вани — собирательный, типичный. Гамлету предстоит сделать необратимый выбор, от которого зависит его судьба, а дядя Ваня словно застывает в вечных колебаниях — он может постоянно откладывать решения до конца. Гамлет безжалостно срывает с мира покров иллюзий через театральное действие, а дядя Ваня живет в плену собственных иллюзий и не желает с ними расставаться. В итоге Гамлет, увидев мир без прикрас, гибнет, а Войницкий лишь находит новые иллюзии и продолжает жить, без ярких свершений. Таким образом, у Шекспира архетип мстителя трагически высок; у Чехова он снижен и бытовизирован, что и создает эффект демифологизированного «русского Гамлета».

Войницкий также чувствует вину. Б. И. Зингерман указывает, что Чехов видит в вине Войницкого не просто ошибку, а трагическую вину: «Вина Войницкого — поистине трагическая вина — не сводится к тому, что он ошибся, уверовал в ничтожество и загубил жизнь. <...> [Дядя Ваня] совершает преступление по отношению к другим. Тянет их вниз за собой» [Зингерман, 1988, с. 244]. Это важный нюанс: Войницкий — не только жертва обмана, но и косвенный губитель Сони. Войницкий — «раненый царек» усадьбы: его душевная рана заразила всех унынием. Когда он вслух говорит Соне, что жизнь прожита зря, — он как бы накладывает проклятие беспросветности. Соня борет-

ся с этим, разжигая лампу веры. В языческих мифах роль такого утешителя брала на себя юная богиня весны, которая обещала обновление миру, умирающему зимой. В этом смысле Войницкий — зимний персонаж, олицетворение уходящего. Таким образом, архетип дяди Вани — сложный, объединяющий в себе черты «обманутого героя», «лишнего человека» и «вещего безумца».

Соня — *искупитель, ангел утешения*. В архетипическом ряду ее можно поставить как «душу-проводника». В мировой литературе и фольклоре часто встречается мотив, когда чистая девица своим страданием и любовью снимает проклятие или дарует спасение другим (от сказки об Аленьком цветочке до легенды о Парсифале). Она не жертвует собой физически, но она жертвует своим личным счастьем ради сохранения семьи: отказывается от мечты об Астрове; терпит отца и его жену, заботится о всем хозяйстве. Особо подчеркнем тему труда. У Чехова физический труд Сони — это символ ее морального труда по спасению семьи. Не случайно в последней сцене она говорит о труде как о добродетели: «мы отдохнем» лишь после того, как «неперестанно трудились» [Чехов, 1986, с. 116]. Это прямо коррелирует с библейским: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19) и «блаженны плачущие, ибо утешатся» (Мф. 5:4). Соня выступает как наставница в смирении, как своего рода земной ангел. В мифопоэтической традиции ее архетип — Дева-Страдалица, которая своим терпением побеждает хаос. Это, например, Ситха (жена Рамы) в индийском эпосе, которая проходит через огонь верности; или Феврония из русской житийной повести («Петр и Феврония Муромские»), что своей кротостью спасла мужа и княжество от недугов. Соня Чехова, конечно, обыкновенная девушка, но ее роль в сюжете именно такая: миротворец, хранитель очага и надежды. Когда раздается трагический аккорд, попытка самоубийства Войницкого — только Соня способна исправить ситуацию, вернуть всех к покою. Через Соню Чехов вводит в пьесу сакральный элемент. И в самом деле, она единственная произносит слово «Бог» без иронии: «Мы услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах... мы отдохнем» [Чехов, 1986, с. 116]. Даже если Чехов, будучи агностиком, вкладывает в эти слова скорее лирический образ, по факту он заканчивает пьесу псалмом Сони — и это придает всей бытовой истории высокий, надличный смысл. Искупление через любовь завершает историю.

Михаил Астров — *провозвестник нового*. Доктор Астров, в свете архетипов, близок к образу «культурного героя» — того, кто пытается привнести новое знание или ценности. Он говорит о вещах для своего времени весьма прогрессивных: об экологии, о научном взгляде на хозяйство [Чехов, 1986, с. 72]. В иной пьесе такой герой стал бы инициатором перемен, как, скажем, инженер Протасов в горьковских «Детях солнца». Но миссия Астрова остается невыполненной: он — Прометей, но не находит применения своему огню. Можно вспомнить ветхозаветного Ноя, который предупреждал о потопе, но его считали сумасшедшим; только в случае с Ноем потоп случился, и истина его открылась, а в случае с Астровым его «потоп» — это длительный, неочевидный процесс, который современники просто игнорируют. У него есть один слушатель — Соня. Это момент, когда архетипический Прометей встречает единомышленника. Но Чехов не развивает эту линию. Более того, Астров теряет к ней интерес. В «Дяде Ване» архетип «нового героя» предельно заземлен: Астров отчасти комичен, отчасти трагичен. Можно сказать, что он близок к образу Гамлета, интеллектуала, парализованного мыслью: ведь Астров

много размышляет, но решительных действий так и не совершает. Словом, «новый бог» в этой пьесе не восходит на престол. Если Серебряков — старый идол, то Астров только мог бы стать новым.

Елена Андреевна — прекрасная обольстительница, муза хаоса. Молодая жена профессора носит имя Елена — отсылающее к греческой Ελένη («светлая, солнечная»). Однако в мировом культурном контексте это имя неминуемо напоминает о Елене Прекрасной, из-за которой разгорелась Троянская война. Чеховская Елена Андреевна — женщина исключительной красоты, которая сводит с ума и дядю Ваню, и доктора Астрова, сама по себе героиня пассивна и несчастлива. В ее красоте скрыта разрушительная сила, хотя она этого и не желает: ее присутствие нарушает устоявшийся уклад усадебной жизни, пробуждает в Войницком осознание утраченной молодости, а в Астрове — горячую страсть. Недаром дядя Ваня в разговоре с племянницей образно говорит о Елене: «будто в ее жилах течет русалочья кровь» [Чехов, 1986, с. 91]. Русалка в славянском фольклоре — красавица, несущая погибель; сравнением с русалкой Чехов наделяет Елену мифическим флером роковой женщины, чарующей окружающих. Елена Андреевна могла бы выступить в роли «соблазнительницы», музыки, рушащей устои архетипической Евы или Сирены. Однако героиня слишком пассивна, лень — ее главный грех. В ней сочетаются черты русалки (красота, связанная со стихией воды и пассивной губительной тоской) и образ спящей царевны, томящейся в золотой клетке своего брака. Елена выписана как мифопоэтический образ погубленной красоты: она не приносит счастья ни себе, ни другим.

На уровне действия герои говорят и делают одно, а на глубинном — разыгрывают универсальную притчу. «Дядя Ваня» — это притча о жертве, не принесшей обновления, о невоплощенной любви, о вере, которая не оправдала себя, но в итоге о надежде, которая всё же теплится. Это по-своему экзистенциальный миф, близкий XX в.

Заключение

Дядя Ваня — не глава семьи, не герой-любовник, а человек «в тени», чей трагизм именно в том, что он прожил не свою жизнь. Таким образом, заглавие служит символическим ключом: оно фиксирует тему упущенной судьбы и подготавливает восприятие героя не как «сильной личности», а как обыкновенного человека, оказавшегося в экстремальной духовной ситуации. Поэтика заглавия проявляется и в финале: герой так и остается «дядей Ваней», то есть возвращается к исходному положению — этот круг замкнут, что придает пьесе циклическую, безысходную завершенность.

Мифопоэтика пьесы проявляется в том, что личные драмы героев резонируют с вневременными сюжетами: утраченный рай молодости, бесплодная жертва идолу, искушение красотой, искупление страданием.

В пьесе обнаруживается глубинный пласт мифопоэтики, выраженный через архетипические мотивы и символические параллели. Ее сюжет можно рассматривать в категориях ритуала смены эпох, жертвоприношения, искупления и несостоявшегося возрождения. Профессор Серебряков воплощает собой старый порядок, Войницкий — его крах и протест, Соня — смиренное спасение через любовь, Астров — нереализованное но-

вое начало, а Елена — хаотическую стихию красоты. Речь в пьесе идет о кризисе веры и ценностей, о вечном терпении «маленького человека» и его надежде, всё кончается своего рода утешением, что можно трактовать как трансформированный христианский сюжет искупления — в секулярном, бытовом преломлении. Чехов, будучи человеком своего скептического времени, тем не менее интуитивно воспроизводит в драме архетипическую структуру: через страдание к смирению, через смирение — к духовному продолжению жизни. Именно поэтому финал «Дяди Вани» столь эмоционально силен — он резонирует с глубинными пластами коллективного бессознательного, с тем, что М. Метерлинк назвал бы «вечной драмой в душе» персонажей.

Еще в 1880-х гг. Чехов, будучи под впечатлением от тургеневской статьи «Дон Кихот и Гамлет», выявляющей вечные начала в художественном образе, писал брату о насущной необходимости подобного чтения, причем чтения трудного [Чехов, 1974, с. 29], потому что сам он активно думал о практическом овладении подобными технологиями. В 1890-х гг. это стремление обрело формулировку о «расширении художественной впечатлительности» как норме модернистской стратегии письма. Рассмотрение произведений этого времени в архетипической оптике — один из путей выявления наличия указанного «расширения» мастерами слова новой русской драмы.

Список литературы

- Большакова А. Ю. 2003. Архетип в теоретической мысли XX века // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. II. Художественный текст и контекст культуры. М.: Наука. С. 284–319.
- Володина М. В. 2010. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта: Наука. 256 с.
- Гольденберг А. Х. 2013. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. М.: Флинта: Наука. 232 с.
- Димитров Л. 2007. Чеховский «Дядя Ваня» и «частные правила» драматургии // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М.: Наука. С. 386–393.
- Доманский Ю. В. 2008. Вариативность драматургии А. П. Чехова. Тверь: Лилия Принт. 160 с.
- Зингерман Б. И. 1988. Театр Чехова и его мировое значение. М.: Наука. 384 с.
- Клейтон Д. 1995. Отсутствие веры (О психологическом строе, символике и поэтике пьесы «Дядя Ваня») // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М.: Наука. С. 159–168.
- Козлова С. М. 1993. Парадоксы драмы — драма парадоксов. Новосибирск: Изд-во НГУ. 220 с.
- Комаров С. А. 2002. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX в. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 278 с.
- Комаров С. А. 2014. Скафтымовская версия «Чайки» и «Вишневого сада» в перспективе современного чеховедения // Наследие А. П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: коллективная монография. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. С. 117–121.
- Кондратьева В. В., Ларионова М. Ч. 2012. Художественное пространство в пьесах А. П. Чехова 1890-х — 1900-х гг.: мифопоэтические модели. Ростов-на-Дону: Foundation. 208 с.

- Лейдерман Н. А. 2006. Об изучении теории литературы в старших классах // Уроки для души. О преподавании литературы в школе. Статьи. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. С. 150–161.
- Лукин В. А. 2005. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89. 560 с.
- Маслова Е. А. 2014. «Дядя Ваня» и «Три сестры»: мифопоэтика постсибирских драм А. П. Чехова // Изнутри и извне Сибири: А. Чехов — А. Вампилов — В. Шукшин: коллективная монография / отв. ред. С. А. Комаров. Тюмень: Изд-во ИГПИ им. П. А. Ершова. С. 189–215.
- Мелетинский Е. М. 1994. О литературных архетипах. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 136 с.
- Мелетинский Е. М. (ред.) 2001. Литературные архетипы и универсалии. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 433 с.
- Тюпа В. И. 2009а. Анализ художественного текста. 3-е изд. М.: Академия. 336 с.
- Тюпа В. И. 2009б. А. П. Чехов (1860–1904) // История русской литературы конца XIX — начала XX века: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. А. Келдыша. М.: Академия. С. 82–108.
- Ханзен-Лёве А. 1991. Русский символизм: система поэтических мотивов. М.: Гнозис. 440 с.
- Химич В. В. 2005. О художественной системе А. П. Чехова // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1: Новые художественные стратегии / отв. ред. Н. А. Лейдерман. Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО. С. 50–70.
- Чехов А. П. 1974. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1. М.: Наука. 583 с.
- Чехов А. П. 1986. Дядя Ваня // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Наука. С. 61–116.
- Шекспир У. 1960. Гамлет, принц Датский / пер. с англ. М. А. Лозинского // Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Искусство. С. 5–157.
- Юнг К.-Г. 1997. Душа и миф: шесть архетипов. Москва; Киев: Совершенство: Port-Royal. 384 с.
- Evdokimova S. 2023. Staging Existence: Chekhov's Tetralogy. University of Wisconsin Press. 289 pp. <https://doi.org/10.1111/russ.12637>.
- Pauls J. P. 1975. Chekhov's Names // Names: A Journal of Onomastics. Vol. 23 (2). Pp. 67–73. <https://doi.org/10.1179/nam.1975.23.2.67>.

References

- Bolshakova, A. Yu. (2003). Archetype in the theoretical thought of the 20th century. In *Theoretical and Literary Results of the 20th Century. Vol. II: Literary Text and Cultural Context* (pp. 284–319). Nauka. [In Russian]
- Volodina, M. V. (2010). *Concepts, Universals, and Stereotypes in Literary Studies*. Flinta; Nauka. [In Russian]
- Goldenberg, A. Kh. (2013). *Archetypes in the Poetics of N. V. Gogol*. Flinta; Nauka. [In Russian]
- Dimitrov, L. (2007). Chekhov's "Uncle Vanya" and the "private rules" of dramaturgy. In *Chekhoviana. From the 20th to the 21st Century: Results and Expectations* (pp. 386–393). Nauka. [In Russian]

- Domansky, Yu. V. (2008). *Variability of A. P. Chekhov's Dramaturgy*. Liliya Print. [In Russian]
- Zingerman, B. I. (1988). *Chekhov's Theatre and Its Global Significance*. Nauka. [In Russian]
- Clayton, D. (1995). Absence of faith (On the psychological structure, symbolism, and poetics of the play "Uncle Vanya"). In *Chekhoviana. Melikhovo Works and Days* (pp. 159–168). Nauka. [In Russian]
- Kozlova, S. M. (1993). *Paradoxes of Drama – The Drama of Paradoxes*. Novosibirsk State University Press. [In Russian]
- Komarov, S. A. (2002). *A. Chekhov — V. Mayakovsky: The Comedy Writer in Dialogue with Russian Culture of the Late 19th – First Third of the 20th Century*. Tyumen State University Press. [In Russian]
- Komarov, S. A. (2014). Skaftymov's version of "The Seagull" and "The Cherry Orchard" in the perspective of contemporary Chekhov studies. In *The Legacy of A. P. Skaftymov and the Poetics of Chekhov's Dramaturgy* (pp. 117–121). A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum. [In Russian]
- Kondratyeva, V. V., & Larionova, M. Ch. (2012). *Artistic Space in A. P. Chekhov's Plays of the 1890s–1900s: Mythopoetic Models*. Foundation Press. [In Russian]
- Leiderman, N. L. (2006). On the study of literary theory in senior school. In *Lessons for the Soul: On Teaching Literature at School* (pp. 150–161). Tyumen State University Press. [In Russian]
- Lukin, V. A. (2005). *Literary Text: Foundations of Linguistic Theory. Analytical Minimum*. Os-89. [In Russian]
- Maslova, E. A. (2014). "Uncle Vanya" and "Three Sisters": Mythopoetics of A. P. Chekhov's post-Siberian dramas. In S. A. Komarov (Ed.), *From and Within Siberia: A. Chekhov — A. Vampilov — V. Shukshin* (pp. 189–215). Ishim State Pedagogical Institute named after P. L. Ershov. [In Russian]
- Meletinsky, E. M. (1994). *On Literary Archetypes*. Russian State University for the Humanities. [In Russian]
- Meletinsky, E. M. (Ed.). (2001). *Literary Archetypes and Universals*. Russian State University for the Humanities. [In Russian]
- Tyupa, V. I. (2009a). *Analysis of a Literary Text* (3rd ed.). Akademiya. [In Russian]
- Tyupa, V. I. (2009b). A. P. Chekhov (1860–1904). In V. A. Keldysh (Ed.), *History of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century* (Vol. 1, pp. 82–108). Akademiya. [In Russian]
- Hansen-Löve, A. (1991). *Russian Symbolism: A System of Poetic Motifs*. Gnosis. [In Russian]
- Khimich, V. V. (2005). On the artistic system of A. P. Chekhov. In N. L. Leiderman (Ed.), *Russian Literature of the 20th Century: Patterns of Historical Development. Book 1: New Artistic Strategies* (pp. 50–70). Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Branch of the Russian Academy of Education. [In Russian]
- Chekhov, A. P. (1974). *Complete Works and Letters in 30 Vols. Letters in 12 Vols*. Vol. 1. Nauka. [In Russian]
- Chekhov, A. P. (1986). Uncle Vanya. In *Complete Works and Letters in 30 Vols. Works in 18 Vols*. Vol. 13 (pp. 61–116). Nauka. [In Russian]
- Shakespeare, W. (1960). Hamlet, Prince of Denmark (Translation by M. L. Lozinsky). In W. Shakespeare, *Complete Works in 8 Vols*. Vol. 6 (pp. 5–157). Iskusstvo. [In Russian]

- Jung, C. G. (1997). *The Soul and Myth: Six Archetypes*. Sovershenstvo; Port-Royal. [In Russian]
- Evdokimova, S. (2023). *Staging Existence: Chekhov's Tetralogy*. University of Wisconsin Press. <https://doi.org/10.1111/russ.12637>
- Pauls, J. P. (1975). Chekhov's Names. *Names: A Journal of Onomastics*, 23(2), 67–73. <https://doi.org/10.1179/nam.1975.23.2.67>

Информация об авторах

Вячеслав Сергеевич Шилов, аспирант кафедры языкознания и литературоведения по направлению «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000214413@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9765-8007>

Сергей Анатольевич Комаров, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
vitmarki4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Information about the authors

Vyacheslav S. Shilov, Postgraduate Student (Russian Literature and Literature of the People of the Russian Federation), Department of Linguistics and Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000214413@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9765-8007>

Sergey A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Professor of the Department of Linguistics and Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
vitmarki4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Товарные палатки приказа Тайных дел в Российском государстве во второй половине XVII в.

Лариса Юрьевна Варенцова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
Контакт для переписки: l_yarentsova.65@mail.ru

Аннотация. В 1654 г. царь Алексей Михайлович учредил приказ Тайных дел, который функционировал до самой смерти великого государя в 1676 г. Он занимался делами политическими, дворцовыми, военными, гражданскими, уголовными. Цель данной статьи — изучить особое направление в деятельности Тайного приказа — заведование Большой и Малой товарными палатками царя Алексея Михайловича. Источниковой базой послужили неопубликованные делопроизводственные документы из Российского государственного архива древних актов (г. Москва) (ф. 27 «Приказ Тайных дел», ф. 396 «Оружейная палата»), воспоминания современников-иностранцев: немецкого путешественника А. Олеария, Антиохийского патриарха Макария III, секретаря австрийского посольства, прибывшего в Москву в 1675 г., А. Лизека. Из фонда 27 нами использовано дело 367 «О заведовании в приказе Большого дворца рыбными и соляными промыслами: астраханскими, черноморскими и яицкими 1676 г.». В нем рассматривается деятельность ликвидационной комиссии во главе с боярами князьями Н. И. Одоевским и М. Ю. Долгоруким после упразднения Тайного приказа в 1676 г., определяются судьбы основных хозяйственных объектов, принадлежавших этому центральному учреждению. Из фонда 396 нами анализировалось дело 53158 под названием «1676 г. февраля. Роспись сел с деревнями и угодьями, железных и соляных заводов и рыбных промыслов, находившихся в ведомстве приказа Тайных дел». Дело отражает основные направления дворцового хозяйства, находившегося в ведении приказа Тайных дел. Воспоминания немецкого путешественника А. Олеария характеризуют российскую международную торговлю в XVII в. Мемуары Антиохийского патриарха Макария III и секретаря австрийского посольства А. Лизека являются иллюстративным материалом о подарках иностранных гостей царю Алексею Михайловичу. Автор пришел

к выводу о том, что появление палаток было связано с развитием дипломатических и торговых связей России во второй половине XVII столетия, активным участием дьяков и подьячих приказа Тайных дел в их функционировании.

Ключевые слова: Россия, вторая половина XVII в., приказ Тайных дел, Большая товарная палатка, Малая товарная палатка

Цитирование: Варенцова Л. Ю. 2026. Товарные палатки приказа Тайных дел в Российском государстве во второй половине XVII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 103–121. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-103-121>

Поступила 26.01.2026; одобрена 01.07.2026; принята 12.07.2026

Goods Chambers of the Secret Affairs Order in the Russian state in the second half of the 17th century

Larisa Yu. Varentsova ✉

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

Corresponding author: l_varentsova.65@mail.ru*

Abstract. In 1654, Tsar Alexei Mikhailovich established the Secret Affairs Order, which functioned until the death of the great emperor in 1676. It dealt with political, palace, military, civil, and criminal matters. The purpose of this article is to study a special area in the activities of the Secret Order — the management of Large and Small Goods Chambers of Tsar Alexei Mikhailovich. The source base was unpublished office documents from the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) (f. 27 “Order of Secret Affairs”, f. 396 “The Armory”), memoirs of foreign contemporaries — the German traveler A. Olearius, Patriarch Macarius III of Antioch, secretary of the Austrian embassy, who arrived in Moscow in 1675, A. Lizek. From fund 27, we used case 367 “On the management of the Astrakhan, Chernoyarsk and Yaitsky fisheries in the order of the Grand Palace in 1676”. It examines the activities of the liquidation commission headed by boyars knyazs N. I. Odoevsky and M. Yu. Dolgoruky after the abolition of the Secret Order in 1676, and determines the fate of the main economic facilities belonging to this central institution. Out of fund 396, we analyzed case 53158 called “February 1676. List of villages, hamlets, ironworks, saltworks, and fisheries under the Secret Affairs Order”. The case reflects the main directions of the

palace economy, which was under the jurisdiction of the Secret Affairs Order. The memoirs of the German traveler A. Olearia characterize Russian international trade in the 17th century. The memoirs of Patriarch Macarius III of Antioch and Secretary of the Austrian Embassy A. Lizek are illustrative material about gifts given by foreign guests to Tsar Alexei Mikhailovich. The author came to the conclusion that the appearance of the chambers was associated with the development of diplomatic and trade relations in Russia in the second half of the 17th century, the active participation of clerks and scribes of the Secret Affairs Order in their functioning.

Keywords: Russia, second half of the 17th century, Secret Affairs Orders, Large Goods Chamber, Small Goods Chamber

Citation: Varentsova, L. Yu. (2026). Goods Chambers of the Secret Affairs Order in the Russian state in the second half of the 17th century. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 103–121. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-103-121>

Received Jan. 26, 2026; Reviewed Jul. 1, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Приказ Тайных дел получил самые разнообразные оценки в историографии. Особенно дискуссионными оказались вопросы, связанные с причинами возникновения и функциями этого органа центрального управления в России во второй половине XVII столетия. Современник существования приказа Тайных дел Г. К. Котошихин считал, что его появление объясняется желанием царя Алексея Михайловича действовать помимо Боярской думы [Котошихин, 2000, с. 107].

Тайный приказ являлся одним из важнейших центральных органов власти. Неслучайно В. Е. Романовский в своем труде «Государственные учреждения Древней и Новой России» писал, что в приказе Тайных дел доминировал царь Алексей Михайлович, и главным предназначением приказа являлось осуществление контроля над всей структурой власти [Романовский, 1911, с. 328]. Аналогичной точки зрения придерживался датский исследователь С. О. Кристенсен. По его мнению, в приказе Тайных дел было сконцентрировано управление многими приказами, причем в руках одного великого государя, и главной задачей данного приказа было наблюдение за всей политической жизнью в стране [Кристенсен, 1989, с. 68].

Историки высказывали самые противоположные суждения, размышляя об основном назначении приказа Тайных дел. Например, дореволюционный исследователь И. Я. Гурлянд, автор фундаментальной работы «Приказ великого государя Тайных дел», пришел к выводу, что данный приказ являлся чем-то вроде «испанской инквизиции» [Гурлянд, 1902, с. 3]. Историк Н. И. Костомаров называл это учреждение «началом тайной полиции в России» [Костомаров, 1997, с. 198]. С точки зрения С. М. Соловьева, Тайный приказ был учрежден как частная канцелярия царя Алексея Михайловича [Соловьев,

1962, с. 78]. Похожая, но весьма оригинальная оценка деятельности приказа Тайных дел была у С. Б. Веселовского, считавшего, что царю Алексею Михайловичу хотелось иметь по примеру своего предка (Ивана Грозного) «свою опричнину», но безобидного характера [Веселовский, 1912, с. 16].

Историки М. Барановский [Барановский, 1914, с. 8] и А. И. Заозерский [Заозерский, 1937, с. 18–19] пришли к выводу о том, что главным назначением приказа Тайных дел была организация дворцового хозяйства во второй половине XVII в.

Современные исследователи Д. В. Лисейцев, Н. М. Рогожин, Ю. М. Эскин считают приказ Тайных дел «личной канцелярией царя» [Лисейцев и др., 2015, с. 214]. Они отмечают, что формально главой являлся царь Алексей Михайлович, имевший в приказе свой стол, при этом тайный дьяк имел право подписывать указы за царя. Авторы констатируют, что приказ Тайных дел имел самые разные обязанности, начиная от организации царской соколиной охоты и ведения личной переписки царя до тайного политического сыска [Лисейцев и др., 2015, с. 215].

По мнению доктора исторических наук Э. Л. Дубмана, приказ Тайных дел вел активную экономическую деятельность, возглавлял его сам царь Алексей Михайлович, руководивший различными отраслями дворцового хозяйства [Дубман, 2000, с. 148].

Суммируя высказанные мнения, можно прийти к убеждению, что приказ Тайных дел ведал самыми разнообразными делами, о чем свидетельствуют материалы данного центрального учреждения. Приказ Тайных дел был учрежден царем Алексеем Михайловичем. Он представлял собой административное учреждение, состоявшее в непосредственном ведении царя и ближайших к нему дьяков и подьячих.

Приказ Тайных дел привлекал внимание современников, историков. При этом некоторые направления деятельности Тайного приказа остаются до сих пор неисследованными. К числу таких вопросов относится и заведование товарными палатками. Из историков палатки приказа Тайных дел упоминал лишь И. Я. Гурлянд [Гурлянд, 1902, с. 198]. Специальных трудов по этой теме не существует. В этом заключается новизна данной статьи.

Следует отметить существенный вклад отечественных исследователей, занимавшихся изучением внутренней и внешней торговли Российского государства в XVII в., в разработку данной темы. Речь идет об изучении экспедиции подьячего Тайного приказа К. Демидова, отправившегося в 1663–1665 гг. с торговой миссией в Персию. Как известно, привезенные К. Демидовым экзотические восточные товары (бархат, парча, шелк, атлас, камка, ковры) стали основой для формирования и функционирования Большой товарной палатки приказа Тайных дел.

Можно выделить целую группу отечественных исследователей, чьи труды посвящены организации внутренней и внешней торговли России в XVII в. Среди них историк досоветского периода Н. И. Костомаров [Костомаров, 1862], ученые советского периода К. В. Базилевич и Н. В. Устюгов [Базилевич, Устюгов, 1955], В. А. Ковригина и Л. М. Марасинова [Ковригина, Марасинова, 1979], В. И. Буганов [Буганов, 1989], а также исследователи постсоветского времени А. В. Демкин [Демкин, 2007], Я. Н. Рабинович [Рабинович, 2019], Р. С. Асташкин [Асташкин, 2021] и другие.

Среди перечисленных ученых деятельность экспедиции К. Демидова анализировалась в трудах В. А. Ковригиной и Л. М. Марасиновой, Я. Н. Рабиновича.

В 1979 г. впервые об экспедиции К. Демидова упоминается в работе В. А. Ковригиной и Л. М. Марасиновой «Торговля, пути и средства передвижения», вошедшей в состав «Очерков по истории русской культуры XVII в.» [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 133]. В. А. Ковригина и Л. М. Марасинова справедливо отмечали, что организатором международной торговли выступил царь Алексей Михайлович, и экспедиция К. Демидова снаряжалась в Персию по инициативе великого государя. Авторы указывали, что привезенные товары продавались лишь в Москве на гостином дворе [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 133]. При этом они не сконцентрировали внимание на том, что некоторая часть персидских товаров шла на государевы пожалования, а основная часть «кызылбашских товаров» поступила в Большую товарную палатку Тайного приказа. Да и сам приказ Тайных дел никаким образом не связывается с организацией и проведением данной экспедиции.

Продолжил изучение деятельности экспедиции К. Демидова в Персию во второй половине XVII в. Я. Н. Рабинович. В 2019 г. в работе «Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII в.» он показал значение Саратова в организации системы международной торговли России. Я. Н. Рабинович отмечал, что во второй половине XVII в. через Саратов переправлялись «государевы покупные товары», закупленные в Персии подъячим приказа Тайных дел К. Демидовым [Рабинович, 2019, с. 229]. Я. Н. Рабинович сделал акцент на помощи местных властей в поддержке экспедиции.

Вклад автора данной статьи в изучение темы заключается в том, что впервые в ней отражена особая функция приказа Тайных дел — руководство Большой и Малой товарными палатками, показано участие царя Алексея Михайловича в установлении торговых и дипломатических связей России во второй половине XVII столетия.

Результаты и обсуждение

Формирование Малой товарной палатки приказа Тайных дел как сокровищницы диковинных царских товаров во второй половине XVII в.

Во второй половине XVII в. в распоряжении царя Алексея Михайловича находились Большая и Малая товарные палатки. Их функционирование обеспечивалось с помощью приказа Тайных дел. Служители приказа, имевшие отношение к товарным палаткам, находились на особом положении у великого государя. По мнению Антиохийского патриарха Макария III (1647–1672 гг.) — крупнейшего церковного деятеля и писателя православного Востока, прибывшего в Москву и посетившего 11 февраля 1655 г. царя Алексея Михайловича [Путешествие антиохийского патриарха Макария, с. 120], — казначеи (подъячий приказа Тайных дел. — Л. В.) имел большую значимость среди царского окружения. Макарий называл его «хиамджи баши», что означало «имевший

попечение о царских палатках» [Путешествие антиохийского патриарха Макария, с. 125–126].

Малая товарная палатка располагалась у великого государя «в Верху, на заднем дворе»ⁱ. По-другому ее именовали «Малой казенной палаткой», «Казенной каменной палаткой», «Верхней палаткой». Ведал данной палаткой подьячий приказа Тайных дел П. Кудрявцев.

В 1675 г. по указу царя Алексея Михайловича П. Кудрявцев переведен управлять новым Аптекарским двором, а дела, связанные с Малой товарной палаткой, переданы другому подьячему приказа Тайных дел А. Волковуⁱⁱ. В связи с этим назначением проводилась ревизия в палатке, создавалась переписная книга товаров.

В данной палатке хранились различные ценные вещи, редкие и дорогие товары, подаренные царю Алексею Михайловичу или приобретенные им. В ней находились золотые и серебряные сосуды, церковная утварь, драгоценные металлы, иностранные монеты, греческое мыло, изделия из венецианского стекла, хрусталя. Согласно «Переписной книге Верхней Палатки (1675–1676 гг.)», в Малой товарной палатке хранились «всякие узорочные товары»ⁱⁱⁱ.

Особое место в Малой товарной палатке отводилось подаркам, полученным царем Алексеем Михайловичем от Александрийского и Антиохийского патриархов. 11 февраля 1655 г. Антиохийский патриарх Макарий прибыл к царю Алексею Михайловичу и преподнес ему превосходную критскую икону «с изображением лозы, которая выходит из Господа Христа и несет двенадцать учеников Его» [Путешествие антиохийского патриарха Макария, с. 120].

Ценились редкие иностранные товары из Венеции, Греции, Турции, Германии, Индии. По сообщению секретаря австрийских послов А. Лизека, в 1675 г. царю Алексею Михайловичу от императора римского Леопольда были преподнесены следующие подарки: серебряная чаша удивительной работы, с чеканным изображением императора римского и августейшей его супруги Клавдии; рукомойница из горного хрусталя с золотом; большие настенные часы с серебряной доской, золотыми стрелками и драгоценными камнями [Лизек, 1837, с. 30–31]. В этой же палатке имелось отделение ризниц Саввино-Сторожевского монастыря, Рождественского дворцового собора и др. [Гурлянд, 1902, с. 198].

Таким образом, Малая товарная палатка приказа Тайных дел создавалась как хранилище уникальных царских товаров царя Алексея Михайловича. Ее функционирование было тесно связано с деятельностью приказа Тайных дел.

ⁱ Переписная книга Верхней Палатки (1675–1676 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1661.

ⁱⁱ Там же.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 1664.

Становление и развитие Большой товарной палатки приказа Тайных дел в 1663–1676 гг.

В 1663–1665 гг. шел процесс создания Большой товарной палатки. Он был связан с развитием внешней и внутренней торговли Российского государства. Согласно «Переписной книге Верхней Палатки (1675–1676 гг.)», в Большой товарной палатке, «что у Срестья», содержались персидские и китайские товары, ведавшиеся в приказе Тайных дел¹.

Немецкий ученый, посол Голштинии Адам Олеарий отмечал, что великий князь получал большие деньги от внешней и внутренней торговли соболями и другими мехами. С этой целью в Персию и Турцию посылались специальные лица, которым он доверял ценные товары и большие суммы наличных денег [Олеарий, 2003, с. 230]. За границей российские царские товары обменивались на импортные, или иноземные изделия покупались на деньги и привозились в Москву. Приказ Тайных дел занимался организацией торговли.

Во второй половине XVII в. Россия вела оживленную международную торговлю. Россия занимала своеобразное промежуточное («транзитное») место по отношению к странам Западной и Центральной Европы и крупным державам Востока [Асташкин, 2021, с. 19].

Торговые связи России с западными странами развивались через Архангельск, Новгород, Псков, Смоленск, Путивль, Свенскую ярмарку [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 122–124]. Ожились торговые контакты с Англией и Голландией, Швецией, Лифляндией, Польшей. В торговле с западноевропейскими странами ведущее место занимал Двинско-Беломорский путь, который стал одним из самых оживленных в то время. Особую роль в торговле с европейскими странами занимал Архангельск [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 130]. Только через Архангельский порт Россия вывозила кожи, рожь, ячмень, пшеницу, сало, поташ, меха, шпик, мясо, икру, щетину, полотно, воск, персидский шелк, бобровую шерсть, рогожи, смолу, деготь, слюду, москательные товары [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 130].

Через Новгород, Псков, Тихвин, Смоленск в больших количествах за границу отправлялись пенька, лен, кожи, холст, сукно, ввозились в Россию железо, медь, олово, свинец, промышленные изделия. Торговые операции проводили купцы Стояновы (Новгород), Поганкины и Русиновы (Псков), Самсоновы (Тихвин) [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 133].

Предметами ввоза в Россию с Запада и Востока также были сукно, порох, мушкеты и другое оружие, жемчуг, бирюза, яхонты, пряности, благовония, лимоны, чернослив, грецкие орехи, вина, шелковые и хлопчатобумажные ткани, писчая бумага, нитки, кружева, химические товары (купорос, нашатырь и пр.) [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 130].

В восточной торговле важнейшую роль играла Астрахань [Демкин, 2007, с. 97–98], затем сибирские города Тобольск, Тюмень и Тара. Налаживались торговые отношения

¹ Переписная книга Верхней Палатки (1675–1676 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1661.

России со странами Средней Азии и Кавказа, Персией, империей Великих Моголов в Индии, Китае [Буганов, 1989, с. 69–72].

Главной магистралью в торговле России с Востоком оставалась Волга [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 130]. Она была важнейшим путем, связывавшим нашу страну с Персией и Средней Азией. Из Астрахани морем переправлялись до Мангышлакских пристаней, далее шли через степь в Ургенч и Бухару. В Кызылбашскую землю (Персию) отправлялись по морю, до Ниловой пристани, к югу от Дербента, а далее добирались до Шемахи, Решта, Фарата [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 131]. Этот путь считался самым удобным и коротким.

С Востока — из Хивы, Бухары, Персии — в Россию привозили шелк-сырец, шелковые и бумажные ткани, ковры, сафьяны, драгоценные камни, различные дорогие вещи. В обмен на них поставлялись меха, моржовая кость, кожи, западноевропейские товары. [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 134]. Наряду с царской торговлей, осуществлявшейся с помощью послов и «государевых купчин», существовала и частная торговля. Ее вели гости Г. Никитников, В. Шорин, Е. Филатьев, В. Воронин, А. Олисов и другие [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 134].

В 1663 г. по указу царя Алексея Михайловича была организована экспедиция в Персию. Возглавил ее подъячий приказа Тайных дел К. Демидов [Рабинович, 2019, с. 229]. Обратный путь экспедиции в Москву проходил через Саратов, откуда отправлялись казенные грузы, так называвшиеся «государевы покупные товары» из Персии [Рабинович, 2019, с. 229]. Воевода Саратова князь А. Путятин оказывал К. Демидову всемерную поддержку, поскольку он обязывался обеспечить отправку этих казенных грузов [Рабинович, 2019, с. 229].

В «Книгах персидских товаров» за 1663–1665 гг. отмечается, что в Персидскую землю была направлена экспедиция во главе с подъячим приказа Тайных дел «Кирюшком Демидовым с товарищи»ⁱ. Цель экспедиции — продавать русские товары и менять их на заграничные. Царь Алексей Михайлович приказал К. Демидову выделить 17 200 руб., в том числе из приказа Большой казны — 3 000 золотых рублей, по 2 500 руб. из приказа Тайных дел и Государевой мастерской палаты, из Новгородской чети — 2 000 руб., из приказа Сысканого денежного дела — 1 000 руб.ⁱⁱ

Из этих сумм потребовались немалые деньги на снаряжение экспедиции. Государевы деньги расходовались в Нижнем Новгороде, Казани. Новые струги для перевозки товаров закупались в Нижнем Новгороде. Нижегородские работники перегружали «великого государя казну» с московских худых судов в новые струги. В Казани приобрели 12 осиновых коробок для укладки товаров. Купили 300 сальных свечей для водолизов

ⁱ Книги Персидских товаров. Книга 1663–1665 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1413.

ⁱⁱ Там же.

и стрельцов, карауливших товарыⁱ. Приобрели специальные ремни для вязки соболей, а также пряжу — для фиксирования соболиных пупков.

Путь экспедиции пролегал через Астрахань. В организации экспедиции принимал активное участие астраханский воевода. Известно, что на «задаток лошадей» было выделено в Астрахани боярину и воеводе князю Г. С. Черкасскому. Ему же выделено жалованье в размере 1 000 руб.ⁱⁱ В Астрахани, по указу царя Алексея Михайловича, К. Демидову были назначены целовальники, «самые лучшие и знающие», побывавшие за морями. На практике же, в Астрахани подобрали таких шесть целовальников, которые никогда из России не выезжалиⁱⁱⁱ.

Для экспедиции К. Демидова царь Алексей Михайлович принимал у русских купцов ценные товары: собольи меха и пупки, тонкие ярко-алые сукна — кармазины [Даль, 2002, с. 354], английские сукна, шерстяные косонитные ткани — стамеды [Даль, 2003, с. 272] и медь. Меха, кожи, моржовая кость, металлы, западноевропейские товары вывозились из России в Персию [Устюгов, 1974, с. 59]. У гостя О. Филатьева было закуплено соболей на 11 800 руб.^{iv} У гостя «Офонася Скорой Записи» также покупались собольи меха для экспедиции. Кармазинные и английские сукна для экспедиции поставлены гостиней сотни купцом И. Клишиным. Сукна красного, вишневого, малинового, коричневого, голубого и темно-зеленого цветов принимались кипами. В «Книгах персидских товаров» за 1663–1665 гг. значится, что сукна были «Галанские земли покупки иноземца Юстра Абрамова»^v. Подьячий приказа Тайных дел вел на продажу товаров на сумму 76 949 руб. [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 133].

По поручению руководителя экспедиции К. Демидова привезенные из России товары развозились его помощниками по разным персидским городам [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 133]. Например, торговые операции производились в Шемахе, Кашане, Тебризе и других городах [Гурлянд, 1902, с. 194]. Целовальники Г. Черноусов, Г. Трехбратенников продавали в Тебризе государевы товары: соболя и пупки соболей, сукна по московским ценам^{vi}.

Не обошлось и без приключений. В Тебризе из лавки русских товаров были украдены собольи пупки. К счастью целовальников, вор был пойман^{vii}.

Также на русские золотые и серебряные деньги в городах приобретались экзотические ткани: золотные, полосатые и гладкие бархаты; вишневые, красные, коричневые атласы; золотые и серебряные материи с травами — зарбафы; шелка с разводами — камки [Даль,

ⁱ Книги Персидских товаров. Книга 1663–1665 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1426.

ⁱⁱ Там же. С. 1413.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 1425.

^{iv} Там же. С. 1415.

^v Там же. С. 1419.

^{vi} Там же. С. 1427–1428.

^{vii} Там же. С. 1431.

2002, с. 336], шелка из персидского города Кашана — так называвшиеся «кашанские дороги»ⁱ, парчи — шелковые ткани, протканые золотом или серебром [Даль, 2003, с. 180]. Целовальник Я. Воинов специализировался на закупках сафьяновⁱⁱ, красных бумажных набойчатых тканей — киндяков [Даль, 2002, с. 21]. Особо ценились ковры восточной работы — золотные, серебряные, шелковые, а также шерстяные, выполненные на бумажной основеⁱⁱⁱ. Всё приобретаемое фиксировалось в особой «покупной книге»^{iv}.

Русские товары и деньги расходовались на подарки администрации в персидских городах: Шемахе, Кашани. Например, в Кашани визирю Калентарю дано в почесть пара соболей^v. Закупки персидских товаров производились по указу царя Алексея Михайловича^{vi}.

Закупались шелковые ткани восточного происхождения — «дараги» («дороги») — гладкие, полосатые, волнистые^{vii}. Приобретались только ткани очень высокого качества. Как отмечается в «Книгах Персидских товаров» за 1666–1670 гг., русская делегация покупала ткани от «самого доброго дела мастера»^{viii}.

Ткани бережно упаковывались для перевозки в Россию. Например, везли «дараги» в особых сундуках, перекладывая специально закупленной для упаковки бязью^{ix}. Русская делегация закупала «дараги» двух видов: «кашанские» и «лагожанские»^x. Они были изготовлены соответственно в городах Кашан и Лахиджан (на территории современного Ирана. — Л. В.).

Приобретались кисеи — прозрачные легкие ткани. Они также бережно упаковывались в дорогу с помощью бязи^{xi}.

Закупленные русскими послами бумажные ткани под названием «киндяки» вырабатывались «в-Ыспогани»^{xii} — в г. Исфагане (Иран. — Л. В.). В Казвине (в «Книгах Персидских товаров» за 1666–1670 гг. — «Казбине») покупались сафьяны^{xiii}. На их обертку

ⁱ Книги Персидских товаров. Книга 1663–1665 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1426.

ⁱⁱ Там же. С. 1434.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 1455.

^{iv} Там же. С. 1435.

^v Там же. С. 1446.

^{vi} Там же. С. 1481.

^{vii} Книги Персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1462.

^{viii} Там же.

^{ix} Там же.

^x Там же. С. 1469.

^{xi} Там же. С. 1462.

^{xii} Там же. С. 1466.

^{xiii} Там же. С. 1470.

использовали войлоки, веревкиⁱ. Выделялись тебризскиеⁱⁱ и кумскиеⁱⁱⁱ сафьяны, соответственно произведенные в г. Тебризе и в горном районе Кумы (современный Северный Азербайджан. — Л. В.).

Везли в Россию с Востока диковинные меха^{iv}. Например, упоминаются «овчины барсовые»^v. Таким образом, приобретались диковинные восточные товары, изготовленные в разных городах.

Расходовались восточные товары по усмотрению государя. Некоторая часть товаров поступила для продажи и была передана гостю И. Панкратьеву. Ему было указано продавать персидские товары «всяких чинов людям» на гостинном дворе, по четко определенным ценам [Ковригина, Марасинова, 1979, с. 133]. Часть персидских товаров продавалась торговыми людьми — гостем А. Кириловым и его сыном Яковом, гостем А. Сухановым, купцом гостиной сотни С. Сверчковым и его братом Иваном, купцом гостиной сотни Я. Лабозным^{vi}.

Другая часть экзотических товаров из Персии предназначалась для государевых пожалований. 16 августа 1667 г. царь Алексей Михайлович пожаловал персидскими коврами Антиохийского патриарха Макария и Александрийского патриарха Паисия^{vii}. 6 мая 1668 г. в хоромы к великому государю дьяк приказа Тайных дел Ф. Михайлов принес «зарбаф золотной с серебром» и из хором передал дорогую ткань полковнику и голове А. Матвееву, которому было поручено организовать изготовление «подпушек» «к ризам и к стихарем» для вселенских патриархов^{viii}.

В том же 1668 г. персидскими атласами жаловались думные дьяки А. Дуров, А. Голосов^{ix}. Некоторые ткани (зарбафы, бархаты и пр.) поступали в Царскую мастерскую палату для изготовления одежды для государя^x.

Приказом Тайных дел велись книги приходные и расходные кизилбашским товарам: зарбафам, атласам, камкам, коврам, бархатам, парчам, шелкам. Царская торговля

ⁱ Книги Персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1470.

ⁱⁱ Там же. С. 1475.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 1472.

^{iv} Там же.

^v Там же.

^{vi} Книги Персидских товаров. Книга 1670–1672 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1561.

^{vii} Книги Персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1500.

^{viii} Там же. С. 1482.

^{ix} Там же.

^x Там же. С. 1502.

с Персией была организована при посредстве Тайного приказа, послов, «государевых купчин» [Базилевич, Устюгов, 1955, с. 134].

Основная часть диких товаров из Персии, привезенных экспедицией К. Демидова, предназначалась для основания Большой товарной палатки приказа Тайных дел. В 1665 г., после возвращения экспедиции К. Демидова, она была окончательно учреждена. Большую товарную палатку было принято называть «Купеческой палатой Кизилбашских товаров, покупки подъячего К. Демидова»ⁱ. В 1675 г. в Персию «для покупки всяких товаров» направлялся астраханец С. Савельев [Гурлянд, 1902, с. 195].

Товары, хранившиеся в Большой товарной палатке, записывались в особые книги, которые велись в приказе Тайных дел. В книгах фиксировался приход и расход этим товарам. Деньги, выручавшиеся от продажи товаров из Большой товарной палатки, поступали в кассу приказа Тайных дел [Гурлянд, 1902, с. 196]. Товары принимались и отпускались из Большой товарной палатки только на основе особого государева указаⁱⁱ. Выдавать товары из Большой товарной палатки поручалось дьякам Тайного приказа Ф. Михайлову и Д. Полянскомуⁱⁱⁱ. Кроме того, дьяку А. Волкову разрешалось по именному царскому указу входить в Большую и Малую товарные палатки.

Согласно «Книге Сафьянного завода (1666–1670 гг.)», на царском Сафьянном заводе в большом количестве выделялись сафьяны. Готовая продукция поступала в приказ Тайных дел, а из него в Большую товарную палатку, где записывалась в приходную книгу купеческих кизилбашских товаров^{iv}. Только немногие изделия из «Купеческой палаты кизилбашских товаров» поступали на продажу. Главным образом, они расходовались для царского обихода, на церковные нужды, на подарки.

Таким образом, возникновение Большой товарной палатки было связано с организацией и проведением экспедиции в Персию во главе с подъячим приказа Тайных дел К. Демидовым в 1663–1665 гг. Инициатором данной экспедиции и появления Большой товарной палатки стал царь Алексей Михайлович. Развитие международных торговых связей России во второй половине XVII в. способствовало ее учреждению.

Расформирование товарных палаток приказа Тайных дел в 1676 г.

Приказ Тайных дел перестал функционировать после смерти царя Алексея Михайловича. Дела из него передавались в 29 различных приказов [Гурлянд, 1902, с. 13]. Упразднились Большая и Малая товарные палатки.

ⁱ Книги Персидских товаров. Книга 1670–1672 гг. // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1531.

ⁱⁱ Переписная книга Верхней Палатки (1675–1676 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1662.

ⁱⁱⁱ Там же.

^{iv} Книга Сафьянного завода (1666–1670 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография, 1904. С. 1608.

В деле 367 «О заведовании в приказе Большого дворца рыбными и соляными промыслами: астраханскими, черноморскими и яицкими 1676 г.»ⁱ содержится информация о работе ликвидационной комиссии после упразднения Тайного приказаⁱⁱ, о передаче основных хозяйственных объектов в приказ Большого дворца, в том числе государевых источников добычи рыбы и соли. В этом же деле рассматривается вопрос о передаче Большому дворцу Аптекарского двораⁱⁱⁱ. Как известно, в ведении Тайного приказа находились не только товарные палатки, но и Аптекарский, Потешный и Гранатный дворы. Дело не дает возможности изучить процесс ликвидации товарных палаток.

Царь Федор Алексеевич указал членам ликвидационной комиссии осматривать, переписывать все основные объекты, находившиеся в ведении Тайного приказа^{iv}. Во главе ликвидационной комиссии трудились бояре князя Н. И. Одоевский и М. Ю. Долгорукий, думный дьяк Д. М. Башмаков^v. Строго соблюдались указы царя Федора Алексеевича «по разбору дел» и распределению их по различным приказам^{vi}.

В деле 53158 «1676 г. февраля. Роспись сел с деревнями и угодьями, железных и соляных заводов и рыбных промыслов, находившихся в ведомстве приказа Тайных дел»^{vii} отмечается, что по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича села, находившиеся в ведении приказа Тайных дел, «со всяким строением и заводами» следует переписать^{viii}. Ревизия проводилась в царских вотчинах Подмоскovie (селах Измайлово, Мячково, Алексеевское, Княжчино, Пахрино и пр.), исследовались хлебные запасы, скотные дворы, конюшни, птичники, пасеки, царские сады, заводы, инвентарь в дворцовом хозяйстве. Изучались соляные заводы и рыбные промыслы Тайного приказа^{ix}. Контролю подверглись государевы дворы^x, дворы приказчиков^{xi}, приказные избы^{xii}. Все эти факты говорят об огромных форматах деятельности ликвидационной комиссии, о тех сложных задачах, которые были перед ней поставлены в связи с упразднением приказа Тайных дел. С февраля по май 1676 г., на протяжении четырех месяцев, активно рассматривались дела Тайного приказа, связанные с основными хозяйственными объектами в составе дворцового хозяйства. Только в мае 1676 г. ликвидационная комиссия приступила к рассмотрению дел о товарных палатках.

ⁱ Российский государственный архив древних актов (г. Москва) (далее — РГАДА). Ф. 27. Оп. 1. Д. 367.

ⁱⁱ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 367. Л. 2.

ⁱⁱⁱ Там же. Л. 4.

^{iv} Там же. Л. 2 об.

^v Там же. Л. 2.

^{vi} Там же.

^{vii} РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 36. Д. 53158.

^{viii} Там же. Л. 1.

^{ix} Там же. Л. 106–106 об.

^x Там же. Л. 22 об.

^{xi} Там же. Л. 33.

^{xii} Там же. Л. 54.

16 мая 1676 г. царь Федор Алексеевич приказал провести ревизию в Большой товарной палатке, пересмотреть и переписать все товары. По царскому указу и приказу бояр и князей Н. И. Одоевского и М. Ю. Долгорукого, думного дьяка Д. М. Башмакова к переписи товаров приступили дьяки приказа Тайных дел Ф. Шакловитый, Е. Кирилов, М. Воинов, подьячие Н. Шишкин, А. Озеров, И. Невежинⁱ. Перепись товаров проводилась по отдельным статьям. В результате деятельности ликвидационной комиссии были созданы образцовые и переписные книги Большой товарной палатки [Гурлянд, 1902, с. 12]. Товары из нее передавались по приказам, документально фиксировались [Гурлянд, 1902, с. 12]. В документах приказа Тайных дел отсутствует информация, каким образом распределялись сокровища из Большой товарной палатки. Следует предположить, что ликвидационная комиссия, расписывая товары из Большой товарной палатки, действовала в полном соответствии с распоряжениями царя Федора Алексеевича.

Такие же царские распоряжения последовали и в отношении Малой товарной палатки. Товары раздавались в приказы, регистрировались дьяками при передачеⁱⁱ. В расход те товары раздавали дьяки Ф. Шакловитый и А. Волковⁱⁱⁱ.

В 1676 г. при расформировании Малой товарной палатки царь Федор Алексеевич жертвовал царские сокровища патриарху, церквям. Например, плащаницу, шитую золотом и серебром, с алмазами, яхонтами, изумрудами, жемчугом, подаренную Алексею Михайловичу Тишайшему гречанином Р. Ясовым, 24 марта 1676 г. царь Федор Алексеевич пожаловал патриарху Московскому и всея России Иоакиму^{iv}.

В некоторых дворцовых вотчинах награды в виде изделий из Малой товарной палатки получили приказчики — управители на местах. Так, за покупку лошадей 8 декабря 1676 г. был пожалован домодедовский приказчик Д. Полуектов зуфью^v — старинным видом камлота, суровой шерстяной тканью [Даль, 2002, с. 187, 336]. Монах Никон также получил пожертвования от царя Федора Алексеевича, причем подарки непосредственно направлялись в Ферапонтов монастырь.

Некоторые товары были посланы государем в Казенный приказ для оценки их стоимости. Средства от продажи части изделий после их оценки передавались в любимое «детище» царя Алексея Михайловича — Саввино-Сторожевский монастырь.

Некоторые сокровища из Малой товарной палатки царь Федор Алексеевич направлял в Серебряную и Золотую палаты, Оружейный приказ. Часть имущества из Малой товарной палатки по указу царя Федора Алексеевича поступила в его государевы хоромы. При этом он лично изволил бывать в приказе Тайных дел, указывал на конкретные

ⁱ Переписная книга Верхней Палатки (1675–1676 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1663.

ⁱⁱ Там же. С. 1665.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 1664.

^{iv} Там же. С. 1665.

^v Там же. С. 1683.

царские сокровища для доставки в его хоромы. Часть драгоценных тканей поступила в государеву Мастерскую палату.

Заметим, что Федор Алексеевич во время расформирования палаток принимал активное участие в распределении сокровищ. Он изводил бывать в приказе, жаловать подарками фаворитов — представителей семейств Стрешневых, Милославских и других именитых людей. Известно, что, находясь в приказе Тайных дел 1 августа 1676 г., Федор Алексеевич пожаловал турецкими золотными тесьмами из Малой товарной палатки бояр Р. М. Стрешнева и И. М. Милославскогоⁱ.

Царь лично посещал Малую товарную палатку, своими руками забирал некоторые эксклюзивные вещи. Определенная часть предметов роскоши пошла на поминование царя Алексея Михайловича. Например, драгоценные ткани были направлены патриарху и митрополитамⁱⁱ.

Следовательно, смерть царя Алексея Михайловича в 1676 г. привела к упразднению Тайного приказа и товарных палаток. Действовала ликвидационная комиссия. Судьбы сокровищ Большой и Малой товарных палаток, как правило, определялись царем Федором Алексеевичем.

Заключение

Таким образом, заведование Большой и Малой товарными палатками — одна из уникальных и ранее не изучавшихся страниц в истории функционирования приказа Тайных дел в России во второй половине XVII в. Наличие этих палаток — свидетельство развивавшихся во второй половине XVII столетия международных торговых связей, формировавшихся дипломатических и духовных контактов России со странами Запада и Востока.

Приказ Тайных дел выступал как организатор торговых контактов России на международном уровне. Он ведал некоторые торговые операции царя Алексея Михайловича, в частности персидскую торговлю великого государя. Дьяки и подьячие приказа принимали непосредственное участие в функционировании палаток: вели учет товаров, составляли переписные книги, выполняли царские поручения по раздаче изделий, были задействованы в работе ликвидационной комиссии.

Малая товарная палатка являлась местом хранения «всяких узорошных товаров», принадлежавших семейству царя Алексея Михайловича. Основу ее фондов составляли уникальные и редкие изделия — предметы прикладного искусства из европейских и азиатских стран, коллекции зарубежных монет, золото и серебро. Существовало два основных способа формирования фондов Малой товарной палатки. Во-первых, царь Алексей Михайлович лично приобретал уникальные изделия. Во-вторых, он мог получать их в качестве подарков от именитых иностранцев.

ⁱ Переписная книга Верхней Палатки (1675–1676 гг.) // Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 23. Кн. 3. СПб.: Сенатская типография. С. 1670.

ⁱⁱ Там же. С. 1676.

В фондах Большой товарной палатки содержались персидские и китайские товары. Ее история берет начало в 1663–1665 гг., когда в Персию была направлена экспедиция, возглавлявшаяся подьячим приказа Тайных дел К. Демидовым. Экспедицией вывозились российские и западноевропейские товары (собольи меха, кожи, сукно, металлы) для продажи, на вырученные деньги привозились «кизилбашские товары»: экзотические ткани (бархат, шелк, парча и пр.), ковры, сафьяны. Способ пополнения фондов Большой товарной палатки был один — вывоз товаров из России и закупка зарубежных дорогих тканей и кож. Неслучайно эта палатка называлась «купеческой». Изделия из Большой товарной палатки выдавались по именному царскому указу, особыми дьяками. Переписные книги товарам велись в приказе Тайных дел.

В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, перестал действовать приказ Тайных дел, и, соответственно, ликвидировались Большая и Малая товарные палатки. После закрытия Тайного приказа функционировала ликвидационная комиссия в составе бояр и князей Н. И. Одоевского и М. Ю. Долгорукого, думного дьяка Д. М. Башмакова, которая упразднила Большую и Малую товарные палатки. Ликвидационная комиссия действовала под четким руководством царя Федора Алексеевича. Она провела ревизию царских сокровищ в палатках.

Ценные вещи из Большой товарной палатки поступали в различные приказы. По указу царя Федора Алексеевича из Малой товарной палатки некоторые раритеты передавались в государевы хоромы, посылались фаворитам, представителям духовной и политической элиты России. Определенная часть сокровищ из Малой товарной палатки была пожертвована на поименование царя Алексея Михайловича — учредителя приказа Тайных дел.

Список источников

- Асташкин Р. С. 2021. Место Московского царства в экспансии европейцев на Восток в XVI–XVII вв. (к постановке проблемы) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 27. № 4. С. 19–28. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-19-28>.
- Базилевич К. В., Устюгов Н. В. 1955. Торговля // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. доктора исторических наук А. В. Новосельского, кандидата исторических наук Н. В. Устюгова. М.: Изд-во АН СССР. С. 113–139.
- Барановский М. 1914. Дворцовое хозяйство по делам приказа Тайных дел. Киев: Типография Императорского Университета Святого Владимира. 38 с.
- Буганов В. И. 1989. Мир истории. Россия в XVII столетии. М.: Молодая гвардия. 318 с.
- Веселовский С. Б. 1912. Приказной строй управления Московского государства. Киев: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о. 35 с.
- Гурлянд И. Я. 1902. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль: Типография Губернского правления. 390 с.
- Даль В. И. 2002. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 томах. Т. 4. Зак–Кач. М.: Мир книги. 368 с.

- Даль В. И. 2003. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 томах. Т. II. Спб-Тех. М.: Мир книги. 400 с.
- Демкин А. В. 2007. Промышленность и торговля Русского государства в XVI–XVII вв. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. В. Семенова. М.: РОССПЭН. С. 87–98.
- Дубман Э. Л. 2000. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: дис. ... доктора исторических наук. Самара. 629 с.
- Заозерский А. И. 1937. Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 306 с.
- Ковригина В. А., Марасинова Л. М. 1979. Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. / гл. ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 122–144.
- Костомаров Н. И. 1862. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Издание Николая Тиблена. 299 с.
- Костомаров Н. И. 1997. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 книгах. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс. 608 с.
- Котошихин Г. К. 2000. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН. 272 с.
- Кристенсен С. О. 1989. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М.: Прогресс. 254 с.
- Лизек А. 1837. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году / пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 68 с.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Институт российской истории РАН: Российский государственный архив древних актов: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
- Олеарий А. 2003. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич. 480 с.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. 1898 / пер. с арабского Г. А. Муркоса. СПб.: Изд. П. П. Сойкина. 167 с.
- Соловьев С. М. 1962. История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. 7. Т. 13–14. М.: Соцэкгиз. 725 с.
- Рабинович Я. Н. 2019. Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 19. Вып. 2. С. 225–232.
- Романовский В. Е. 1911. Государственные учреждения Древней и Новой России. М.: Изд. И. Кнебель. 452 с.
- Устюгов Н. В. 1974. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв. М.: Наука. 254 с.

References

- Astashkin, R. S. (2021). The place of the Moscow Tsardom in the expansion of Europeans to the East in the 16th–17th Centuries (to the statement of the problem). *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 27(4), 19–28. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-19-28> [In Russian]
- Bazilevich, K. V., & Ustyugov, N. V. (1955). Trade. In A. V. Novoselsky, & N. V. Ustyugov (Eds.), *Essays on the History of the USSR. The Period of Feudalism in the 17th Century* (pp. 113–139). Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]
- Baranovsky, M. (1914). *The Palace Economy in the Secret Affairs Order*. Printing House of the Imperial University of St. Vladimir. [In Russian]
- Buganov, V. I. (1989). *The World of History. Russia in the 17th Century*. Molodaya Gvardiya. [In Russian]
- Veselovsky, S. B. (1912). *The Order of the Administration of the Moscow State*. Tip. T-va I. N. Kushnerev and Co. [In Russian]
- Gurlyand, I. Ya. (1902). *The Order of the Great Sovereign of Secret Affairs*. Printing House of the Provincial Government. [In Russian]
- Dal, V. I. (2002). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In Twelve Vols. Vol. 4. Zak-Kach*. Mir Knigi. [In Russian]
- Dal, V. I. (2003). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In Twelve Vols. Vol. 11. Sap-Tekh*. Mir Knigi. [In Russian]
- Demkin, A. V. (2007). Industry and trade of the Russian State in the 16th–17th centuries. In A. V. Semenova (Ed.), *Collection of Articles “Connection of Centuries: Research on Source Studies of Russian History before 1917. In Memory of Professor A. A. Preobrazhensky”* (pp. 87–98). Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). [In Russian]
- Dubman, E. L. (2000). *Industrial Entrepreneurship and Development of the Lower Volga Region in the Second Half of the 16th–17th Centuries* [Dr. Sci. (Hist.) dissertation]. Samara. [In Russian]
- Zaozersky, A. I. (1937). *Tsar’s Estate in the 17th Century. From the History of the Economic and Administrative Policy of Tsar Alexei Mikhailovich*. State Social and Economic Publishing House. [In Russian]
- Kovrigina, V. A., & Marasinova, L. M. (1979). Trade, routes, and means of transportation. In A. V. Artsikhovskiy (Ed.), *Essays on Russian Culture of the 17th Century. Part 1* (pp. 122–144.). Moscow University Press. [In Russian]
- Kostomarov, N. I. (1862). *Essay on the Trade of the Moscow State in the 16th and 17th Centuries*. Nikolai Tiblen Publishing House. [In Russian]
- Kostomarov, N. I. (1997). *Russian History in Biographies of Its Most Important Figures: In 3 Books (Vol. 2)*. Phoenix. [In Russian]
- Kotoshikhin, G. K. (2000). *On Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich*. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). [In Russian]
- Christensen, S. O. (1989). *History of Russia in the 17th Century. A Review of Research and Sources*. Progress. [In Russian]
- Lisek, A. (1837). *The Tale of Adolf Lisek about the Embassy from the Emperor of Rome, Leopold, to the Grand Tsar of Moscow, Alexei Mikhailovich, in 1675* (Translation from Latin by I. Tarnava-Borichevsky). Printing House of the Imperial Academy of Sciences. [In Russian]

- Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., and Eskin, Yu. M. (2015). *Orders of the Moscow State in the 16th and 17th Centuries: A Reference Dictionary*. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Russian State Archive of Ancient Acts; Center for Humanitarian Initiatives. [In Russian]
- Olearius, A. (2003). *Description of a Journey to Moscow* (Translation from German by A. M. Lovyagin). Rusich. [In Russian]
- The Journey of Patriarch Macarius of Antioch to Moscow in the 17th Century*. (1898). (Translation from Arabic by G. A. Murkos). P. P. Soikin's Publishing House. [In Russian]
- Solovyov, S. M. (1962). *History of Russia from Ancient Times: In 15 Books* (Book 7. Vol. 13–14). Sotsekgiz. [In Russian]
- Rabinovich, Ya. N. (2019). The Beginning of the functioning of the overland trade route from Saratov to Moscow in the third quarter of the 17th century. *Bulletin of Saratov University. New Series. Series History. International Relations*, 19(2), 225–232. [In Russian]
- Romanovsky, V. E. (1911). *State Institutions of Ancient and Modern Russia*. I. Knebel. [In Russian]
- Ustyugov, N. V. (1974). *Scientific Heritage. Economic Development, Class Struggle, and Culture in the Russian State in the 17th Century. The Peoples of Central Asia and the Urals in the 13th–18th Centuries*. Nauka. [In Russian]

Информация об авторе

Лариса Юрьевна Варенцова, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия
l_varentsova.65@mail.ru

Information about the author

Larisa Yu. Varentsova, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia
l_varentsova.65@mail.ru

Новые сюжеты и акторы коммеморативных практик в постсоветском Кургане (1991–2021 гг.)

Алексей Леонидович Авдеенко^{1, 2, 3}✉

¹ Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган, Россия

² Курганский государственный университет, Курган, Россия

³ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: avdeenkoalexey@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации политики памяти и коммеморативных практик в городе Кургане в постсоветский период (1991–2021 гг.). Автор исследует переход от монолитного советского исторического нарратива, сосредоточенного на революционной и военно-патриотической тематике, к современному плюралистичному мемориальному ландшафту. В работе выявляются ключевые процессы десакрализации старых символов и включения в городское пространство новых сюжетов: истории дореволюционного купечества, памяти о политических репрессиях, локальных военных конфликтах, а также профессиональных и семейных ценностях. Особое внимание уделяется анализу деятельности новых акторов — общественных организаций, ветеранских объединений, Русской православной церкви и бизнес-структур, чьи инициативы привели к персонификации и гуманизации памяти. Рассматриваются новые формы коммеморативных практик, такие как акция «Бессмертный полк», создание «живых памятников» и использование цифровых технологий. На основе широкого круга источников, включая региональную периодику и архивные документы, делается вывод о том, что расширение тематического спектра памяти стало основой для формирования новой городской идентичности и преодоления идеологического кризиса.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморативные практики, Курган, места памяти, региональная идентичность, мемориальный ландшафт, постсоветская трансформация

Цитирование: Авдеенко А. Л. 2026. Новые сюжеты и акторы коммеморативных практик в постсоветском Кургане (1991–2021 гг.) // Вестник Тюменского го-

сударственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 122–142. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-122-142>

Поступила 19.02.2026; одобрена 11.06.2026; принята 12.07.2026

New subjects and actors of commemorative practices in post-Soviet Kurgan (1991–2021)

Aleksey L. Avdeenko^{1, 2, 3}✉

¹ Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan, Russia

² Kurgan State University, Kurgan, Russia

³ University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: avdeenkoalexey@yandex.ru✉

Abstract. The article analyzes the transformation of memory politics and commemorative practices in the city of Kurgan during the post-Soviet period (1991–2021). The author examines the transition from a monolithic Soviet historical narrative, centered on revolutionary and military-patriotic themes, to a modern pluralistic memorial landscape. The study identifies key processes of desacralization of old symbols and the incorporation of new subjects into urban space: the history of pre-revolutionary merchant class, the memory of political repressions, local military conflicts, as well as professional and family values. Particular attention is paid to the analysis of new actors' activities — public organizations, veteran associations, the Russian Orthodox Church, and business structures — whose initiatives led to the personification and humanization of memory. New forms of commemorative practices are examined, such as the “Immortal Regiment” campaign, the creation of “living monuments,” and the use of digital technologies. Based on a wide range of sources, including regional periodicals and archival documents, the author concludes that the expansion of the thematic spectrum of memory became the foundation for forming a new urban identity and overcoming the ideological crisis.

Keywords: memory politics, commemorative practices, Kurgan, memory sites, regional identity, memorial landscape, post-Soviet transformation

Citation: Avdeenko, A. L. (2026). New subjects and actors of commemorative practices in post-Soviet Kurgan (1991–2021). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 122–142. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-122-142>

Received Feb. 19, 2026; Reviewed Jun. 11, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Кардинальная трансформация российского общества на рубеже 1980–1990-х гг. привела и к сдвигам в области исторического сознания. Распад Советского Союза ознаменовал собой конец государственной монополии на интерпретацию прошлого, что повлекло за собой глубокий кризис устоявшихся исторических нарративов и поиск новых оснований для коллективной идентичности, как общероссийской, так и региональной. Для города Кургана этот процесс оказался особенно интенсивным. Городское пространство, ранее формировавшееся исключительно как пространство революционное и военно-патриотическое, стало ареной активного переосмысления прошлого.

Если в советский период политика памяти формировалась строго централизованно через директивные постановления бюро обкома КПСС и идеологические комиссииⁱ, то постсоветская эпоха открыла возможности для множества альтернативных версий истории. Курган, стал местом выработки новых форм коммеморативных практик, где наиболее ярко проявились процессы десакрализации старых символов, возвращения «вытесненной» ранее памяти и поиска новых героев и сюжетов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа того, как городской социум адаптируется к новым историческим реалиям, конструируя свой образ через обращение к ранее «невидимым» или «неудобным» пластам истории. В советской модели доминировали темы Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. Постсоветский же мемориальный ландшафт стал полифоничным, включив сюжеты, связанные с дореволюционным купечеством, трагедией политических репрессий, локальными военными конфликтами, профессиональными достижениями земляков и семейными ценностями.

Целью данной работы является комплексный анализ процесса расширения тематического спектра коммеморативных практик в городе Кургане в период с 1991 по 2021 г. Исследование направлено на выявление механизмов включения новых исторических сюжетов в городское пространство, определение роли различных акторов в этом процессе, а также на оценку влияния новых практик на формирование современной городской идентичности.

Хронологические рамки охватывают период с 1991 г. (после событий августовского путча), когда начался активный демонтаж советской идеологической системы, по 2021 г. Этот тридцатилетний отрезок позволяет проследить динамику изменений: от «войн памяти» начала 1990-х до формирования нового консенсуса в 2000–2010 гг.

Обзор литературы. Проблематика политики памяти и коммеморативных практик получила широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы классиков memory studies. Концепция «мест памяти» П. Нора позволяет рассматривать памятники, мемориальные доски и топонимические объекты как материализованные формы коллективной памяти, выполняющие функции символического формирования групповой идентичности [Нора, 1999]. Несмотря на имеющуюся критику данной концепции,

ⁱ ГКУ «Государственный архив социально-политической истории Курганской области» г. Кургана (далее — ГКУ «ГАСПИКО»). Ф. 166. Оп. 344. Д. 128.

мы используем ее как удобный аналитический инструмент, чтобы рассмотреть наиболее важные символические места Кургана. Теория культурной памяти Я. Ассмана дает инструментарий для анализа механизмов передачи исторических смыслов через поколения и роли институтов в этом процессе [Ассман, 2004]. Существенное значение для исследования имеет и подход А. Ассмана, рассматривающей современную мемориальную культуру как пространство конкуренции различных режимов памяти, а также различающей канон и архив как формы сохранения прошлого [Ассман, 2016]. Работа М. Хальбвакса о социальных рамках памяти объясняет, как коллективные представления о прошлом формируются под влиянием актуальных социальных контекстов [Хальбвакс, 2007].

В российской историографии проблемы трансформации политики памяти в постсоветский период исследовались в работах А. И. Миллера, посвященных политическому использованию истории [Миллер, 2009, 2012, 2014], и О. Ю. Малиновой, анализирующей символическую политику в современной России [Малинова, 2018]. Методологически значимыми являются исследования Л. П. Репиной о соотношении исторической науки и культурной памяти [Репина, 2011].

Применительно к Курганской области специальных исследований коммеморативных практик постсоветского периода не проводилось, что определяет научную новизну данной работы.

Источниковая база исследования включает несколько групп материалов:

1. Первую группу составляют материалы региональной периодической печати — газет «Советское Зауралье» (с 1994 г. — «Новый мир») и «Субботняя газета» (с 1992 г. — «Зауралье») за период 1991–2021 гг. Был проведен сплошной просмотр публикаций, посвященных установке памятников, мемориальных досок, переименованию улиц, юбилейным мероприятиям и дискуссиям о сохранении исторического наследия. Всего выявлено и проанализировано более 150 публикаций.
2. Вторую группу источников составляют документы Курганской городской Думы, включающие решения о переименовании улиц, установке мемориальных досок, реализации программы «Любимый город». Эти документы фиксируют официальную позицию муниципальной власти и позволяют проследить процесс принятия решений в сфере коммеморативных практик.
3. Третью группу составляют архивные документы советского периода из фондов Государственного архива Курганской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО), демонстрирующие механизмы функционирования системы формирования памяти до начала трансформаций.

Методологически исследование, помимо указанных концепций классиков memory studies, опирается на сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить советскую и постсоветскую модели коммеморативных практик. Применялся метод контент-анализа публикаций региональной прессы для выявления динамики тематических приоритетов. Использовался дискурс-анализ для изучения аргументации различных акторов политики памяти.

Результаты исследования

Переход от советской системы коммеморативных практик к современной модели в Кургане представлял собой сложный процесс демонтажа идеологического контроля и формирования условий для конкуренции различных образов прошлого. Трансформация мемориального пространства города отразила общую динамику социокультурных изменений: от первоначального отрицания советских ценностей в начале 1990-х гг. до поиска компромиссных форм идентичности в 2000–2010 гг. Для понимания глубины этих сдвигов необходимо проанализировать, как происходила деконструкция прежнего исторического канона и какие новые тематические пласты заполнили образовавшийся идеологический вакуум, изменив качественные характеристики городского ландшафта.

От советского канона к плюрализму: трансформация тематического поля памяти

Советский период в Кургане характеризовался тотальной гегемонией единого идеологически выверенного исторического нарратива [Копосов, 2011]. Советская власть, используя административный и партийный ресурс, формировала коллективную память, в центре которой находились Октябрьская революция, Гражданская война и победа в Великой Отечественной войне. Этот нарратив был инструментом легитимации режима и воспитания «нового человека», преданного идеалам коммунизма. Пантеон героев был строго регламентирован и иерархичен: на вершине находился В. И. Ленин [Тумаркин, 1999, с. 188], чья статуя доминировала на главной площади города, а имя было присвоено главное улице, городскому саду, колхозам, народному дому и другие. Рядом с вождем располагались местные революционеры: 10 курганских комиссаров, Дмитрий Пичугин и Наташа Аргентовская, чьи биографии подавались исключительно в героико-романтическом ключе. Памятники им — обелиск в горсаду, бюст Пичугина, памятник Аргентовской — маркировали городское пространство как идеологически освоенноеⁱ. Память о Великой Отечественной войне также была канонизирована: массовая установка типовых обелисков с именами погибших земляков в каждом населенном пункте, создание мемориального комплекса у Вечного огня в 1975 г. и аллеи Героев создали единое сакральное пространство, где каждый элемент этого пространства работал и имел смыслⁱⁱ.

С началом перестройки и особенно после распада СССР в 1991 г. эта монолитная конструкция начала стремительно разрушаться. На смену унификации пришел плюрализм, часто переходящий в острый конфликт интерпретаций и борьбу за символы. Первым и самым болезненным симптомом стала десакрализация советских символов. В конце сентября 1991 г. в «Субботней газете» вышла статья журналиста Антона Лисы «Похоже, Америку мы обогнали...», где автор открыто задавался вопросом о целесообразности содержания огромного количества памятников Ленину в Кургане и области,

ⁱ Илюшин В. В память о горячем сердце // Советское Зауралье. Курган, 1961. 20 авг. № 197. С. 3; Сухачевский С. На века! // Советское Зауралье. Курган, 1973. 23 июня. № 145. С. 3.

ⁱⁱ ГКУ «ГАСПИКО». Ф. 166. Оп. 314. Д. 191.

которых насчитывалось 61, причем многие из них были выполнены халтурно и портили вид городов. Он предлагал собрать их в одном месте, создав своеобразный «ретропарк» тоталитарного искусстваⁱ. Сам факт такой публикации был немыслим еще несколько лет назад и свидетельствовал о крахе идеологической цензуры [Колоницкий, Мацкевич, 2022]. Период «дикого рынка» принес новые проблемы: коммерциализацию и вандализацию памяти. Статья «Гаражи на могилах» 1994 г. описывала вопиющий случай строительства частных гаражей в парке Победы на месте старого кладбища, что вызвало протесты ветерановⁱⁱ. Кража чугунных плит с могил декабристов в горсаду ради сдачи в металлолом стала символом деградации моральных нормⁱⁱⁱ.

Параллельно с критикой и демонтажем советского наследия начался процесс возвращения «вытесненной» памяти и формирования новых смысловых направлений. Одним из важнейших стала память о политических репрессиях, темы которых ранее находились под строгим запретом [Архипова, 2018]. Создание в 1992 г. курганского отделения общества «Мемориал»^{iv} стало институциональным оформлением этого процесса. Активисты начали сбор воспоминаний, поиск мест массовых захоронений и борьбу за установку памятника жертвам репрессий. Председатель общества Михаил Шангин, сам прошедший ГУЛАГ, в статье «Возвращение к правде» 1996 г. с горечью писал о трудностях: чиновники отмахивались, собранные народом деньги исчезли в недрах Фонда культуры, но сам факт публичного обсуждения того, что в здании на улице Советской, 104, была внутренняя тюрьма НКВД, стал прорывом^v. Память о репрессиях заставляла горожан переосмысливать советский период ни как историю сплошных побед, а как трагедию народа.

Другим важным направлением стало обращение к дореволюционному прошлому Кургана, которое в советское время трактовалось негативно как «темное царство» купцов и эксплуататоров или попросту игнорировалось. Началось всё с установки бронзового памятника Д. И. Смолину в 2000 г. у здания заводууправления ОАО «Кургандрожди»^{vi}. В 2019 г. была торжественно открыта мемориальная доска городскому голове Ф. В. Шветову, управлявшему Курганом 20 лет и много сделавшему для его процветания^{vii}. Это стало актом исторической реабилитации купечества и признанием его вклада в развитие города. В 2013 г. в городе появился уникальный памятный знак «Идентификатор Троицкой площади», напоминающий о разрушенном в 1957 г. Троиц-

ⁱ Лиса А. Похоже, Америку мы обогнали... // Субботняя газета. Курган, 1991. 21 сент. № 38. С. 2.

ⁱⁱ Менщикова Т. Гаражи на могилах // Советское Зауралье. Курган, 1994. 5 марта. № 43. С. 3.

ⁱⁱⁱ Тихонов Б. Ограбленная история // Новый мир. Курган, 2003. 18 июля. № 131. С. 4.

^{iv} «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

^v Шангин М. Возвращение к правде // Новый мир. Курган, 1996. 21 нояб. № 216. С. 4.

^{vi} Культурное наследие города Кургана / Административное здание винокуренного завода Д. И. Смолина, ул. Куйбышева, 122. <https://kurgan.pro/okn/n037/> (дата обращения: 14.07.2026).

^{vii} Игнатов С. В Кургане открыли мемориальную плиту о городском голове // Новый мир. Курган, 2019. 13 нояб. № 46. С. 4.

ком соборе. Надпись на камне гласила: «Разрушен 25 мая 1957 г.»ⁱ. Это была попытка вернуть городу его историческую топографию.

В 2000-е гг. началось активное возрождение памяти о духовных лидерах и религиозной истории. Установка памятника святому благоверному князю Александру Невскому на территории завода «Курганприбор» в 2007 г. по инициативе председателя совета директоров Сергея Муратова символизировала синтез патриотизма, православия и новой корпоративной культуры. Освящение провел епископ Михаилⁱⁱ.

Афганская война и чеченские кампании породили новое поколение ветеранов и павших, чья память требовала увековечения, но не вписывалась в старые каноны [Наумов, 2019]. К концу 1990 гг. в Кургане сформировалось многочисленное сообщество участников локальных конфликтов, нуждавшееся в собственном пространстве скорби и памяти. Ярким примером стало создание мемориала «Сраженный пулей» в сквере у кинотеатра «Звездный», открытого в 2000 г. Памятник изображает падающего солдата, зажимающего рану, и лишен помпезности и советских мемориалов: он отражает боль, уязвимость жизни и трагизм войны. На плитах высечены имена 223 зауральцев, погибших в локальных конфликтах разных времен. Мемориал сразу стал местом ежегодных встреч ветеранов, матерей и вдов, превратившись в живое пространство скорби и боевого братстваⁱⁱⁱ.

Существенно трансформировался и подход к героизации труда. Если в СССР прославляли в основном рабочих и колхозников, то в постсоветский период в пантеон героев вошли представители интеллигенции: врачи, учителя, ученые, промышленники. Показательным примером стала история увековечения памяти Якова Давидовича Витебского (1919–1994), выдающегося хирурга-гастроэнтеролога, создателя уникальной научной школы, спасшего тысячи жизней. Его авторитет был настолько велик, что решение об увековечении памяти было принято практически сразу после смерти. В 1994 г., в день 75-летия со дня рождения врача, был открыт памятник работы скульптора В. Епишева. Позже, в 2019 г., к 100-летию Витебского, была открыта новая мемориальная доска на корпусе областной больницы^{iv}. Это был памятник не «бойцу идеологического фронта», а гуманисту, врачу, и установка такого монумента символизировала признание того, что героизм может быть не только военным, но и профессиональным. Память о Г. А. Илизарове^v, А. Д. Сазонове^{vi}, Н. В. Парышеве^{vii} также фиксировала ценность

ⁱ Снегина О. О чем камень говорит? // Новый мир. Курган, 2013. 23 нояб. № 136. С. 2.

ⁱⁱ Лушиц Е. Святой у заводской проходной // Новый мир. Курган, 2007. 12 сент. № 179. С. 1.

ⁱⁱⁱ Федорова К. Сраженный пулей // Новый мир. Курган, 2010. 6 окт. № 196. С. 4.

^{iv} Югова Т. Хирург с золотыми руками и доброй душой // Новый мир. Курган, 2019. 10 июля. № 28. С. 4.

^v Мерзлякова С. Школа мастеров академика Илизарова // Новый мир. Курган, 2006. 21 июня. № 127. С. 2.

^{vi} Перова М. Поддержка от сильного прошлого // Новый мир. Курган, 2017. 16 мая. № 51. С. 2.

^{vii} Мерцалова Л. Ушедший в вечность друг // Новый мир. Курган, 2009. 22 июля. № 138. С. 1.

профессионализма, интеллекта и созидания. Курганским школам в свою очередь присваиваются имена педагогов или директоров, внесших значительный вклад в образование области или конкретного учреждения (Гимназии № 32 — Е. К. Кулаковойⁱ). При этом заметна тенденция демонтажа «советских имен» у школ (СОШ № 39 носила имя «Молодой гвардии»ⁱⁱ, Гимназия № 47 носила имя Героя Советского Союза В. А. Шаталоваⁱⁱⁱ, СОШ № 59 носила имя Ю. А. Гагарина^{iv}).

В мемориальную повестку вошли и темы техногенных катастроф. Авария на Чернобыльской АЭС коснулась многих курганцев-ликвидаторов. В 2006 г., к 20-летию трагедии, в парке Победы был заложен мемориальный камень в память о героях-чернобыльцах^v. Это стало признанием того, что техногенные трагедии представляют собой такую же часть истории, как и войны. Принципиально новым направлением стали коммеморативные практики универсальных человеческих ценностей, не связанных с героикой или трагедией.

Таким образом, переход от идеологической унификации к плюрализму исторических нарративов в Кургане был сложным, противоречивым и многогранным процессом. Он включал в себя не только разрушение старых мифов и десакрализацию идолов, но и активное конструирование новых смыслов, основанных на локальной истории, личной памяти и общечеловеческих ценностях. Город учился жить в условиях, когда прошлое не задано сверху, а является предметом обсуждения, выбора и личной ответственности.

Актеры коммеморативных практик: субъекты политики памяти и механизмы взаимодействия

Расширение тематики коммеморативных практик в постсоветском Кургане стали возможны во многом благодаря активной деятельности новых общественных институтов и трансформации роли государственных структур [Малинова, 2013]. В условиях, когда государство утратило монополию на формирование исторической памяти, а официальная идеология рухнула, сформировалась сложная система взаимодействия различных акторов [Святославский, 2013].

Одним из первых и наиболее влиятельных общественных институтов, бросивших вызов советскому канону, стало историко-просветительское и правозащитное общество

ⁱ Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Кургана «Гимназия № 32 имени Е. К. Кулаковой» // О гимназии. <https://shkola32kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-gimn/o-gimn/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱ МБОУ г. Кургана «СОШ № 5» // О школе. <https://shkola5kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱⁱ МБОУ г. Кургана «Гимназия № 47» // О гимназии. <https://ling47.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.07.2026).

^{iv} МБОУ «СОШ № 59» // О школе. <https://shkola59kurgan-r45.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 14.07.2026).

^v Мерцалова Л. Трагедия Чернобыля не должна повториться // Новый мир. Курган, 2006. 26 апр. № 83. С. 1.

«Мемориал»ⁱ. Курганское отделение, созданное в 1992 г. на волне демократического подъема, сыграло ключевую роль в легализации темы политических репрессий. Активисты общества, среди которых были дети и внуки репрессированных, историки, журналисты, вели кропотливую работу по сбору воспоминаний, поиску мест массовых захоронений, составлению мартирологов и реабилитации жертв. Именно благодаря настойчивости «Мемориала»ⁱⁱ и его председателя Михаила Шангина найдено здание по адресу улица Советская, 104, где в 1930-х гг. располагалась внутренняя тюрьма НКВДⁱⁱⁱ. Предложение создать там музей и установить памятник жертвам репрессий стало вызовом официальному советскому нарративу. «Мемориал»^{iv} проводил ежегодные акции памяти 30 октября, организовывал выставки и публикации, и в итоге добился установки закладного камня, а затем и памятника, превратив эту тему из маргинальной в общественно значимую. Именно благодаря деятельности общества, и непосредственно его председателю в октябре 2000 г. в Кургане был открыт памятник жертвам политических репрессий.

Огромную, системообразующую роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне и локальных конфликтах сыграли ветеранские организации. В постсоветский период они трансформировались из парадных структур в реальных защитников интересов своих членов и хранителей памяти. Так, например, именно они инициировали создание мемориала «Сраженный пулей»: ветеранские организации выступили инициаторами, собрали часть средств и организовали церемонии, городская администрация выделила логистически удобное место в центре города, скульптор В. Епишев создал художественную концепцию, а представители бизнеса помогли материалами и финансированием. Когда в 2012 г. памятник начал ветшать, а городские власти ссылались на отсутствие средств, ветераны сами вышли на субботник: мыли плиты, красили скамейки, убирали мусор. «Загубили пацанов, и теперь даже память о них сохранить не можем!» — возмущался генерал Усманов^v. В 2019 г. территорию памятника реконструировали. Этот пример демонстрирует как возможности партнерства различных акторов, так и проблемы, возникающие при отсутствии системного подхода к содержанию мемориальных объектов.

Новым и влиятельным игроком на поле памяти стала Русская Православная Церковь и околоцерковные организации. Курганская епархия и региональное отделение Императорского Православного Палестинского Общества стали инициаторами возвращения в культурный оборот имен выдающихся деятелей церкви и духовной культуры. Масштабное празднование 200-летия архимандрита Антонина (Капустина) в 2017 г. стало

ⁱ «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

ⁱⁱ «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

ⁱⁱⁱ Сотникова М. Курганский «Мемориал» // Субботняя газета. Курган, 1992. 18 апр. № 16. С. 4.

^{iv} «Мемориал» признан в РФ иностранным агентом.

^v Никитенко Н. «Раненый солдат» просит о помощи // Новый мир. Курган, 2012. 17 июля. № 81. С. 3.

результатом объединения усилий церковных структур с властью и научным сообществомⁱ. Другим ярким примером является открытие в 2006 г. в Кургане Гимназии имени Святого благоверного князя Александра Невскогоⁱⁱ. Церковь также активно участвовала в мемориализации жертв репрессий через панихиды у памятников и установку крестов на местах расстрелов, а также в патриотическом воспитании через освящение знамен и участие священников в присягах. Это придало коммеморативным практикам духовное измерение, которого они были лишены в советское время.

Важнейшую, хотя и менее заметную, функцию выполняли краеведческие объединения и музеи [Мазур, 2013]. Деятельность, начатая еще в советское время, продолжилась и в постсоветский период. В условиях хронической нехватки государственного финансирования школьные музеи и уголки боевой славы, созданные энтузиастами-учителями, оставались главными центрами сохранения локальной памяти. Так, клуб «Красные следопыты» при Дворце пионеров, руководимый И. А. Угрюмовой, десятилетиями вел переписку с ветеранами 369-й дивизии, по крупицам восстанавливая историю формирования этого военного соединения в Курганеⁱⁱⁱ. Благодаря таким энтузиастам история войны не превратилась в сухую статистику, а осталась живой. Краеведы А. М. Васильева [Васильева, 1997] и Б. Н. Карсонов [Карсонов, 2015], А. Д. Кузьмин [Кузьмин, 2011] своими публикациями и книгами возвращали городу его дореволюционную историю.

Нельзя не отметить возрастающую роль благотворительных фондов. Фонд «Мама», организовавший конкурс и сбор средств на памятник «Родители»^{iv}, показал пример того, как общественная организация может формировать городскую среду и внедрять новые ценности, альтернативные военной героике. Особого внимания заслуживает деятельность Российского фонда мира в лице Курганского отделения, ставшего оператором по сбору средств и изданию многотомной «Книги Памяти». Идея создания поименных списков погибших в Великой Отечественной войне зародилась в конце 1980-х гг. в условиях гласности. К началу 1990-х стало очевидно, что официальные списки полны ошибок, тысячи имен пропущены или искажены. Работа началась в начале 1990-х гг. и объединила усилия десятков тысяч людей: общественность в лице ветеранов, родственников погибших и поисковых отрядов собирала информацию, сверяла данные, выявляла неточности; государственные структуры предоставили доступ к закрытым ранее архивам, обеспечили организационную поддержку; Фонд мира взял на себя роль оператора по сбору народных пожертвований. Важнейшей особенностью проекта стала его всенародная поддержка: средства на издание собирались буквально всей областью и не только. В 1994 г. газета «Новый мир» рассказала трогательную историю пенсионерки Галины Петровны Евтушенко, которая пожертвовала 100 тысяч рублей из своих

ⁱ Макоева Т. Живая связь времен и поколений // Новый мир. Курган, 2017. 6 сент. № 35. С. 1.

ⁱⁱ Курганская епархия // Православная школа. <https://kurganvera.ru/eparchy/school/> (дата обращения: 14.07.2026).

ⁱⁱⁱ Мусина В. Память и поиск // Советское Зауралье. Курган, 1984. 21 июня. № 143. С. 4.

^{iv} Макоева Т. Кургану нужны «Родители» // Новый мир. Курган, 2007. 17 февр. № 31. С. 3.

скромных сбережений. «Я внесла еще несколько месяцев назад... Побудили к этому воспоминания о годах войны... Мой отец Петр Андреевич Малахов... не вернулся», — говорила онаⁱ. К 1994 г. были изданы тома по всем районам областиⁱⁱ. Проект превратил абстрактную цифру потерь в конкретные имена, судьбы, семейные истории и показал способность общества к самоорганизации ради сохранения памяти.

В последние годы активную роль стало играть Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию». Проекты ОНФ «Имя героя — школе», «Память народа», «Судьба солдата» придали новый импульс мемориальной работе, обеспечив ей федеральную поддержку и медийное освещение. В рамках этих проектов десяткам школ области были присвоены имена Героев Советского Союза, установлены новые памятникиⁱⁱⁱ. Показательным примером стало присвоение школе № 75 имени Героя России Евгения Родькина, командира СОБРа, погибшего в Грозном. Это было совместное решение педагогического коллектива, ветеранов МВД и городской администрации^{iv}. Ежегодно в день рождения Родькина, 20 декабря, в школе проходит торжественное посвящение в кадеты, создан музей боевой славы, проводятся встречи с ветеранами и уроки мужества. Присвоение имени героя школе сделало память о войне частью школьной жизни, близкой и понятной для детей. Герой в данном случае не бронзовый идол на площади, а парень с соседней улицы, чья биография изучается на уроках, чьи родители приходят на встречи.

Память о Евгении Родькине не ограничивается школой: мемориальная доска в его честь установлена также на фасаде корпуса Курганского государственного университета (ул. Советская), где он учился^v. Таким образом, имя героя вписано в несколько точек городского пространства — школу, университет, — формируя целую «географию памяти» об одном человеке».

Роль государства в постсоветский период радикально изменилась [Малинова, 2015]. Если в советское время все инициативы исходили из кабинетов обкома партии, то теперь государственные структуры, включая областную администрацию, городскую Думу и управление культуры, выступают скорее как координаторы, партнеры и источники ресурсов. Городская Дума принимала решения о переименовании улиц, установке мемориальных досок, реализации программы «Любимый город». Областная администрация и военкоматы предоставляли доступ к архивам, обеспечивали организационную поддержку крупных проектов. Однако государство не всегда было эффективным. В сфере охраны памятников истории и культуры часто возникали конфликты. В интервью 2009 г. чиновник управления культуры Дмитрий Бровко честно признавал, что охране культур-

ⁱ Евтушенко Г. В память о погибших // Новый мир. Курган, 1994. 30 авг. № 163. С. 3.

ⁱⁱ «Книга памяти» для зауральцев // Новый мир. Курган, 1993. 2 марта. № 41. С. 4.

ⁱⁱⁱ В память о Героях // Новый мир. Курган, 2015. 26 августа. № 34. С. 3.

^{iv} Побритухин Ю. Память о герое не умирает // Зауралье. Курган, 2000. 23 дек. № 242. С. 1.

^v В Кургане состоялось открытие мемориальной доски Герою Российской Федерации подполковнику милиции Евгению Родькину // Управление МВД России по Курганской области. <https://45.мвд.рф/news/item/11911168> (дата обращения: 13.07.2026).

ного наследия нужны друзья, то есть помощь общественности, так как у государства катастрофически не хватает ресурсовⁱ.

Интересным и новым феноменом стало участие бизнеса в политике памяти. Предприниматели, выступая как частные лица или представители крупных корпораций, брали на себя финансирование создания и установки памятников. Установка памятников на территориях предприятий, таких как памятник Николаю Парышеву на заводе «Курганстальмост» или аллея имени Г. А. Пиратинского на «Курганмашзаводе», представляла собой инициативу бизнеса, формирующую корпоративную идентичность и связывающую современное производство с героической историейⁱⁱ.

Таким образом, общественные институты в постсоветский период стали главными драйверами расширения и обновления тематики коммеморативных практик. Они заполнили идеологический вакуум и предложили обществу новые темы, форматы и смыслы памяти. Благодаря их деятельности мемориальное пространство региона стало более сложным, многообразным и гуманным. Государство же научилось, хотя не всегда эффективно, выстраивать партнерские отношения, используя общественную энергию для реализации своих целей.

Новые формы и коммеморативные практики

В постсоветский период, наряду с традиционными формами монументальной пропаганды, в Кургане начали активно развиваться другие коммеморативные практики. Эти новые форматы, рожденные на стыке гражданского активизма, религиозной традиции, современного искусства и цифровых технологий, были призваны преодолеть формализм советских ритуалов, сделать память более личной, интерактивной и органично включенной в повседневную жизнь людей.

Одной из самых ярких, массовых и эмоционально насыщенных инноваций стала акция «Бессмертный полк» [Аникин, 2020]. В Кургане она получила поддержку и мгновенно стала народной, так как отвечала глубинному общественному запросу на персонафикацию памяти о Великой Отечественной войне. В отличие от официальных парадов советского образца, где главными героями были трибуны с начальством и военная техника, здесь в центре внимания оказались простые люди с портретами своих предков. Как отмечает исследователь коммемораций Великой Отечественной войны М. Габович, появление «Бессмертного полка» стало реакцией общества на чрезмерную бюрократизацию праздника, попыткой вернуть Дню Победы его личное, семейное измерение, став своеобразным «глотком свежего воздуха» на фоне казенных ритуалов [Габович, 2015]. Этот ритуал позволил каждому жителю, независимо от возраста и статуса, почувствовать личную, кровную связь с «большой историей», превратив семейный архив из частного дела в часть общенационального достояния. Шествие с портретами

ⁱ Шахова Н. Охране культурного наследия нужны друзья // Новый мир. Курган, 2009. 16 июля. № 28. С. 2.

ⁱⁱ Шахова Н. «Я всегда хотел людям только хорошего» // Новый мир. Курган, 2002. 12 сент. № 169. С. 2.

стало актом символического воскрешения погибших, их возвращения в строй живых [Степанцевич, 2021]. Именно «Бессмертный полк» стал массовым воплощением того подхода к персонификации памяти, который был заложен при создании «Книги Памяти» [Книга памяти, 1993]: от абстрактных цифр потерь к конкретным именам и лицам. Схожей по эмоциональному воздействию стала акция «Свеча памяти», проводимая ежегодно в День памяти и скорби 22 июня. В 2011 г. в Кургане молодые активисты «Молодой Гвардии» зажгли свечи у мемориала воинам-интернационалистам в память о жертвах грузино-осетинского конфликта, тем самым расширив смысловое поле акции и включив в него современные трагедииⁱ. Использование свечей, придавало акции глубокое духовное измерение, превращая ее из политического мероприятия в личный акт скорби и молитвы.

Одной из самых интересных практик стала акция «Живи, родник», инициированная военным комиссаром Владимиром Усмановым. Идея заключалась в установке именных колодцев в честь Героев Советского Союза-земляков. Это был принципиально новый, гуманистический подход к мемориализации: памятник не как каменный истукан, к которому возлагают цветы раз в год, а как источник жизни, приносящий реальную, ежедневную пользу людям. Так, в 1995 г. у Омского моста был торжественно освящен колодец-памятник имени Героя Советского Союза Александра Евгеньевича Черемухинаⁱⁱ. Освящение колодцев священнослужителями придавало акции глубокое духовное измерение, соединяя память о войне с христианской традицией и экологическим сознанием. Вода из такого колодца воспринималась как «живая вода» памяти. Всего планировалось установить 100 таких «живых памятников», что превращало карту региона в сеть сакральных точек, где можно не только поклониться герою, но и утолить жажду, физически прикоснувшись к памяти.

Новые подходы проявились и в городской скульптуре, которая стала более демократичной и близкой к человеку. Памятник «Родители», открытый в 2007 г. в городском саду Кургана по проекту скульптора Л. Лапердиной, стал первым монументом, посвященным не конкретному герою, вождю или событию, а социальной роли и вечным семейным ценностям. Организация открытого конкурса эскизов, в котором участвовали как профессионалы, так и любители, и последующий народный сбор средств сделали этот проект общегородским делом, объединившим жителей. Скульптура сразу же обросла новыми городскими ритуалами: молодожены стали проходить под аркой рук бронзовых родителей, загадывая желания о счастливой семейной жизни. Это пример того, как памятник становится частью не идеологического, а жизненного сценария горожан, местом радости, а не скорбиⁱⁱⁱ. Знак «Нулевой километр», установленный у почтамта в 2012 г., стал популярной фотозоной и символической точкой отсчета личных

ⁱ Никитенко Н. Забыть не имеем права // Новый мир. Курган, 2011. 11 авг. № 151. С. 4.

ⁱⁱ Гессе Н. Живи, родник, живи // Новый мир. Курган, 1995. 30 мая. № 102. С. 3.

ⁱⁱⁱ Волкова В. «Я хочу, чтобы к «Родителям» приходили с мечтами и радостью» // Новый мир. Курган, 2007. 31 окт. № 215. С. 2; «Мира, благоденствия России, матерям и детям на земле!» // Новый мир. Курган, 2007. 27 нояб. № 235. С. 1.

маршрутовⁱ. Эти объекты не несут тяжелой идеологической нагрузки, но выполняют важную функцию создания «мест памяти» и идентичности, делая город более уютным и узнаваемым.

Специфической формой коммеморативной практики стала «именная» благотворительность и меценатство, возрождающая дореволюционные традиции. Установка памятников на территориях предприятий представляет собой не просто дар городу, но и формирование новой корпоративной идентичности. Открытие аллеи имени главного технолога Г. А. Пиратинского на «Курганмашзаводе» в 2002 г. демонстрирует, как память о выдающихся специалистах становится частью бренда предприятия, инструментом воспитания гордости за свой заводⁱⁱ.

В 2000-е гг. в сферу памяти начали активно проникать цифровые технологии. Создание электронной версии «Книги Памяти» — Память Зауральяⁱⁱⁱ, публикация списков погибших на сайтах, оцифровка архивных документов и фотографий позволили сделать историческую информацию доступной для каждого в любой точке мира. Это превратило поиск сведений о предках из сложной исследовательской задачи в действие, доступное любому школьнику. В 2010 г. в рамках областного конкурса «Без прошлого нет будущего» школьники создавали исследовательские мультимедийные проекты под названием «Если бы улицы умели говорить», используя как архивные данные, так и устные истории, записанные на диктофоны и видеокамеры^{iv}. Технологии позволили сохранить голоса уходящего поколения ветеранов и сделать их частью цифрового наследия.

12 октября 2011 г. с целью популяризации культурного наследия областного центра был запущен интернет-проект «Культурное наследие города Кургана». Сайт аккумулирует информацию о «старом» Кургане, его архитектуре и жителях, делая краеведческие материалы доступными широкой аудитории^v.

Таким образом, инновационные коммеморативные практики в Кургане характеризуются переходом от монументального гигантизма к интерактивности, от идеологического диктата к личной сопричастности, от государства к гражданскому обществу. Все это представляет собой способы сделать память живой, действенной и эмоционально близкой каждому человеку, превратить историю из набора дат в часть личной биографии.

ⁱ Макоеева Т. Нулевой километр — точка отсчета // Новый мир. Курган, 2012. 28 авг. № 99. С. 2.

ⁱⁱ Шахова Н. «Я всегда хотел людям только хорошего» // Новый мир. Курган, 2002. 12 сент. № 169. С. 2.

ⁱⁱⁱ Память Зауралья. <https://pamyat.kurganobl.ru/> (дата обращения: 17.07.2026).

^{iv} Федорова К. Благодарные потомки — командарму // Новый мир. Курган, 2010. 15 мая. № 90. С. 2.

^v Культурное наследие города Кургана. <https://kurgan.pro/okn/> (дата обращения: 13.07.2026).

Вызовы и перспективы развития мемориальной культуры

Расширение тематики коммеморативных практик в Кургане, несмотря на очевидные достижения, не является бесконфликтным процессом. Современная политика памяти сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые требуют осмысления и выработки стратегий преодоления.

Одной из самых острых проблем остается состояние материального наследия. Многие памятники, особенно те, что были установлены в советское время, ветшают и разрушаются без должного ухода. Если знаковые объекты в центре города поддерживаются в порядке, то мемориалы на окраинах или в парках часто оказываются заброшенными. Характерным примером стал демонтаж в 1993 г. обветшавшего гипсового памятника основателю города Тимофею Невежину, установленного в 1964 г. Монумент был убран не по идеологическим соображениям, а из-за разрушения и отсутствия средств на реставрацию, что наглядно продемонстрировало безразличие к историческому наследию в кризисные годыⁱ. Показательной стала и ситуация с мемориалом «Сраженный пулей», который к 2012 г. начал ветшать, и только субботник ветеранов и последующее общественное внимание привели к его реконструкции в 2019 г. Еще более тревожной проблемой является вандализм: кражи чугунных плит с могил декабристов и памятника Пичугину ради сдачи в металлолом в 2003 г. свидетельствуют о глубокой деградации моральных норм у части населения, для которой память не имеет ценностиⁱⁱ.

Второй вызов носит демографический и социальный характер [Аникин, 2012]. Уход из жизни поколения ветеранов Великой Отечественной войны ставит вопрос о том, кто будет хранителем живой памяти. Живой голос свидетеля, который был основой советской педагогики памяти, исчезает. Акция «Бессмертный полк» стала мощным ответом на этот вызов, позволив передать эстафету памяти внукам и правнукам, но важно, чтобы она не превратилась в формальное шествие, а сохранила личный, семейный смысл. Также существует риск разрыва поколений в восприятии памятников: для молодежи, не знающей контекста, памятник Ленину может быть просто арт-объектом, а мемориал «афганцам» — местом, где молодежь развлекается. Опыт школы № 75 имени Родкина показывает один из возможных путей решения этой проблемы: включение памяти о герое в повседневную образовательную практику, создание музея, регулярные встречи с ветеранами делают память живой и значимой для нового поколения.

Третий вызов связан с конфликтом интерпретаций и поиском консенсуса [Миллер, 2002]. Попытки примирить «красных» и «белых», советское и антисоветское не всегда успешны. Показательной в этом отношении стала инициатива 2017 г. депутата Государственной Думы, председателя регионального отделения Российского военно-исторического общества Александра Ильякова по установке в городском саду Кургана мемориала согласия и примирения. Проект предполагал размещение барельефа «Красный и Белый» — части триптиха известного советского скульптора Льва Голо-

ⁱ Макоевеева Т. Нулевой километр — точка отсчета // Новый мир. Курган, 2012. 28 авг. № 99. С. 2.

ⁱⁱ Тихонов Б. Ограбленная история // Новый мир. Курган, 2003. 18 июля. № 131. С. 4.

ницкого «Мой век». На барельефе изображены два брата, которых Гражданская война поставила по разные стороны баррикад, и их мать, делящая между ними единственную буханку хлеба. «Давайте в наш век мы примиримся раз и навсегда: нет ни белых, ни красных — мы люди одной страны!» — заявил Ильтяков, предлагая установить памятник на месте захоронений жертв Гражданской войны в горсаду¹. Однако проект так и не был реализован, что свидетельствует о сложности достижения общественного консенсуса по болезненным историческим вопросам.

Споры о переименовании улиц, дискуссии о целесообразности сохранения памятников Ленину и установки монументов жертвам репрессий показывают, что гражданская война в умах еще не закончена. Необходимо искать такие формы коммеморативных практик, которые бы объединяли, а не раскалывали общество. Установка памятников «нейтральным», гуманистическим героям, таким как врач Витебский или учитель Сазонов, представляет собой один из перспективных путей решения этой проблемы: профессиональный подвиг и служение людям не несут идеологической нагрузки и могут объединить людей разных политических взглядов». Вместе с тем перспективы развития мемориальной культуры в городе выглядят обнадеживающими при условии использования новых возможностей. Развитие цифровых технологий открывает огромные перспективы: создание виртуальных музеев, интерактивных карт памяти, онлайн-архивов делает историю доступной и привлекательной для молодежи. Электронная версия «Книги Памяти», «Культурное наследие города Кургана», «Мемориальные доски Кургана» показывают эффективность этого направления. Проект «Имя героя — школе», поддержанный ОНФ, демонстрирует возможности системной работы по передаче памяти через образовательные институты.

Важным и пока недостаточно используемым ресурсом является мемориальный туризм. Курган обладает уникальными объектами: Дом-музей декабристов, являющийся единственным за Уралом; памятники конструктивизма; места, связанные с Илизаровым. Эти места могут стать точками притяжения для туристов при условии инвестиций в инфраструктуру и грамотного маркетинга. Развитие пешеходных маршрутов и установка информационных табличек представляют собой шаги в правильном направлении.

Необходимо также развивать культуру участия. Память жива, пока в ее сохранении участвуют люди. Практики «народной стройки» представляют собой формы гражданского воспитания, которые необходимо развивать. Опыт ветеранских организаций, самостоятельно выходящих на субботники для ухода за мемориалами, показывает, что общество готово брать на себя ответственность за сохранение памяти.

Таким образом, будущее политики памяти в Кургане зависит от способности власти и общества находить баланс между сохранением традиций и поиском новых форм, между государственным заказом и низовой инициативой. Главная цель состоит в том, чтобы сделать память не мертвым грузом, а живым ресурсом развития.

¹ «В наш век положим этому конец». В горсаду Кургана установят мемориал согласия и примирения // URA.RU. Информационное агентство. <https://ura.news/news/1052275671> (дата обращения: 15.07.2026).

Заключение

Проведенное исследование расширения тематики коммеморативных практик в городе Кургане в постсоветский период с 1991 по 2021 г. позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о трансформации модели исторической памяти и ее роли в жизни городского сообщества.

За три десятилетия город прошел сложный путь от монолитной, идеологически детерминированной советской системы, где доминировали революционные и военные нарративы, к полифоничному, многослойному и порой конфликтному мемориальному пространству. Этот процесс не был простым механическим замещением «старых» символов «новыми»; он представлял собой сложный синтез, борьбу за интерпретацию прошлого и поиск новых смысловых опор.

Главным итогом этого периода стало разрушение государственной монополии на память. Субъектами политики памяти стали общественные организации, краеведы, Церковь, благотворительные фонды и частный бизнес [Аникин, 2020]. Общество доказало свою способность самостоятельно формировать повестку памяти, что наглядно продемонстрировали такие проекты, как издание «Книги Памяти», создание мемориала «Сраженный пулей» и присвоение школам имен героев.

Важнейшей тенденцией стала гуманизация и персонификация памяти. На смену абстрактным героям пришло внимание к конкретной человеческой судьбе. Жители города получили возможность гордиться не только полководцами, но и врачами, учителями, простыми солдатами. Памятники Витебскому, Сазонову, Парышеву символизируют признание ценности профессионального служения.

Существенно расширился тематический спектр коммеморативных практик. В публичное пространство вернулись «вытесненные» темы: репрессии, православная культура, дореволюционная история, трагедия исчезнувших деревень, семейные ценности.

Сформировались инновационные практики памяти. Произошел переход от монументального гигантизма к интерактивности, от стоящих памятников к «живым памятникам» в виде колодцев, от идеологии к человеческим ценностям, от государственных парадов к народному шествию «Бессмертного полка».

Вместе с тем исследование выявило и проблемные зоны. Состояние многих памятников остается тревожным. Вандализм и коммерциализация свидетельствуют о кризисе моральных ценностей. Конфликты вокруг топонимики показывают, что гражданское примирение представляет собой длительный процесс, требующий диалога. Нереализованный проект мемориала согласия и примирения в городском саду наглядно демонстрирует сложность достижения консенсуса по болезненным историческим вопросам.

Тем не менее опыт Кургана демонстрирует, что историческая память обладает огромным интегративным потенциалом. Новые практики помогают людям преодолевать социальную атомизацию, чувствовать связь с землей и предками. Региональная идентичность, обогащенная новыми сюжетами и героями, становится важным ресурсом развития города. Перспективным направлением дальнейшего изучения темы представляется расширение источниковой базы за счет интервью и материалов устной истории.

Привлечение свидетельств участников мемориальных инициатив, ветеранов, краеведов, представителей церковных и общественных организаций, а также жителей города позволило бы глубже раскрыть личностное измерение коммеморативных практик, уточнить мотивацию их акторов и проследить механизмы передачи памяти на уровне семейных и локальных сообществ. Сохранение и творческое переосмысление этого наследия представляет собой задачу не только власти, но и всего гражданского общества. Память должна стать не мертвым грузом, а живым ресурсом, помогающим людям любить свой город и чувствовать ответственность за его судьбу.

Список источников

- Аникин Д. А. 2012. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 12. № 2. С. 34–38.
- Аникин Д. А., Линченко А. А. 2020. Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 11. № 2. С. 30–43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11203>.
- Архипова С. А. 2018. Сохранение исторической памяти о жертвах политических репрессий // XVI Зырянские чтения: мат. Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6–7 декабря 2018 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 74–77.
- Ассман А. 2016. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 223 с.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 368 с.
- Васильева А. М. 1997. Забытый Курган / Васильева А. М.; Курган. обл. краевед. музей. Курган: Зауралье. 359 с.
- Габович М. 2015. Памятник и праздник: Этнография Дня Победы. СПб.: Нестор-История. 432 с.
- Карсонов Б. Н. 2015. Диалоги времен. Курган: [Б. и.]. 775 с.
- Книга Памяти, 1941–1945. Курганская область. Курган: Парус-М, 1993.
- Колоницкий Б. И., Мацкевич М. Г. 2022. Ленин как «место памяти» постсоветской России. Память о политике и память о мемориальном проекте // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 3 (58). С. 125–137. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-125-137>.
- Копосов Н. 2011. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение. 320 с.
- Кузьмин А. Д. 2011. Огонь столетий. Курган: Шумиха. 416 с.
- Мазур Л. Н. 2013. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (117). С. 243–256. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/21845>.
- Малинова О. Ю. 2013. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН. 421 с.

- Малинова О. Ю. 2015. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 207 с.
- Малинова О. Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История. С. 27–53.
- Миллер А. И. 2009. Россия: власть и история // Pro et Contra. Т. 13. № 3–4. С. 6–23.
- Миллер А. И. 2012. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, И. Липец. М.: Новое литературное обозрение. С. 328–367.
- Миллер А. И. 2014. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. № 4 (75). С. 49–57.
- Наумов С. С., Рыженко В. Г. 2019. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: мат. VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т. И. Рябовой. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет. С. 430–438.
- Нора П. 1999. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 17–50.
- Репина Л. П. 2011. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 560 с.
- Святославский А. В. 2013. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище. 588 с.
- Степанцевич Т. В. 2021. Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России // Вестник гуманитарного образования. № 1 (21). С. 119–123. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.014>.
- Тумаркин Н. 1999. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Академический проект. 285 с.
- Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. 348 с.

References

- Anikin, D. A. (2012). Strategies of memory politics in the post-imperial space. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12(2), 34–38. [In Russian]
- Anikin, D. A., & Linchenko, A. A. (2020). Commemorative dates in the symbolic space of modern Russia: State strategies and cultural practices. *Society. Communication. Education*, 11(2), 30–43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11203> [In Russian]
- Arkhipova, S. A. (2018). Preserving historical memory of the victims of political repression. In *Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference “XVI Zyryanov Readings”* (December 6–7, Kurgan) (pp. 74–77). Kurgan State University Publishing House. [In Russian]
- Assmann, A. (2016). *New Discontent with Memorial Culture* (Translation by B. Khlebnikov). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. [In Russian]

- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Early Civilizations*. Yazyki Slavyanskoy Kultury. [In Russian]
- Vasilyeva, A. M. (1997). *Forgotten Kurgan*. Zauralye. [In Russian]
- Gabovitch, M. (2015). *Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day*. Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Karsonov, B. N. (2015). *Dialogues of Times*. [S.n.]. [In Russian]
- Book of Memory, 1941–1945. Kurgan Region*. (1993). Parus-M. [In Russian]
- Kolonitskii, B. I., & Matskevich, M. G. (2022). Lenin as a “site of memory” in post-Soviet Russia: Memory of the politician and memory of the memorial project. *Perm University Herald. History*, (3), 125–137. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-125-137> [In Russian]
- Koposov, N. (2011). *Memory of Strict Regime: History and Politics in Russia*. Novoe Literaturnoe Obozrenie. [In Russian]
- Kuzmin, A. D. (2011). *Fire of Centuries*. Shumikha. [In Russian]
- Mazur, L. N. (2013). Image of the past: Historical memory formation. *Izvestia: Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, (3), 243–256. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/21845> [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2013). *Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia*. INION RAS. [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2015). *The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of the Russian Identity*. Politicheskaya Entsiklopediya. [In Russian]
- Malinova, O. Yu. (2018). Memory politics as a field of symbolic politics. In *Collection of Scientific Papers “Methodological issues in the study of memory politics”* (pp. 27–53). Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Miller, A. I. (2009). Russia: Power and history. *Pro et Contra*, 13(3–4), 6–23. [In Russian]
- Miller, A. I. (2012). Historical politics in Russia: A new turn? In A. Miller & I. Lipets (Eds.), *Historical Politics in the 21st Century* (pp. 328–367). Novoe Literaturnoe Obozrenie. [In Russian]
- Miller, A. I. (2014). Memory politics in Russia: The year of shattered hopes. *Politeia*, (4), 49–57. [In Russian]
- Naumov, S. S., & Ryzhenko, V. G. (2019). Monuments to victims of local conflicts and catastrophes in post-Soviet memorial culture (on the example of large cities in Western Siberia). In T. I. Ryabova (Ed.), *Proceedings of the 6th International Scientific-Practical Conference “Problems and Trends in the Development of the Socio-Cultural Space of Russia: History and Modernity”* (May 17–18, Bryansk) (pp. 430–438). Bryansk State University of Engineering and Technology. [In Russian]
- Nora, P. (1999). Between memory and history: Les lieux de mémoire. In P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, & M. Winock, *France-Memory* (Translation from French) (pp. 17–50). St. Petersburg University Press. [In Russian]
- Repina, L. P. (2011). *Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*. Krug. [In Russian]
- Svyatoslavsky, A. V. (2013). *History of Russia in the Mirror of Memory: Mechanisms of Historical Image Formation*. Drevlekhranilishche. [In Russian]

Stepantsevich, T. V. (2021). Transformation of the Great Patriotic War commemoration practices in modern Russia. *Herald of Humanitarian Education*, (1), 119–123. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.014> [In Russian]

Tumarkin, N. (1999). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Academic Project. [In Russian]

Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory*. Novoe Izdatelstvo. [In Russian]

Информация об авторе

Алексей Леонидович Авдеенко, заведующий сектором «Региональный центр Президентской библиотеки», Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган; ассистент кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, Курган; аспирант, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>

Information about the author

Aleksey L. Avdeenko, Head of the Regional Center of the Presidential Library, Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan, Russia; Assistant, Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan, Russia; Postgraduate Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia

avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>

Сотрудничество КНР и стран Центральной Азии в области сохранения культурного наследия в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь»

Гульнур Рафаэлевна Суфиянова[✉], Анна Георгиевна Пальчикова^{✉✉},
Анна Артемовна Саитова^{✉✉✉}

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакты для переписки: g.r.sufyanova@utmn.ru[✉], a.g.palchikova@utmn.ru^{✉✉},
stud0000292467@study.utmn.ru^{✉✉✉}

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого направления культурной дипломатии КНР, как сохранение культурного наследия, которое позволяет государству решать ряд важных задач и способствует реализации проекта «Один пояс, один путь». Это направление внешней политики КНР в регионе Центральной Азии рассматривается как один из ключевых стратегических элементов всей инициативы, позволяющий наполнить экономический мегапроект гуманитарным содержанием, создать общую ценностную основу для стран-участниц и сформировать положительный имидж КНР. Теоретической основой исследования являются конструктивизм и концепция «дипломатии наследия», которые позволяют рассматривать наследие как инструмент дипломатии и как важный компонент внутрирегиональных экономических и политических связей, объединяющих государства и население на основе памяти о Шелковом пути. На основе метода кейс-стади исследуются такие направления сотрудничества, как совместные археологические раскопки, изучение и сохранение исторических памятников, музейные проекты. Делаются выводы о целях культурной политики КНР в контексте реализации проекта «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: дипломатия наследия, культурное наследие, международные отношения, политика памяти, историческая дипломатия, культурная дипломатия

Цитирование: Суфиянова Г. Р., Пальчикова А. Г., Саитова А. А. 2026. Сотрудничество КНР и стран Центральной Азии в области сохранения культурного наследия в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Вест-

ник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 143–161. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-143-161>

Поступила 26.03.2026; одобрена 31.05.2026; принята 12.07.2026

Cooperation between China and Central Asian countries in the field of cultural heritage preservation in the context of the “One Belt, One Road” initiative

Gulnur R. Sufiyanova[✉], Anna G. Palchikova^{✉✉}, Anna A. Saitova^{✉✉✉}

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: g.r.sufiyanova@utmn.ru[✉], a.g.palchikova@utmn.ru^{✉✉},
stud0000292467@study.utmn.ru^{✉✉✉}

Abstract. The article explores the role of cultural heritage preservation as a form of China’s cultural diplomacy. This approach allows the state to address several important objectives and contributes to the implementation of the Belt and Road Initiative. This area of China’s foreign policy in the Central Asian region is viewed as one of the key strategic elements of the entire Initiative, enabling the filling of a major economic megaproject with humanitarian content, creating a shared value foundation for participating countries, and shaping a positive image of China. The theoretical framework of the study is based on constructivism and the concept of “heritage diplomacy,” which make it possible to examine heritage as a tool of diplomacy and as an important component of intra-regional economic and political ties that unite states and populations through the shared memory of the Silk Road. Using the case study method, areas of cooperation such as joint archaeological excavations, the study and preservation of historical monuments, and museum projects are examined. Conclusions are drawn regarding the objectives of China’s cultural policy in the context of implementing the Belt and Road Initiative.

Keywords: heritage diplomacy, cultural heritage, international relations, politics of memory, historical diplomacy, cultural diplomacy

Citation: Sufiyanova, G. R., Palchikova, A. G., & Saitova, A. A. (2026). Cooperation between China and Central Asian countries in the field of cultural heritage preservation in the context of the “One Belt, One Road” initiative. *Tyumen State*

University Herald. Humanities Research. Humanitates, 12(2), 143–161. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-143-161>

Received Mar. 26, 2026; Reviewed May 31, 2026; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

С момента запуска инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) во взаимодействии с зарубежными странами Китай уделяет большое внимание культурной дипломатии, инструменту, позволяющему государствам выстраивать взаимовыгодные отношения через распространение своей культуры, языка, ценностей и традиций. Необходимость укреплять дружественные контакты между народами «Одного пояса и одного пути» была озвучена Си Цзиньпином в ходе выступления в столице Казахстана Астане в сентябре 2013 г. в речи под названием «Развивать дружбу между народами, вместе создавать прекрасное будущее». Си Цзиньпин заявил, что необходимо «использовать новые модели сотрудничества», «совместными усилиями сформировать Экономический пояс Шелкового пути» и предложил пять конкретных мер для продвижения в этом направлении: постоянный обмен идеями о стратегиях экономического развития; единая транспортная инфраструктура от Тихого до Балтийского моря; укрепление торговых связей; увеличение валютных потоков; дальнейшее укрепление связей между людьмиⁱ. С этой точки зрения развитие культурной дипломатии в рамках ОПОП — это не просто сопутствующее направление, а один из ключевых стратегических элементов всей инициативы. Проекты в области культуры призваны наполнить экономический мегапроект гуманитарным содержанием, создать общую ценностную основу для стран-участниц и сформировать положительный имидж КНР.

Следует отметить, что китайская культурная дипломатия находится в лоне так называемых «Идей Си Цзиньпина о культуре» (习近平文化思想) — официальной культурной и идеологической доктрине Коммунистической партии Китая (КПК), которая была официально представлена в октябре 2023 г. на Национальной конференции по пропаганде, идеологии и культурной работеⁱⁱ. «Идеи» представляют собой систему взглядов на то, как культура должна служить идеологическому единству, национальному возрождению, построению «социалистической культуры с китайской спецификой» и усилению культурной «мягкой силы» Китая. Одной из основных идей является «твердая уверенность в своей культуре (坚定文化自信) как наиболее фундаментальная, широкая и глубокая форма уверенности в себе», без которой «великое возрождение китайской

ⁱ Xi Jinping. Promote Friendship Between Our People and Work Together to Build a Bright Future (Speech at Nazarbayev University, Astana, September 7, 2013) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzsysiesgjtffshzzfh_665686/t1076334.shtml (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ Xi Jinping Thought on Culture put forward at national meeting. 2023-10-09 // Qiushi. https://en.qstheory.cn/2023-10/09/c_927279.htm (дата обращения: 20.06.2026).

нации невозможно». Во внешнеполитическом измерении эти идеи трансформируются в концепцию «Гармонии в разнообразии» (和而不同) и «Глобальную инициативу цивилизаций» (выдвинута Си Цзиньпином в 2023 г.)ⁱ. Китайские концепции рассматривают наследие Шелкового пути как доказательство исторической способности Китая быть цивилизационным хабом, обеспечивающим взаимовыгодный обмен без навязывания гегемонии.

Обзор литературы

Сотрудничество КНР со странами ЦА давно привлекает внимание и отечественных и зарубежных исследователей. Однако большая часть существующих академических исследований отношений КНР и стран Центральной Азии в контексте реализации ОПОП остается в рамках парадигм экономики, инфраструктурных и инвестиционных проектов. Работы, посвященные культурному сотрудничеству и гуманитарным связям, сфокусированы, в основном, на проектах в области образования, с явным акцентом на деятельности Институтов Конфуция как в отдельных странах, так и в регионе в целом и значении распространения китайского языка как важного инструмента культурной политики [Li, 2018; Aliyev, 2019; Kurek, 2025; Козырева, 2022; Чу Чэнчэн, 2022]. Однако без внимания исследователей остается одно из наиболее перспективных и динамично развивающихся направлений современной гуманитарной политики в рамках инициативы ОПОП — сотрудничество КНР со странами Центральной Азии в области сохранения культурного наследия, задачей которого является транснациональное продвижение как объединяющей, не привязанной жестко к национальным границам идеи «Духа Шелкового пути».

Следует отметить, что политика КНР по сохранению культурного наследия не стала предметом специальных исследований ни зарубежных, ни российских ученых. Отдельные аспекты затрагиваются российскими исследователями в контексте более широких тем. Так, авторы коллективной монографии «Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху» (2022) рассматривают китайскую политику в Центральной Азии в контексте конкуренции с другими внерегиональными игроками (Индия, Турция, Иран) в рамках с точки зрения мемориальной дипломатии. Авторы полагают, что «сохранение культурного наследия — это один из инструментов мемориальной дипломатии, цель которой состоит в формировании над(меж)национального режима памяти для улучшения взаимопонимания между нациями и государствами, формирования значимых ментальных оснований для интеграционных процессов, а также для обновления стратегий на территориях с выраженной нарративной рассогласованностью» [Труфанова и др., 2022, с. 177]. Именно с этих позиций ученые рассматривают активность Китая, который пытается «выстроить общий исторический нарратив при помощи символического обращения к Великому шелковому пути» в странах ЦА [Труфанова и др., 2022, с. 177].

ⁱ Кортуннов А. Глобальная инициатива цивилизаций: международная стратегия Пекина обретает завершенность // РСМД. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnaya-initsiativa-tsivilizatsiy-mezhdunarodnaya-strategiya-pekina-obretaet-zavershennost/?sphrase_id=141268167 (дата обращения: 19.06.2026).

Китайский исследователь Северо-западного университета в г. Сиань (Китай) Лу Ван, обращаясь к изучению туристического сотрудничества между Синьцзяном (Китай) и Казахстаном, исходит из позиции, что именно культурное наследие Шелкового пути реализует реконструкцию современной национальной памяти и оказывает свое многомерное социальное воздействие на жителей приграничных регионов. Лу Ван рассматривает политику КНР и Казахстана в рамках концептов «коллективной памяти» Мориса Хальбвакса и теории культурной памяти Яна Ассмана, согласно которой стабилизация и передача коллективного знания общества и самоидентичности осуществляется посредством объективных внешних проявлений, таких как культурные реликвии, ритуалы, тексты и памятники. С этой точки зрения, все усилия по сохранению, изучению памятников, существующих на территориях, через который проходил Великий шелковый путь, со стороны Китая направлены на то, чтобы формировать современную общую идентичность [Lu Wang, 2025].

С этой точки зрения, культурное наследие Шелкового пути можно рассматривать как «закрепленные» носители памяти, которые могут быть использованы как инструменты для построения современной идентичности, что, свою очередь может способствовать экономическому развитию и международной дружбе, поддерживать сплоченность.

Итальянская исследовательница Дж. Сайоратти рассматривает политику КНР по сохранению наследия как проявление «people-to-people diplomacy», о которой говорил Си Цзиньпин в своем выступлении 2013 г. Под «дипломатией между людьми» Сайоратти понимает политику представления зарубежной общественности определенных нарративов и образов, распространяемых общественными организациями и отдельными гражданами. Цель этой политики, по мнению Сайоратти, — формирование общей идентичности и синоцентрические интерпретации общей истории.

Данное исследование опирается на идеи конструктивизма и концепцию «дипломатии наследия» в интерпретации Т. Уинтера [Winter, 2015, 2023], который определяет ее как деятельность, предполагающую использование культурного наследия как инструмента гуманитарного сближения и построения международного доверия. Как отмечает Ю. В. Иванова, «в отличие от классической публичной дипломатии (public diplomacy), основанной на обмене информацией, дипломатия наследия опирается на общие ценности, символы и память, способные объединять различные культурные традиции» [Иванова, 2025].

Если раньше, полагает Т. Уинтер, в исследованиях международных отношений культурное наследие рассматривалось в контексте его оспаривания государствами и как предмет конфликта, то в настоящее время оно часто становится предметом международного культурного, технологического сотрудничества или инструментом решения более глобальных внешнеполитических задач. С такой позиции политику КНР по сохранению культурного наследия можно рассматривать как важный компонент внутрирегиональных экономических и политических связей, как способ «оживления» памяти о истории Шелкового пути с целью легитимации инициативы «Один пояс, один путь».

Эта логика соотносится с гуманистической концепцией Китая — «сообщества единой судьбы человечества» (Community of Shared Future for Mankind, 人类命运共同体), в которой культурное наследие выступает универсальным языком взаимопонимания и основой мирного сосуществования цивилизаций.

Результаты

Следует отметить, что важной вехой в институционализации сотрудничества в области сохранения культурного наследия стало оформление механизма встреч глав государств «Китай - Центральная Азия» (формат 5 + 1). Стоит отметить, что страны региона присоединились к инициативе ОПОП волнообразно: Казахстан стал первой страной запуска (2013 г.), чуть позже интегрировались в повестку ОПОП Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. С 2023 г. двусторонние форматы сменились многосторонней институционализацией в рамках формата 5 + 1. В Сианьской декларации (май 2023 г.)ⁱ первого саммита «Центральная Азия — Китай» и Астанинской декларации второго саммита (июнь 2025 г.) сохранение культурного наследия и развитие туризма были впервые выделены в отдельные стратегические треки. Лидеры стран заявили, что готовы «провести совместные мероприятия в таких областях, как культура, культурное наследие и туризм... расширять механизмы молодежного обмена, развивать сотрудничество в проведении совместных археологических экспедиций, исследований истории и наследия Великого шелкового пути, сохранении и реставрации культурного наследия, музейных обменов, поиска и возвращении пропавших и похищенных культурных ценностей»ⁱⁱ, что свидетельствует о переходе «дипломатии наследия» на уровень наднационального планирования.

Установки на «общность» и «возрождение духа Шелкового пути» получают свое институциональное и символическое закрепление через включение трансграничных объектов, расположенных на территории КНР и центральноазиатских государств в Список всемирного наследия. Китай ведет активную работу по совместному с государствами Центральной Азии обозначению роли во всемирном историко-культурном наследии. В январе 2013 г. Китай совместно с Казахстаном и Кыргызстаном подали заявку о включении Чанъань-Тяньшаньского дорожного коридора в список всемирного наследия ЮНЕСКО, а 22 июня 2014 г. на 38-й сессии Комитета всемирного наследия в Дохе объект «Шелковый путь: сеть маршрутов коридора Чанъань — Тянь-Шань» был официально включен в список Всемирного культурного наследия, охватив 33 исторических памятника, расположенных вдоль Шелкового пути, в том числе в Китае (22), в Казахстане (8) и Кыргызстане (3)ⁱⁱⁱ. Как сообщают китайские СМИ, это первый совместный проект сотрудничества Китая с зарубежными странами в рамках работы

ⁱ Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай — Центральная Азия» // Посольство КНР в Республике Беларусь. https://by.china-embassy.gov.cn/rus/xwdt/202305/t20230519_11080410.htm (дата обращения: 20.06.2026).

ⁱⁱ Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия — Китай» // Посольство КНР в Республике Казахстан. https://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/202506/t20250620_11654243.htm (дата обращения: 19.06.2026).

ⁱⁱⁱ Шёлковый путь — сеть маршрутов Чанъань-Тянь-шаньского коридора вошел в Список всемирного наследия // Официальный сайт ЮНЕСКО. <https://ru.unesco.org/silkroad/content/shelkovyy-put-set-marshrutov-chanan-tyan-shanskogo-koridora-voshel-v-sписок-vsemirnogo> (дата обращения: 18.07.2026).

по включению исторических памятников и объектов в список Всемирного наследия ЮНЕСКОⁱ.

Таким образом, с одной стороны, это событие стало символом совместной ответственности государств региона за сохранение общего культурного наследия, с другой стороны, закрепляет за Китаем роль глобального культурного лидера и защитника «общечеловеческого достояния». Нельзя не отметить, что по состоянию на начало 2026 г. Китай относится к странам с наибольшим количеством объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, уступая лишь на один пункт Италии (в список памятников ЮНЕСКО включено 60 памятников всемирного наследия, находящихся на территории КНР, 61 объект — на территории Италии). Китай занимает второе место в мировом рейтинге по количеству объектов и соперничает с традиционной ролью Италии как глобальной культурной сверхдержавы.

При технической, финансовой, консультационной поддержке Китая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан смогли подать заявку на включение в список ЮНЕСКО объекта «Шелковый путь: Фергано-Сырдарьинский коридор»ⁱⁱ.

В 2023 г. была одобрена совместная заявка Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана на включение объекта «Шелковый путь: Зарафшан-Каракумский коридор» в список Всемирного наследия ЮНЕСКОⁱⁱⁱ. При этом китайская сторона принимала активную помощь в подготовке этой заявки.

Китай активно участвует в программах ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия Шелкового пути, в том числе в программе Silk Road Programme, которая включает комплекс мероприятий по документированию, исследованиям, популяризации наследия Шелкового пути. В 2015 г. состоялось первое заседание Международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелковый путь», которое объединило экспертов из 16 стран, в том числе из Узбекистана и Таджикистана. По итогам заседания была принята «Сианьская декларация», содержащая рекомендации по выработке совместного подхода к исследовательской деятельности в области культурного наследия Шелкового пути^{iv}.

Еще одним направлением сотрудничества и стратегическим и системным компонентом «дипломатии наследия» являются совместные археологические исследования. С момента объявления о запуске инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. Китай значительно

ⁱ Сулейменов Р. Великий Шелковый путь внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО // Inform.kz. 23.06.2014. https://www.inform.kz/ru/velikiy-shelkovyy-put-vnesen-v-spisok-vsemirnogo-naslediya-yunesko_a2671084 (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ Гуманитарный обмен между Китаем и странами Центральной Азии дал результаты // НИАТ «Ховар». 16.05.2023. <https://khovar.tj/rus/2023/05/gumanitarnyj-obmen-mezhdu-kitaem-i-stranami-tsentralnoj-azii-dal-rezultaty/> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱⁱ Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor (№ 1675) // UNESCO World Heritage Centre. <https://whc.unesco.org/en/list/1675/> (дата обращения: 18.07.2026).

^{iv} Первое заседание участников Международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелковый путь»: новый этап сотрудничества // ЮНЕСКО: официальный сайт. <https://www.unesco.org/ru/articles/pervoe-zasedanie-uchastnikov-mezhdunarodnoy-seti-onlayn-platformy-yunesko-shelkovyy-put-novyy-etap> (дата обращения: 18.07.2026).

расширил сотрудничество со странами — партнерами в области археологических исследований и сохранения культурного наследия. Следует отметить, совместные археологические раскопки вдоль Великого шелкового пути ведутся достаточно давно, однако, финансирование проектов, по словам китайских археологов, значительно увеличилось именно с 2013 г., т. е. с запуска инициативы «Один пояс, один путь». Анализ позволяет сделать вывод, что сотрудничество выходит за рамки разовых экспедиций и оформляется в долгосрочные соглашения, меморандумы и совместные научные центры.

За это время китайские археологи реализовали 44 совместных археологических проекта в 24 странахⁱ, в том числе и в государствах Центральной Азии (см. табл. 1). Ключевым партнером в этих усилиях стал Узбекистанⁱⁱ, где совместные археологические экспедиции работают над поиском остатков древних цивилизаций, которые когда-то процветали на Великом шелковом пути в Сурхандарьинской, Самаркандской, Ферганской и Хорезмской областях. Особое значение китайские специалисты придают исследованиям Ферганской долины, т. к. она является одним из регионов с наиболее ранними связями с Китаем.

Археологическое сотрудничество между Северо-западным университетом и Узбекистаном началось еще в 2009 г. К настоящему времени реализовано более 70 совместных проектов, направленных на изучение культурного обмена на Великом шелковом пути. Археолог Ван Цзяньсинь, начавший работать в Узбекистане 15 лет назад, подчеркнул, что это партнерство бросает вызов западноцентричным интерпретациям истории древней торговой магистрали и расширяет глобальное понимание вклада Китая в ее развитиеⁱⁱⁱ.

Логическим продолжением и практическим результатом «дипломатии наследия» являются проекты в области развития трансграничного туризма. Восстановление археологических памятников (Мингтеб в Узбекистане, Суяб в Кыргызстане, исторический центр Бухары (Узбекистан)) рассматриваются не только как научная задача, но и как часть туристических кластеров. Страны запустили совместные проекты по разработке трансграничных туристических маршрутов «Шелковый путь». Примером может послужить трансграничный историко-культурный туристский маршрут «Новый шелковый путь» — железнодорожный маршрут от Урумчи (СУАР, КНР) до Бухары (Узбекистан), включающий в себя объекты культурного наследия республик ЦА^{iv}. Упрощение визовых

ⁱ Xi Jinping Thought on Culture provides guidance for building cultural strength // Qiushi Theory. 29.03.2024. https://en.qstheory.cn/2024-03/29/c_975014.htm (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ Beneath the Silk Road: China's archaeological diplomacy in Uzbekistan // Times of Central Asia. 20.10.2025. <https://timesca.com/beneath-the-silk-road-chinas-archaeological-diplomacy-in-uzbekistan/> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱⁱ Китайские археологи ищут в Узбекистане следы своей культуры // Наука ТВ. https://naukatv.ru/news/kitajskie_arkheologi_ischut_v_uzbekistane_sledy_svoej_kultury (дата обращения: 06.07.2026).

^{iv} Трансграничный историко-культурный туристский маршрут «Новый шелковый путь» // <https://www.gov.kz/memleket/entities/zhambyl-tourism/documents/details/448488> (дата обращения: 19.06.2026).

режимов между КНР и странами ЦА создает благоприятные условия для того, чтобы наследие Шелкового пути стало экономическим активом и формировало устойчивые “people-to-people” связи.

Табл. 1. Совместные археологические проекты Китая и стран Центральной Азии (2012–2025)ⁱ

Table 1. Joint archaeological projects between China and Central Asian Countries (2012–2025)

Страна, период	Участники	Объект / Регион	Основные результаты и цели
Узбекистан (с 2012 г.)	Центральноазиатская археологическая группа Китайской академии общественных наук Институт археологии при Узбекской академии наук	Ферганская долина	Проведение раскопок в регионе, имеющем наиболее ранние связи с Китаем
Узбекистан (2012–2023)	Китайские и узбекские археологи (совместная экспедиция)	Древний город Мингтепа	Проведено 8 археологических раскопок. Город рассматривается как важная часть инициативы «Пояс и путь»
Узбекистан (2023 г.)	Лоянский археологический институт (пров. Хэнань) Ферганский государственный университет	Руины древнего городища Кува (Ферганская долина)	Раскопки укреплений III–X вв. н. э. Изучение исторического развития города и культурных контактов Востока и Запада
Узбекистан (2023 г.)	Институт культурного наследия Северо-Западного университета (КНР) Термезский государственный университет, Термезский археологический музей (Узбекистан)	Бассейн реки Сурхандарья	Междисциплинарные исследования на основе Соглашения о сотрудничестве в области археологических исследований на памятниках Узбекистана, расположенных по Великому шелковому пути
Узбекистан (2025 г.)	Археологический институт провинции Шаньси, Музей провинции Шаньси Ферганский государственный университет	Ферганская долина	Создание археологического центра для изучения наследия Шелкового пути. Цели: совместные раскопки, академические обмены, выставки
Таджикистан	Китайские археологи Научные учреждения Таджикистана	Памятники кушанидского периода (р-н Н. Хусрав Хатлонской обл.)	Совместные раскопки в рамках договоров о сотрудничестве

ⁱ Составлено авторами.

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Страна, период	Участники	Объект / Регион	Основные результаты и цели
Кыргызстан (2017 г.)	Академия Дуньхуан Кыргызстан (меморандум)	Древнее городище в Нарын-ской области	Подписан меморандум о сотрудничестве, направлены эксперты для исследования возможностей сохранения памятника

Кроме совместных археологических раскопок ученые Китая и стран Центральной Азии ведут активное сотрудничество по реставрации и сохранению культурного наследия. С помощью китайских специалистов был реализован проект по реставрации, консервации и восстановлению медресе Амира Темура и мечети Хасан-Мурад Кушбеги, находящихся в комплексе Ичан кала в Хорезмской областиⁱ. В 2023 г. были открыты Китайско-Центральноазиатская совместная лаборатория человечества и окружающей среды в «Один пояс и один путь» (Самарканд)ⁱⁱ и Китайско-Узбекская международная совместная лаборатория научно-технической археологии и охраны культурного наследияⁱⁱⁱ. В 2025 г. исследователи из Китайской академии общественных наук создали мобильную лабораторию для лучшей сохранности обнаруженных реликвий на месте раскопок Минтепа. В Фергане при поддержке Археологического института и Музея китайской провинции Шаньси был открыт совместный археологический центр. В задачи этого центра входит совместная исследовательская работа, подготовка специалистов, охрана памятников культуры и проведение выставок^{iv}.

Китай и Кыргызстан запустили совместную инициативу по сохранению археологических останков древнего города Суяб (Ак-Бешим) — важного центра Великого Шелкового пути в Чуйской долине^v. Эта работа включает консервацию, реставрацию и укрепление исторических структур. группа исследователей из провинции Шэнси (Китай). Археологи занимаются исследованием Западного буддийского монастыря городища Красная Речка, близ Бишкека.

ⁱ Узбекистан и Китай расширяют сотрудничество в сфере культуры и археологии // Kultura.uz. https://kultura.uz/view_2_r_16280.html (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ В Самарканде открыта совместная лаборатория археологических исследований Китая и стран Центральной Азии // Sputnik Узбекистан. 6 сентября 2023 г. <https://uz.sputniknews.ru/20230906/samarkand-laboratoriya-kitay-sentralnaya-aziya-arheologiya-38620224.html> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱⁱ Northwest University promotes Silk Road archaeological cooperation // Northwest University. <https://english.nwu.edu.cn/info/1031/1508.htm> (дата обращения: 06.07.2026).

^{iv} Китай и Узбекистан открыли совместный археологический центр в Фергане // Podrobno.uz. <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/kitay-i-uzbekistan-otkryli-sovmestnyy-arkheologicheskiy-tsentr-v-fergane/> (дата обращения: 06.07.2026).

^v Kyrgyzstan and China launch joint project to preserve ancient Silk Road city // Times of Central Asia. <https://timesca.com/kyrgyzstan-and-china-launch-joint-project-to-preserve-ancient-silk-road-city/> (дата обращения: 06.07.2026).

В апреле 2025 г. в Бишкеке на основании Меморандума о взаимопонимании, подписанного в августе 2024 г. между Академией Дуньхуан Китайской Народной Республики и Республиканской инспекцией по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры, информации и молодежной политики Кыргызской Республики, была открыта кыргызско-китайская совместная лаборатория по охране культурного наследияⁱ.

Китайская сторона передала в дар лаборатории специализированное оборудование на сумму 25 миллионов сомов. Это оборудование предназначено для выведения на новый уровень работ по исследованию, реставрации и охране историко-культурного наследия в Кыргызстанеⁱⁱ. Представители обеих стран подчеркнули, что «проект способствует достижению более масштабных целей в области культурной дипломатии и сохранения исторического наследия, создавая мост между древними цивилизациями и современным международным сотрудничеством»ⁱⁱⁱ.

При активном участии КНР и активной поддержке государств ЦА был создан Международный центр археологии Шелковых путей (CRCASR). Он был основан как международная платформа для археологических исследований, защиты наследия, обмена опытом и культурных обменов. Китайская сторона (Северо-Западный университет), другие университеты регионов и институты совместно проводят исследования, выставки, обмены и образовательные мероприятия^{iv}. В 2024 г. филиал CRCASR был открыт в Казахстане (город Иссык).

В 2019 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай готов к сотрудничеству с другими странами для защиты культурного наследия Азии и азиатских цивилизаций и объявил об учреждении Азиатского альянса по сохранению культурного наследия^v, в состав которого вошли более 20 стран Азии, в том числе Кыргызстан и Узбекистан^{vi}.

Китай инвестирует в археологическую дипломатию, которая использует общую историю для укрепления связей с соседями. Все новостные материалы, посвященные совместным археологическим проектам, сопровождаются комментариями, что культурное наследие Шелкового пути может стать не только объектом охраны, но и живым ресурсом формиро-

ⁱ Совместные проекты стран ШОС в области культурного наследия // SCO Media. <https://scomedia.ru/11297/> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ В рамках кыргызско-китайского сотрудничества открылась совместная лаборатория по охране культурного наследия // Министерство культуры Кыргызской Республики. <https://minculture.gov.kg/ru/v-ramkakh-kirgizsko-kitayskogo-sotrudnichestva-otkrilas-sovmestnaya-laboratoriya-po-okhrane-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱⁱ Kyrgyzstan and China launch joint project to preserve ancient Silk Road city // Times of Central Asia. <https://timesca.com/kyrgyzstan-and-china-launch-joint-project-to-preserve-ancient-silk-road-city/> (дата обращения: 06.07.2026).

^{iv} Китай и страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество в археологии // CGTN на русском. <https://russian.cgtn.com/n/BfJEA-CIA-HEA/EEcfIA/index.html> (дата обращения: 06.07.2026).

^v Там же.

^{vi} Туркменистан представлен на Генассамблее Азиатского альянса по сохранению культурного наследия // Orient.tm. <https://orient.tm/ru/post/51872/turkmenistan-predstavlen-na-genassamblee-aziatskogo-alyansa-po-sohraneniyu-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 06.07.2026).

вания ценностей будущего, они пробуждают в жителях Китая и Центральной Азии чувство исторической гордости и эмоциональной связи, чувства общей культурной идентичностиⁱ.

В то же время нельзя не отметить, что для стран Центральной Азии это сотрудничество открывает доступ к ресурсам, технологиям и международным площадкам, что делает «дипломатию наследия» обоюдовыгодным, хотя и не всегда симметричным, процессом.

Еще одним направлением политики КНР являются совместные музейные проекты, целью которых является визуализация, материализация и популяризация через выставочные проекты общей истории (см. табл. 2).

Важной тенденцией сотрудничества государств стала его институционализация. 18 мая 2017 г. был создан Международный альянс музеев Шелкового путиⁱⁱ. По уставу данная организация определяется как «неправительственная некоммерческая открытая международная платформа для сотрудничества и коммуникации в сфере музейного дела для стран и регионов, расположенных вдоль Шелкового пути». В настоящий момент организация насчитывает 180 музеев-участников, из которых 115 расположены в Китае, а 65 являются международными членами организации, из них 9 музеев находятся в странах Центральной Азииⁱⁱⁱ.

В качестве основных целей Альянса можно выделить содействие международному сотрудничеству музеев, расширение межкультурных обменов и взаимопонимания между народами через реализацию совместных музейных проектов, популяризацию истории и наследия Шелкового пути, укрепление связей с международными институтами.

Табл. 2. Музейное сотрудничество^{iv}

Table 2. Museum collaboration

Тип сотрудничества	Страны-участники	Институты и площадка	Проект	Год	Содержание
Многостороннее музейное сотрудничество	Страны Шелкового пути (18 стран)	Альянс художественных музеев и галерей Шелкового пути (штаб-квартира в Пекине)	Основание альянса и его расширение	2018	Создан с целью укрепления сотрудничества в сфере культуры и искусства. В 2024 г. в состав Альянса вошел Государственный музей искусств РК имени Абылхана Кастеева

ⁱ Digging deeper than artifacts // Global Times. June 17, 2025. <https://www.globaltimes.cn/page/202506/1336379.shtml?id=11> (дата обращения: 06.07.2026).

ⁱⁱ International Alliance of Museums of the Silk Road: Statutes // International Alliance of Museums of the Silk Road: official site. <https://www.musesilkroad.com/en/statutes/> (дата обращения: 18.07.2026).

ⁱⁱⁱ Национальный музей Республики Казахстан, Центральный государственный музей Республики Казахстан, Национальный исторический музей Кыргызской Республики, Музей Фрунзе, Национальный музей Таджикистана, Музейный комплекс города Куляб Республики Таджикистан, Государственный музей истории Узбекистана, Бухарский музей-заповедник, Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан.

^{iv} Составлено авторами.

Продолжение табл. 2
Table 2 (continued)

Тип сотрудничества	Страны-участники	Институции и площадка	Проект	Год	Содержание
Межгосударственное музейное сотрудничество	Страны ШОС	Уполномоченные органы государств-членов	Меморандум о сотрудничестве в области музейного дела	2022	Документ предусматривает развитие музейного сотрудничества: проведение выставок, научных исследований, обмен опытом и совместные проекты по популяризации историко-культурного наследия
Двустороннее музейное сотрудничество	Китай — Узбекистан	Самаркандский государственный музей-заповедник и China National Silk Museum	Меморандум о взаимопонимании	2022	Соглашение предусматривает совместные выставочные проекты, научные исследования, образовательные мероприятия, обмен специалистами и долгосрочный обмен экспозициями, посвященными истории шелка и Шелкового пути
Двустороннее музейное сотрудничество	Китай — Казахстан	Национальный музей Республики Казахстан и China National Silk Museum	Меморандум о сотрудничестве	2025	Подписан во время открытия выставки «Шелк и Шелковый путь: из Китая в Казахстан». Меморандум о сотрудничестве предполагает создание выставочного пространства для Китайского национального музея шелка в казахстанском музее, что станет частью продолжающейся серии Global Showcase от музея шелка. Меморандум также предусматривает проведение ежегодных выставок в Казахстане в течение 5 лет ⁱ

ⁱ Exhibition on Silk and the Silk Road Opens at National Museum of Kazakhstan // International Alliance of Museums of the Silk Road: official site. https://www.musesilkroad.com/en/news/news/202508/t20250813_272360.html (дата обращения: 18.07.2026).

Продолжение табл. 2
Table 2 (continued)

Тип сотрудничества	Страны-участники	Институции и площадка	Проект	Год	Содержание
Выставочный проект	Китай — Кыргызстан	музеи Бишкека	Выставка «По следам Шелкового пути: интеграция культур»	8 октября 2024 г.	Экспозиция посвящена китайской культуре и историческим связям стран Шелкового пути
Выставочный проект	Китай — Узбекистан	Самаркандский государственный музей-заповедник и China National Silk Museum	Выставка «Шелк и Шелковый путь: от Ханчжоу до Самарканда»	6 декабря 2024 г.	Тематическая выставка, посвященная китайским историческим мотивам и их влиянию на материальную культуру Центральной Азии ⁱ . На мероприятии временный поверенный в делах посольства Китая в Кыргызстане Ли Баоцзе подчеркнул, что «подобные выставки дают кыргызскому народу возможность глубже познакомиться с традиционной культурой и обычаями Китая, что способствует укреплению взаимопонимания» ⁱⁱ
Выставочный проект	Китай — Казахстан	Государственный музей искусств РК имени Абылхана Кастеева	Выставка «Китайское искусство идей — Шедевры из Национального музея Китая»	5 июня 2024 г.	Экспозиция включает около 50 произведений китайской живописи, графики и скульптуры ⁱⁱⁱ

ⁱ China National Silk Museum Launches “Silk and Silk Roads” Exhibition in Uzbekistan // Caspian Post: news portal. <https://caspianpost.com/culture/china-s-national-silk-museum-launches-silk-and-silk-roads-exhibition-in-uzbekistan> (дата обращения: 18.07.2026).

ⁱⁱ Walking the Silk Road: Chinese Cultural Exhibition Held in Bishkek // Times of Central Asia: news portal. <https://timesca.com/walking-the-silk-road-chinese-cultural-exhibition-held-in-bishkek/> (дата обращения: 18.07.2026).

ⁱⁱⁱ На новом уровне. Казахстан и Китай укрепляют сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере // Комсомольская правда Казахстан. 27 мая 2025 г. <https://www.kp.kz/daily/27704/5093540/> (дата обращения: 06.07.2026).

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Тип сотрудничества	Страны-участники	Институции и площадка	Проект	Год	Содержание
Выставочный проект	Китай — Казахстан	Национальный музей Республики Казахстан	Выставка «Шелк и Шелковый путь: из Китая в Казахстан»	16 июня 2025 г.	Международная экспозиция, посвященная текстильным традициям и культурным связям стран Шелкового пути, в частности китайским историческим мотивам и их влиянию на материальную культуру Центральной Азии ¹ . Экспозиция представляет текстильные и чайные традиции, подчеркивая их историческую значимость и роль в культурном обмене, который на протяжении веков способствовал сближению народов Казахстана и Китая. Как все подобные выставки, экспозиция акцентируют идею общего историко-культурного пространства Великого шелкового пути

Заключение

Анализ политики КНР в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс, один путь» демонстрирует эволюцию инструментов влияния. Китай выходит за рамки традиционной культурной дипломатии (распространение языка, образование) и концепции «мягкой силы», переходя к более сложной и многослойной стратегии. Эта стратегия подразумевает не просто демонстрацию собственных достижений, а совместное (с принимающими странами) конструирование общего историко-культурного нарратива, основанного на наследии Великого шелкового пути. При этом учитывается геополитический контекст региона (глубокое культурное, языковое и мемориальное присутствие

ⁱ «Шелк и Шелковый путь: из Китая в Казахстан»: тематическая выставка открылась в Астане // Казахстанская правда. 16 июня 2025 г. <https://kazpravda.kz/n/shelk-i-shelkovyy-put-iz-kitaya-v-kazahstan-tematicheskaya-vystavka-otkrylas-v-astane/> (дата обращения: 06.07.2026).

РФ). Нарратив КНР опирается исключительно на древний средневековый Шелковый путь. Это позволяет КНР выстраивать культурную политику, не вступая в конкуренцию с российскими историческими и культурными нарративами. Кроме того, многие проекты косвенно или прямо координируются с учетом интересов РФ, в том числе через механизмы Шанхайской организации.

Культурная дипломатия в рамках ОПОП эволюционирует из вспомогательного инструмента в самостоятельный стратегический трек. «Дипломатия наследия» трансформируется в устойчивый, институционально оформленный механизм взаимодействия со странами Центральной Азии. А опора на общее историко-культурное наследие Великого шелкового пути выступает основой для выстраивания многоуровневого сотрудничества, которое реализуется как на уровне международных организаций, так и на уровне двусторонних форматов взаимодействия.

Основная идея, продвигаемая Китаем, — идея об исторической взаимосвязанности Китая и центральноазиатских стран, что представляется через образ Шелкового пути как пространства обмена и мирного сотрудничества. Такая риторика позволяет КНР позиционировать себя не как внешнего актора в регионе, а как часть региональной истории, легитимного участника в процессе сохранения общего культурного наследия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Иванова Ю. В. 2025. Дунхуан в эпоху цифровизации: медиатизация сакрального наследия и культурная дипломатия Китая // Культура и искусство. № 10. <https://www.elibrary.ru/NVDQMH>.
- Козырева М. А. 2022. Гуманитарное сотрудничество Китая и России со странами Центральной Азии: сравнение эффективности // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021 / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю. В. Кулинцев. М.: ИДВ РАН. С. 262–270. <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-so-stranami-tsentralnoy-azii-sravnenie-effektivnosti> (дата обращения: 23.07.2026).
- Ломанов А. В. 2017. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. № 22. <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kulturnogo-vliyaniya-kitaya-v-proekte-odin-royas-odin-put> (дата обращения: 22.07.2026).
- Труфанова Е. О., Емельянова Н. Н., Яковлева А. Ф. (ред.). 2022. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: коллективная монография. М.: Аквилон. 400 с.
- Чу Чэнчэн. 2022. Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-Азиатского региона // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 282–288. <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-konfutsiya-i-ih-deyatelnost-v-stranah-tsentralno-aziatskogo-regiona> (дата обращения: 23.07.2026).
- Grincheva N. 2013. Cultural Diplomacy 2.0: challenges and opportunities in museum international practices // Museum & Society. No. 1. Pp. 39–49.
- Grincheva N. 2022. Cultural diplomacy under the “digital lockdown”: pandemic challenges and opportunities in museum diplomacy // Place Branding and Public Diplomacy. No. 1. Pp. 8–11. <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00237-z>.

- Grincheva N. 2023. "Contact zones" of heritage diplomacy: transformations of museums in the (post)pandemic reality // *Heritage Diplomacy: Discourses, Imaginaries and Practices of Heritage and Power* / eds. T. Lähdesmäki, V. L. A. Čeginskas. London: Routledge. Pp. 76–93.
- Kurek A. 2025. Silk Road legacy and China's cultural diplomacy in Central Asia // *Nowa Polityka Wschodnia*. Vol. 47. No. 1. Pp. 115–132. <https://czasopisma.marszalek.com.pl/uploads/periodicals/npw/2025/npw4701.pdf> (дата обращения: 02.12.2025).
- Lähdesmäki T., Čeginskas V. L. A. 2022. Conceptualisation of heritage diplomacy in scholarship // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 28. No. 5. Pp. 535–550. <https://doi.org/10.1080/13527258.2022.2054846>.
- Li A. 2018. "One Belt One Road" and Central Asia: A New Trend in Internationalization of Higher Education? // *International Higher Education*. No. 92. Pp. 14–16. <http://doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10216>.
- Sciorati G. 2022. "Constructing" heritage diplomacy in Central Asia: China's Sinocentric historicisation of transnational World Heritage Sites // *International Journal of Cultural Policy*. No. 1. Pp. 94–112. <https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2141718>.
- Wang L. 2025. Research on the social functions of Silk Road cultural heritage: cross-border tourism and the reconstruction of national memory // *Proceedings of the 4th International Conference on Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*. Pp. 19–26.
- Winter T. 2015. Heritage diplomacy // *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 21. No. 10. Pp. 997–1015. <https://doi.org/10.1080/13527258.2015.1041412>.
- Winter T. 2023. Heritage diplomacy // *International Journal of Cultural Policy*. No. 1. Pp. 130–134. <https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2141728>.

References

- Ivanova Yu. V. (2025). Dunhuang in the digital age: The mediatization of sacred heritage and China's cultural diplomacy. *Culture and Art*, (10). <https://www.elibrary.ru/NVDQMH> [In Russian]
- Kozyreva, M. A. (2021). China and Russia's humanitarian cooperation with Central Asian countries: Comparison of the effectiveness. In Yu. V. Kulintsev (Ed.), *East Asia: Past, Present and Future*. 2021 (pp. 262–270). IFES RAS. Retrieved July 23, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-so-stranami-tsentralnoy-azii-sravnenie-effektivnosti> [In Russian]
- Lomanov, A. V. (2017). Strategy of China's cultural influence in the "One Belt, One Road" project. *China in World and Regional Politics. History And Modernity*, (22). Retrieved July 22, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kulturnogo-vliyaniya-kitaya-v-proekte-odin-poyas-odin-put> [In Russian]
- Trufanova, E. O., Emelyanova, N. N., & Yakovleva, A. F. (Eds.). (2022). *Individual and Collective Memory in the Digital Age*. Akvilon. [In Russian]
- Chu Chengcheng. (2022). Confucius Institutes and their activities in countries of Central Asian region. *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), 282–288. Retrieved July 23, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-konfutsiya-i-ih-deyatelnost-v-stranah-tsentralno-aziatskogo-regiona> [In Russian]

- Grincheva, N. (2013). Cultural diplomacy 2.0: Challenges and opportunities in museum international practices. *Museum & Society*, (1), 39–49.
- Grincheva, N. (2022). Cultural diplomacy under the “digital lockdown”: Pandemic challenges and opportunities in museum diplomacy. *Place Branding and Public Diplomacy*, (1), 8–11. <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00237-z>
- Grincheva, N. (2023). “Contact zones” of heritage diplomacy: Transformations of museums in the (post)pandemic reality. In T. Lähdesmäki & V. L. A. Čeginskas (Eds.), *Heritage Diplomacy: Discourses, Imaginaries and Practices of Heritage and Power* (pp. 76–93). Routledge.
- Kurek, A. (2025). Silk Road legacy and China’s cultural diplomacy in Central Asia. *Nowa Polityka Wschodnia*, 47(1), 115–132. Retrieved July 22, 2026, from <https://czasopisma.marszalek.com.pl/uploads/periodicals/npw/2025/npw4701.pdf>
- Lähdesmäki, T., & Čeginskas, V. L. A. (2022). Conceptualisation of heritage diplomacy in scholarship. *International Journal of Cultural Policy*, 28(5), 535–550. <https://doi.org/10.1080/13527258.2022.2054846>
- Li, A. (2018). “One Belt One Road” and Central Asia: A new trend in internationalization of higher education? // *International Higher Education*, (92), 14–16. <http://doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10216>
- Sciorati, G. (2022). “Constructing” heritage diplomacy in Central Asia: China’s Sinocentric historicisation of transnational World Heritage Sites. *International Journal of Cultural Policy*, (1), 94–112. <https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2141718>
- Wang, L. (2025). Research on the social functions of Silk Road cultural heritage: Cross-border tourism and the reconstruction of national memory. In *Proceedings of the 4th International Conference on Interdisciplinary Humanities and Communication Studies* (pp. 19–26).
- Winter, T. (2015). Heritage diplomacy. *International Journal of Heritage Studies*, 21(10), 997–1015. <https://doi.org/10.1080/13527258.2015.1041412>
- Winter, T. (2023). Heritage diplomacy. *International Journal of Cultural Policy*, (1), 130–134. <https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2141728>

Информация об авторах

Гульнур Рафаэлевна Суфиянова, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.r.sufyanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9020-7771>

Анна Георгиевна Пальчикова, старший преподаватель, кафедра международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.g.palchikova@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1451-1412>

Анна Артемовна Саитова, студентка, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000292467@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7955-6481>

Information about the authors

Gulnur R. Sufiyanova, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Department of International Relations, Regional Studies and Tourism, University of Tyumen, Tyumen, Russia
g.r.sufiyanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9020-7771>

Anna G. Palchikova, Senior Lecturer, Department of International Relations, Regional Studies and Tourism, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.g.palchikova@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1451-1412>

Anna A. Saitova, Undergraduate Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000292467@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7955-6481>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования. Humanitates

2026. Том 12. № 2 (46)

Редактор	<i>Д. В. Лангавая</i>
Перевод	<i>А. А. Горбунов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Баширов</i>

Дата выхода в свет 25.08.2026

Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print

Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro

Печать цифровая. 14,18 усл. печ. л., 11,34 уч.-изд. л.

Цена свободная.

Тираж 500 экз. Заказ № 191